

А.САРХИПОВ

СКВОЗЬ ЛЁД И СНЕГ

часть II

АНТАРКТИЧЕСКИЙ БЕГЛЕЦ

Алексей Сергеевич Архипов

Сквозь лёд и снег. Часть

II. Антарктический беглец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70510360

SelfPub; 2024

Аннотация

Уважаемые читатели, представляю вам вторую вводную часть из шести моего романа, которая является по сути дебютным этюдом, поэтому конечно особой критики не заслуживает, т.к. она в данном случае не принципиальна, но, к сожалению читать наиболее успешные по моему мнению части 4,5 и 6 будет немного затруднительно без первых трёх. Ко всему могу обещать отличную быструю читательность текста. Каждую часть можно осилить за 6 часов, итого одна неделя чтения. Роман писался как аннотация к изобретению новой детской игрушки в основной позиции и виду транспорта в косвенном отношении, не имеющим под собой реальных разработок. Каждая часть писалась не более двух месяцев (чтобы подчеркнуть уровень автора) и в целом творческая стратегия была ориентирована на захват ресурса в медиа среде. Желаю приятного и интересного прочтения. С уважением, Архипов Алексей.

Алексей Архипов

Сквозь лёд и снег. Часть

II. Антарктический беглец

ГЛАВА I. ФРАНЦУЗСКАЯ РИВЬЕРА.

– Который час? – спросила Фрэя сонным голосом, проснувшись, вытягивая руки вверх и разводя их в стороны.

За окном мелькали деревья, кусты и поля. Весь пейзаж казался до мельчайших подробностей аккуратным, чистым и уравновешенным. Вдалеке периодически возникали какие-то фермы в старом европейском стиле с ветряными мельницами и домами, напоминающими иллюстрации в книге Шарля Перро «Кот в сапогах». Новенький серебристый кроссовер от BMW плавно скользил по асфальтовому серпантину дороги. Лёгкая едва заметная неоновая подсветка салона очень чётко сочеталась с недавно наступившими сумерками. Тёплый летний воздух, нагретый уползающим за горизонт солнцем, на ходу проникал в приоткрытое окно внедорожника и слегка трепал волосы Фреи, перемешиваясь с ароматом духов и оригинального ароматизатора салона.

– Где мы? – переспросила Фрэя, опустив левую ладонь на правое плечо Джонса, – я долго спала?

Джонс вёл машину с максимальным удовлетворением от

комфорта в салоне и видов виноградников, спускающихся со склонов холмов.

– Сейчас мы проезжаем округ Лангон, один из исторических округов Франции в регионе Аквитания. У меня такое чувство, что сейчас на дорогу из кустов Де Артаньян на коне выскочит или Дон Кихот.

– Он же испанец, – возразила Фрэй.

– Кто? – с удивлением переспросил Джонс.

– Ну, Дон Кихот. Он в Испании жил, а не во Франции, – со смущённой улыбкой продолжала она.

Джонс немного смутился на секунду. Он не хотел отвлекаться от видов за окном и непревзойдённой динамики управления спортивной подвеской на поворотах серпантина, поэтому не слишком вдавался в суть сказанного Фреей. Тёмно-синяя шёлковая рубашка трепалась как парус на его груди от плотного воздушного потока через водительское окно. Внезапно «немец» чётко включил интеллектуальный свет фар.

– Неважно, – ответил Джонс, сделав некоторую паузу, – ты же понимаешь, что я это к слову о местных видах и мельницах. Сейчас без пяти семь, а что ты хотела?

– Может остановимся где-нибудь перекусить? Я проголодалась и хочу местного вина по случаю пребывания здесь. Ты ведь не собираешься вести машину всю ночь голодным?

Джонс переключился на голосовой поиск маршрутизатора в бортовом компьютере автомобиля. Приятный женский

голос на русском языке сказал: «Введите параметры поиска». Джонс быстро произнёс: «Ресторан!», после чего на карте сразу же отобразились все близлежащие заведения по проложенному курсу с регистром регламента работы над каждым.

– До ближайшего ресторана всего пару миль, – сказал Джонс, – там и остановимся.

– Что ж, прекрасно, – ответила Фрэн и они продолжили свой путь молча, наслаждаясь закатом солнца, живописными видами и приятным тёплым воздухом французской провинции.

После ужина в летнем кафе на открытой террасе небольшого ресторанчика неподалёку от винодельни Шато-Понт-дэ-Брион в округе Сен-Пьер-де-Мон, с бокалом красного сухого вина при свечах под стрекотание цикад, запах цветущей лаванды и бесконечным звёздным небом, Фрэн потянуло на романтические настроения и она произнесла:

– En ce monde tous les biens sont communs!

Джонс, будучи не особо осведомлённым в крылатых выражениях на французском языке продолжал молча жевать, сделав только некоторое такое саркастическое «Угу», как будто бы согласившись с произнесённым.

– Ты что понял, что я сказала? – с радостным удивлением спросила Фрэн.

– Нет, – коротко и просто ответил Джонс, сделав несколько глупое выражения лица, но при этом сохранив невозму-

тимость.

Фрэя подавилась смехом, манерно прикрывая ладонью нижнюю часть лица.

– «В этом мире есть все блага, надо лишь уметь их добыть», – ответила она с объяснительной интонацией.

К столику подошёл гарсон аккуратно держа перед собой на согнутой в локте руке белое полотенце с тиснёным гербом, по видимому местной винодельни, и уступчиво чуть подавши корпусом вперёд произнёс, обращаясь всё-таки как бы больше к Джонсу, чем к Фрэе:

– *Encore la faute a la dame?* (Ещё вина даме?фран.)

– *Non, merci!* («Нет, спасибо!»фран.) – ответила Фрэя.

– *But, we will take one bottle of the same wine with ourselves* («Но мы возьмём одну бутылку такого же вина с собой»), – сразу продолжила она на английском.

– *Une bouteille meme. C'est bien!* («Одну бутылку такого же. Хорошо!»фран.) – услужливо легко и весело произнёс гарсон и быстро удалился.

Уже садясь в машину и размещая фирменную корзину с вином и сыром в багажнике среди вещей, Фрэя вдруг спросила у Джонса:

– Помнишь тот случай с американским пилотом на Амундсен-Скотт?

– Я не хочу вспоминать подробности, если честно, – ответил Джонс.

– Да ладно тебе, в самом деле... Ты что собираешься пря-

таться и бегать от этого случая? Это смешно, давай поговорим об этом. Мне интересно понять, что стоит за всем этим? Да и тебе, как капитану в будущем будет полезно иметь в виду такие скрытые от общих взоров факторы.

– О чём ты говоришь, не понимаю? Он просто предложил – я просто отказался. Это американцы, они слишком раскрепощённые люди и бывают довольно наглыми.

Джонс запустил силовой агрегат, кроссовер плавно и бесшумно двинулся с места. Фрэя откинула спинку кресла немного назад и приняла полу лежачую позу на боку, повернувшись в сторону водителя лицом к Джонсу и подвернув левую ногу под себя.

– В тебе говорит обида, – продолжила она, – это неправильная позиция.

– Я говорю так, как было и как понимаю суть происходящего.

– Давай начнём заново, – и Фрэя добавила немного теплого воздуха на климат контроле в свою сторону. За окном становилось прохладней.

– Для начала, что ты знаешь про этого Стива Эдиссона? – спросила она.

– Это тебе к Гансу с Йозефом надо обратиться, – у них там контора исследует все подробности.

– Ничего смешного я в этом не вижу, но допустим, можно опустить эту часть.

– Да я как бы и не смеялся, просто мне всё равно. Я не

строю какие-либо выводы и не вырабатываю в соответствии с ними тактик на основе личных данных и уж тем более не собираюсь заниматься шпионажем и разведкой. Я уверен в своих силах и навыках и действую в соответствии с возможностями, которые мне предоставлены, а не максимально перескакиваю допустимые пределы. Случай с Зордаксом – это совсем другое, там не было установлено явных преград для действий. А здесь мне пришлось бы очень долго объяснять, почему я вдруг сразу же после моего назначения сорвался в незапланированную гонку с американским пилотом вопреки распорядку миссии.

– Ты не хочешь меня слушать, а всё вторишь свои оправдания и уводишь куда-то от сути. Я уже сказала, что не обвиняю тебя, дело не в этом.

– А в чём тогда?! – начал раздражаться Джонс.

– Почему эта ситуация возникла и кому это было надо? Вот главный вопрос, на который ты должен ответить, – строго перебила его Фрэя.

– В смысле? – спросил Джонс уже более спокойно, – ты хочешь сказать, что за всем этим стоит нечто большее, чем просто желание этого Стива Эдиссона помериться кое-чем у всех на виду с явно выраженной, как это принято у американцев, вычурностью и манерностью?

– За всем этим стоит гораздо большее, чем мы с тобой сейчас можем предположить, – ответила Фрэя с явным усилением важности момента, – помнишь, что было приведе-

но управлением миссии в изменениях к протоколам первой гонки на станции Ноймайер у немцев в качестве одной из целей? Там было сказано, что при победе немецких пилотов их группа будет иметь приоритет в участии при следующих миссиях.

– А что вообще это значит? Ты так говоришь, как будто знаешь заранее все итоговые последствия. Зачем вообще немцам нужны эти приоритеты и почему они сами по себе не могут организовывать и выполнять свои миссии?

– Ты что вообще дурак? – несколько риторично спросила Фрэн, – кого будут интересовать на мировом уровне какие-то чужие, не известные достижения, если они не входят в общий план программы всего проекта? Мы же говорим о реализации целой индустрии, в которой люди потом будут платить деньги, а значит, мы говорим о весомом участии в получении дальнейшей прибыли, не говоря уже о национальном престиже.

– Ладно, хорошо я понял, дальше что? Немцы могли получить доминирующую позицию, то есть ты хочешь сказать, что и американцы также стремятся её заполучить. Но причём тут частные формы выражения личной конкуренции?

– Элементарно! – для подавления боевого стимула. Вопрос даже не в этом. Интерес вызывает то, как они это делают, – продолжила Фрэн.

– Интересно, что же там такого ещё? – опять возразил Джонс.

– Дело не в самих подробностях, а в том, насколько тонко их анализировать. Судя по их поведению, мы можем говорить о том, что они обладают абсолютной независимостью, свободой действий и иммунитетом. И естественно такие полномочия им предоставляет их руководство, ведь не хочешь ли ты мне сказать, что Стив Эдиссон вот так вот просто без всякого разрешения на свой страх и риск будет предлагать тебе посреди незаконченной миссии личную дуэль, рискуя попасть в такие же неприятности, как и бывший капитан Зордакс? Даже если у него есть деньги и это его личный Сновигатор, то уже никак, согласись он в частном порядке без разрешений не выйдет в свободный незапланированный полёт по маршруту от станции до станции. Эти действия должны были быть в любом случае согласованы со всеми службами с их стороны, а раз он был настолько смел и решителен, то наверху об этом естественно знали.

Джонс в некоторой степени оторопел:

– Послушай Фрэя, я только что ощутил невероятный прилив масштабного прозрения, даже не знаю что сказать, мне нужно время, чтоб подумать ещё раз, ведь ты абсолютно права.

– Да, веселье ещё и в том, что кроме нас с тобой в группе об этом случае никто не знает, потому что мы договорились с тобой об этом никому пока не распространяться. И они, я пока ещё не готова ответить на вопрос «кто именно?», – знают об этом тоже и также принимают это в разработку.

– Так постой, тут получается целый заговор что ли? Может ты всё-таки накручиваешь обстановку?

– Какой заговор, Джонс? Это игра! Как ты не поймёшь? Нас втянули в чью-то игру, и я хочу приблизительно разобраться хотя бы с правилами, не говоря уже о конечных целях и тех, кто хочет их добиться наверху.

– Нифига себе история! – сказал Джонс, продолжая вести машину, – лишь бы это не оказалось очередными разговорами на ночь. Понимаешь, о чём я говорю?

– Успокойся, надо выстраивать цепочку на конкретных фактах, а не смотреть сквозь них, не обращая внимания на детали. Да и в целом ты же понимаешь, что мы не просто на велосипедах в детском садике катаемся, в деле замешаны огромные деньги. Огромные деньги и интересы разных государств. Давай лучше попробуем применить для дальнейшего рассуждения метод допустимых вероятностей. У нас есть цели американской стороны и явная принадлежность этих целей к их высшему руководству. Таким образом, мы можем сделать вывод, что, скорее всего это могло обсуждаться между главами корпорации, но не обязательно в формате нашего конкретного случая, а как общая тактика развития программы с учётом баланса заинтересованных противостоящих сторон.

– Короче, ты хочешь сказать, что Архип Великий знает про эту американскую провокацию, и что они вместе с другими членами правления обсуждали возможность возникно-

вения таких случаев, как методы влияния на цели всей миссии? – внезапно сформулировал Джонс.

– Именно! – ответила Фрэнсис с некоторым удовлетворением от того, что ей наконец удалось вывести Джонса на истинное понимание происходящего и оттолкнуть от комплекса проигравшего героя.

– Хорошо, – продолжила она, – теперь осталась уже совсем тонкая структура предположений о том, какими мотивами руководствовался Архип Великий и о чём вообще они там могли говорить?

– Ну, это уже совсем не реально, – ответил Джонс.

– Согласна, – сказала Фрэнсис, – но мне не нужно дословное содержание, я хочу просто понять позицию Архипа Великого.

– А что тебя в нём не устраивает?

– Да, понимаешь, это очень странно, назначать человека капитаном группы и тут же кидать его под танки, нарочно провоцируя на грубые нарушения.

– Но ты же сама сказала, что он не обязан был знать о конкретных действиях со стороны американцев.

– Да, но предположим, что он знал. Представь себе, что он знал об этом заранее. Что, как ты думаешь, он хотел понять или чего добиться, на что посмотреть? Что являлось объектом понимания в той ситуации?

– Ну, возможно вероятность моей победы или же чёткое подчинение распорядку.

– Ты опять слишком поверхностен. Здесь суть как раз в отношении одного к другому, то есть объектом исследования были твои личные качества, как капитана и военного офицера. Скорее всего, он изучал твоё внутреннее состояние, что одержит вверх в твоих чувствах: страх перед риском или же отчаянная смелость, некая такая отвязанность в поступках перед возможностью уступить сопернику или врагу.

– Подожди, так ты хочешь сказать, что Архип Великий проверял меня на трусость что ли?

– Практически да, только это ещё не всё.

– Да уже как бы плохо всё.

– Почему? – спросила Фрэя.

– Ну, наверно потому что я проиграл в данном случае, то есть струсил.

– Да нет, дело-то не в этом.

– Дело не в этом – дело не в этом... А в чём тогда дело?! Послушай, Фрэя, я устал уже от твоих дедуктивных психологических расследований. Говори попроще.

– Да не получается проще, тут и смысл был весь в рассуждениях. Чтобы что-то понять, надо задавать друг другу вопросы, понимаешь?

– Ну-ну и что там дальше-то у тебя, Шерлок Холмс? – саркастично спросил он.

– А дальше всё хреново, вот что! – недовольно ответила Фрэя, – зачем Архипу Великому устраивать психологические игры с подчинёнными, да ещё и в сговоре с амери-

канской стороной? Попахивает какими-то злыми клоунами в дерьмовом цирке.

– Так ведь там ещё по твоему же графику должен присутствовать представитель из Москвы, так ведь? Архип хоть и самостоятельная личность, но без Москвы он на такое не решится, ему сразу ноги начнут пилить.

– Всё правильно, только вот и Москва меня не особо вдохновляет в плане благочестивости.

– А ну то есть и они интерес имеют к этому?

– Конечно! Даже я бы сказала это конкретный заданный интерес, только вот я не могу понять, конкретно в чём?

– Ну, пользуясь твоими методами, я могу предположить, что они просто сравнивают нас и американцев. То есть это как ставки делают в человеческой игре личностей, брошенных в свободный бой на выживание, чтобы доказать, что мы действительно самые сильные и лучшие, а остальных используют для создания нарочных помех, чтобы усложнить правила.

– Ага, весёлая замануха! Я всю жизнь мечтала о подтасовках со стороны начальства. Замечательные такие соревнования, где твои тренеры делают тебе пакости, чтобы ты проиграл.

– Ну, может это ещё не так всё. Ты же сама сказала, что мы рассматриваем только вероятность.

– Не важно, надо готовиться к худшему. Примем всё так, как есть и надо как-то аккуратно довести это до остальных,

чтобы все были осторожнее и внимательнее. Не известно, что там ещё нам могут подсунуть.

– А зачем так аккуратничать, – взяли да сказали. Сейчас вон приедем к Кэтрин с Акселем и расскажем всё как есть.

– Да нет, так тоже делать нельзя. Допустим Кэтрин и Акселя я доверяю, как собственно и всем остальным, но ты же понимаешь, что мы будем там нести? Фактически мы будем дискредитировать высшее руководство, обвиняя самого Архипа Великого в чём-то подобном предательству или скрытым махинациям, направленным на подавление участников миссии. Ну, короче, умышленном саботаже проекта.

– Допустим, а в чём умысел тогда?

– Ну, как, может он добивается перевеса сил? В пользу другого государства, например.

– А как же тогда Москва?

– Да хрен с ней с Москвой, что ты пристал? Может они ему там вдвоём мозги запудрили, этому представителю, а он и не в курсе сам. Это обычная техника двое против одного.

– Хорошо, вернёмся к осторожности и нашим ребятам. Давай расскажем часть истории без своих домыслов?

– Не пойдёт. Они не так поймут ситуацию, и будут вести себя гораздо проще, чем нужно.

– Тогда как?

– Надо рассказывать всё досконально со всеми домыслами, только заранее предупредить о том, что это опасно и говорить об этом за пределами группы ни в коем случае нель-

зя. И вот ещё что, я думаю Зордаксу вообще не стоит ничего говорить.

– Это ещё почему?

– Ты знаешь, если выяснится, что всё, о чём мы с тобой говорили это правда, то Зордакс – является самой уязвимой фигурой в этом фрагменте. Во-первых, вы с ним враги. Во-вторых, он и со мной теперь будет враждовать. В третьих, он должен денег и очень много Архипу Великому и не известно, каков критерий прощаемости таких долгов перед корпорацией. Он может спокойно придти к нему в палату с корзиной фруктов, похлопать по плечу и пожелать скорейшего выздоровления, а заодно рассказать о нас с тобой, напомнить о сумме убытков проекту, предложить очередную «конфету» в случае полного подчинения и просто завербовать его, как обычного стукача в команде, который сразу же сольёт наши домыслы и планы напрямую без посредников.

– Вообще всё плохо ты рассказала, мне что-то и участвовать уже дальше перехотелось.

– Да?! А на новом BMW тебе по Европе путешествовать, свободно тратя деньги, не перехотелось? Сейчас вон ещё одна парочка в перламутровом бассейне на черноморском побережье среди крымских виноградников расслабляется в любовных играх, а ты у них типа ещё и капитан теперь.

– Так, ладно я понял, Зордаксу ни слова.

– Теперь смотри ещё... Хелбокс с Вэндэром тоже ребята ещё те. Вэндэр так вообще дурак наивный. Ходит на пово-

ду у второго дурака напыщенного, Хэлбокса. Самомнение-то вперёд вылезает на метр, а человек ещё и не появился. Лишь бы он сдуру, как тогда с Гансом, не напорол чего. Здесь ему уже не просто ребята из соседней бригады... – по рогам так дадут, да и нас подставит, поэтому с ними нужно конкретно говорить, чтобы они рот зашили и не дёргались самостоятельно. И это уже твоя проблема, малыш, понимаешь? Ты капитан, ты должен давить на их сознательность, меня они так слушать уже не будут.

– Я сделаю всё как надо. Но если честно, мне всё равно не до конца понятно, чего мы должны опасаться?

– Да всего, особенно случайностей всяких. Типа «Давай прокатимся», да «Покажи мне, какой ты крутой» и так далее. Пускай сами себе там показывают. Ну, короче, – не влипать в истории, причём таким образом, чтобы не страдало не только собственное эго, но и честь команды. Подставы короче обходить. Достаточно не простая задача, особенно, когда их сочиняют англосаксы.

– Они же американцы.

– Этому всему их британская корона научила. Это те ещё ребята и судя по поведению Архипа Великого, этот ветер тоже оттуда дует. Я вот просто ещё думаю, а за что он нас так ненавидит?

– С чего ты взяла?

– Да, понимаешь... – это всё-таки больше похоже на ненависть. Ненависть к конкретным людям, но за что? Несмотря

ни на что: ни на все их игры в кошки-мышки, ни на принципиальную жёсткость к героям, а просто веет от этого какой-то ненавистью и злом. Ведь он по сути всё решает, и может спокойно задать другой ритм и тон, но не делает этого. Ему по нраву больше издеваться над людьми, пытаться их. Вот я и думаю, какова причина этого?

– Может он больной? – в шутливом тоне вдруг спросил Джонс и расхохотался.

– А то есть ты хочешь сказать, что маньяк или психопат? – в таком же тоне ответила Фрэн, – да нет, на психопата он не похож. Это не уровень обычного психопата. Это месье, он за что-то мстит. По-своему конечно, не настолько явно и возможно даже шутя, но с достаточным уровнем профессионализма. Он старается и старается очень хорошо. Так, чтобы мы почувствовали всё это дерьмо в душе. Тебе же очень не понравилось, когда пришлось отказаться от этой дуэли с Эдисоном.

– Ну да, омерзительное чувство поражения.

– Вот он это специально всё подстроил, понимаешь? Он хотел именно этого. И если бы ты тогда согласился и погнался за своими личными амбициями победителя, не факт, что он бы стал применять к тебе меры в соответствии с регламентом. Скорее всего, когда они получили результат, Архип наверняка бы упрекнул тебя в том, что ты отказался как лидер команды и не стал участвовать в этой произвольной схватке.

– Послушай Фрэн, а что если всё не так плохо и Архип

вовсе не стремится к каким-то запутанным скрытым целям или желаниям, а просто спокойно наблюдает за происходящим, не влезая и не участвуя во всём этом посредственно, как бы пустив всё на самотёк? Поэтому и создаётся ощущение того, что он якобы за что-то мстит, как ты сказала.

– Тогда просто пофиг и всё. Сам понимаешь, в соответствии с жизненной логикой, если чего-то нет или не существует, то тогда и пофиг, а если есть – то интересно, что это такое.

– Завтра в это же время мы будем пересекать границу с Германией, – сказал Джонс, немного погодя.

– Да я знаю, ты уже говорил, – ответила Фрэн, – но мне такой маршрут не нравится. Я хотела проехать через Италию.

– Ты хотела побывать во Франции, попить вина, а я хочу попить пива в Германии. Не всё же мне баранку крутить одному. К тому же через Италию нам придётся делать большой крюк, а потом подниматься опять вверх через Швейцарию или Австрию, так как в Германию по другому не попасть, а у нас времени мало, нас ещё в Крыму ждут – не дождутся. Поэтому в этот раз мы поедem через Германию, Чехию, потом через Польшу в Беларусь, а там уже по российской территории спустимся к Керченскому проливу, потому что я очень хочу проехать по Крымскому мосту имени Путина.

– Ты так говоришь, как будто есть ещё какой-то Крымский мост.

– Здравссьте! У вас в Москве есть Крымский мост, причём

я неоднократно был свидетелем того, что люди не сразу понимали о каком именно Крымском мосте идёт речь. Знаешь кстати, во сколько бы обошлось это путешествие в Крым, если бы Путин не вернул его тогда в состав России?

Я думаю и Аксель с Кэтрин наверняка бы не смогли позволить себе двухэтажный коттедж на берегу, да и моста такого бы не было в помине. Кто, кроме Путина и России взял бы тогда на себя его строительство и для чего? Чтобы русским было комфортней попадать на отдых? Они бы заставили людей платить за перелёты дополнительные деньги своим авиакомпаниям, отбив тем самым затраченные на строительство курортного бизнеса средства.

А теперь мы имеем возможность приобрести или построить там собственный дом с земельными участками и также выращивать виноград, как французы, от которых мы с тобой возвращаемся, и делать уже собственное вино, а уже технологии и качество – это вопрос желания, старания и времени.

– Полностью с тобой согласна. Это одно из великих достижений Путина в истории России, хотя я тогда только в первый класс пошла. Но сегодня, спустя семнадцать лет это оказалось не шуточным результатом для нас и Акселя с Кэтрин в частности. Неплохой бонус – проваляться до конца отпуска на побережье с личным бассейном и погонять на гидроскутерах нахаляву.

Машина выехала с серпантина на трассу с односторонним движением. Джонс повернул на топливную станцию, кото-

рая была достаточно удачно расположена неподалёку, видимо как раз для дозаправки перед более интенсивным движением в пути. Вернувшись в машину он включил музыку в стиле «Tech-House» и прибавил скорости по односторонней прямой.

– Ты не собираешься спать? – предусмотрительно спросил он Фрею.

– Не знаю, пусть играет пока. Если усну – сделаешь потише. Поехали!

Кроссовер с характерным драйвом от доносившихся ритмов электронной музыки из салона довольно уверенно удалялся куда-то в темноту, унося с собой непревзойдённый эффект иллюминации габаритных огней и передних фар, разрезающих тёмное пространство далеко перед собой. Это было лето две тысячи тридцать третьего года. Двое русских офицеров возвращались из путешествия по Европе к своим друзьям в Крым, чтобы вместе продолжить свой отпуск перед новой миссией программы «Polar Navigation» в Антарктиде.

ГЛАВА II. КРЫМСКАЯ ВИЛЛА.

Ранним утром машина Джонса въехала на грандиозное по своей масштабности инженерное творение, которое возвышалось над уровнем моря на высоту в тридцать пять метров, а впереди ещё простиралось на семнадцать километров пути

среди непревзойдённого морского пространства и яркого голубого неба, освещённого утренним солнцем. Всё вокруг было неописуемо чисто и прозрачно, чувства необъятной свободы парило в воздухе и пространстве. Казалось, что это всё происходит на какой-то другой планете в далёком будущем. В такое время, не зависимо от сезона, количество машин было незначительным и это создавало ещё больше свободы в ощущениях окружающего пространства и атмосферы. Несомненно, Крымский мост имени Путина поражал своей красотой и фундаментальностью, оставляя глубокое впечатление в сознании любого человека.

Джонс не стал будить Фрею, она мирно спала на переднем пассажирском сидении и он не хотел специально тревожить её в этот раз, так как потом им всё равно предстоял ещё путь через мост обратно. При виде моря у Джонса внутри возникал ещё один особый ажиотаж: ему хотелось поскорее попасть на пляж, окунуться в море, купаться, плавать, загорать и радоваться солнцу. В голове проскакивали совсем уже сумасшедшие мысли о том, что можно было бы остановить машину и прыгнуть в море прямо сейчас отсюда, с края моста, а потом поплыть в бесконечно синюю бирюзовую даль к горизонту, туда, где море и небо соединяются друг с другом в ровную линию, едва заметную сквозь дымку утреннего тумана.

Температура над поверхностью воды в море с утра была невысокая. Солнце ещё не успело нагреть воздух, остывший

за ночь. Джонс чуть-чуть опустил водительское стекло. В салон начал прорываться тонкий холодок с характерным запахом моря. В этот момент Джонсу очень захотелось оказаться на месте Фрей на пассажирском сидении, высунуться в полностью открытое окно и наблюдать за нестандартным движением пейзажа за мостом относительно скорости движения внутри него, вдыхая аромат морского воздуха и глядя в бесконечно глубокое небо.

Джонс вёл машину с мыслями о том, что сегодня им ещё предстоит встретиться со своими друзьями, Акселем и Кэтрин, что они обязательно отметят это: будут жарить мясо, пить вино, рассказывать друг другу разные истории, делиться новостями, шутить и смеяться вместе, и всё это ещё больше вдохновляло его, подталкивая к новому дню. Прокручивая в голове эти мысли, на середине моста он вдруг осознал, что для него не было бы ничего прекраснее из возможного, как только также поселиться здесь.

– Плохо, что Фрэя спит, – подумал он про себя, – неплохо было бы поделиться друг с другом мнениями по этому поводу, ведь мост однозначно играл во всём этом немаловажную роль.

Вдали за пеленой тумана начали более чётко проявляться очертания объектов на другом берегу. От места выезда с моста до места, где находился коттедж Аксея и Кэтрин, было ещё около двадцати километров на юг по побережью. Он располагался неподалёку от посёлка Героевка, извест-

ного своей военной славой времён Второй Мировой Войны. Здесь в 1943 году произошёл первый и самый главный удар по немецко-фашистским береговым укреплениям с моря. Это сражение за взятие высоты на побережье было отмечено в истории фатальным героизмом и масштабным кровопролитием со стороны Советской Армии. Советские солдаты форсировали берег на протяжении нескольких дней, используя довольно примитивные катера с установленными на них среднекалиберными орудиями. Против них в точке основного удара по дислокации немецких позиций был построен полномасштабный дот на самом верху сопки с несколькими пулемётами. Толщина его железобетонных стен могла запросто выдерживать попадания крупнокалиберных снарядов больших военных кораблей. От края берега, где началось море, до основания, достаточно крутого для обычного подъёма пешком, склона сопки было около ста метров. Поэтому подплыть катеру к берегу для возможной высадки десанта, не говоря уже о том, чтобы добраться живым до укреплений фашистов, было практически невозможно. Очень много людей погибло прямо в воде, не доплывая до берега. Но всё-таки в результате этой атаки Советским солдатам удалось форсировать берег, взять эту высоту, уничтожив немецкие укрепления и совершить переломный момент в начале общей военной операции по освобождению Крыма.

Также посёлок Героевка знаменит тем, что в достаточной близости от того самого немецкого дота, практически в двух

ста метрах восточнее располагаются раскопки древнегреческого античного города Нимфей, относящегося к временам VI века до новой эры.

В заключении необходимо добавить, что в посёлке Героевка в 1985 году был установлен монумент «Парус» в честь героев-победителей в войне над фашизмом, который отличается своей масштабностью, в частности высотой в двадцать пять метров и относится к военным памятникам-гигантам времен СССР, таким как, например, памятник «Алёша» в городе-герое Мурманске.

Джонс уже отъехал пару миль от моста, когда Фрэй проснулась:

– Ты всё пропустила, – печально констатировал Джонс.

– Ты про что, про мост что ли? – спросила она, с некоторым равнодушием в голосе, – да видела я этот мост, ты что думаешь, я первый раз в Крым приехала? Мы тут каждый год, пока я училась, отдыхали с подругами.

– С кем? – переспросил Джонс удивлённо и с возмущением.

– С сокурсницами, а что такое? Это не вписывается в твои понятия об учёбе и отдыхе с друзьями? – переспросила она с иронической интонацией.

– Ну, я как-то наверно по-другому всё это представлял, – замялся в объяснениях Джонс, понимая, что произвольно намекает на некоторые недопустимые догадки в обобщении своих выводов.

– В смысле, я не поняла, что ты представлял? – уже более сурово начала допрашивать Фрэя.

– Да ничего! Я просто немного устал и не могу разговаривать, думать и вести машину одновременно.

– Не отмазывайся, ты наверно подумал про меня какую-то гадость, не так ли?

– Да нет, с чего ты взяла? Просто это всё прозвучало как-то слишком неожиданно для меня.

– То есть ты хочешь сказать, что ты просто позавидовал что ли?

– Да нет, почему сразу позавидовал? Вовсе не позавидовал, просто так и всё.

– Слу-у-ушай. А может ты меня приревновал? – начала Фрэя с уже более нежными нотками в голосе, – ну признайся, ты меня приревновал, да?

– Не знаю, может быть, не отвлекай меня.

– Я так и знала, Джонс, ты меня ревнуешь, ты – дурак, – шутливо сказала она с чувством собственного удовлетворения.

Машина ехала по дороге мимо полей, лугов и склонов, напоминающих те, которые они наблюдали во Франции. В целом и природа и ландшафт были такими же и ничем особым не отличались, кроме только того, что полностью отсутствовали красивые аккуратные здания ферм, древних исторических архитектурных построек, старых ветряных мельниц и прочего, что создавало чувство красоты и уюта от средневе-

ковой эстетики.

– Мы не будем заезжать в Керчь? – спросила Фрэя.

– Не в этот раз, я хочу поскорее добраться до места. Съездим потом, у нас будет время, – ответил Джонс.

Через несколько часов они уже подъезжали к месту, где располагался дом Аксея и Кэтрин. Это был новый двухэтажный коттедж в современном стиле, располагающийся в ста метрах от берега, на довольно большой территории, окружённой кирпичными стенами два метра в высоту, с двумя огромными зеркальными полупрозрачными витражами на каждом этаже, выходившими в сторону моря. Внизу, прямо у огромных раздвигающихся стеклянных дверей находился прямоугольный, широкий бассейн двухметровой глубины длиной пятнадцать метров. Он был выложен бело-голубым кафелем, с округлыми поручнями и лестницей из блестящей нержавеющей стали и оборудован подсветкой. Бассейн располагался относительно самого дома таким образом, что можно было прыгнуть в него с верхней террасы, на которую выходил верхний витраж. На территории, как и полагается, была беседка, рядом с которой был установлен мангал, изготовленный с применением кузнечных витых элементов. Также на территории присутствовало среднее строение сауны и большого гаража. Всё остальное пространство было засажено молодыми саженцами винограда.

– За сколько вы это взяли??? – с глубоким недоумением спросил Джонс у Аксея, как только обошёл и окинул бег-

лым взглядом его владения, — кто-то, по-моему, говорил о двух вознаграждениях от прошлой миссии и всё.

— На самом деле здесь очень много нюансов, — начал объясняться Аксель, — во-первых, дополнительные деньги всё равно пришлось занимать у родителей, так как надо же ещё и жить на что-то. Во-вторых, здание было без внутренней отделки, сауна не достроена, то есть построено всё было только снаружи, беседку и мангал подарили родители Кэтрин. Ремонт внутри делали своими силами или нанимали людей по знакомству, короче сэкономили на всём, чём могли. Да и застройщик — фирма, которая занимается этими проектами в данном районе, сделали большую скидку через одного моего серьёзного родственника, так как мы оба военные и все деньги переводились сразу одной суммой без отсрочек. Ну, в целом ещё раз столько же получить за следующую миссию и со всеми долгами можно будет рассчитаться и сауну внутри закончить. Ну и я ещё два гидроскутера бышных взял у соседа, перебрал сам, половину денег он мне отсрочил, он здесь редко бывает.

В общем, конечно, повезло невероятно со всем, но мы ведь давно с Кэтрин на это место целились, там и договорённости были уже, дело просто упиралось в основные деньги от миссии, чтобы их получить и сразу отдать. А так в принципе, если надо, то можно и за вас также побеспокоиться, там суть в том, чтобы люди заранее знали, что вы хотите, и что у вас точно будет определённая сумма. Они под это по-

тихоньку начинают подгонять проект, чтобы не было ненужных задержек.

— Я буду иметь в виду, — сказал Джонс, — я как раз по дороге задумывался об этом.

— Давай—давай, не тормози слишком долго, потом может не быть случая. Да и места сам понимаешь, самые хорошие уходят вначале.

Фрэя и Кэтрин ходили вдвоём по участку. Кэтрин рассказывала в подробностях о своих садо-огородных экспериментах и изысканиях. Она высадила четыре сорта винограда и теперь рассчитывала на то, что хотя бы через несколько лет они начнут плодоносить, что было бы неплохо для следующих шагов. В перспективе Кэтрин хотела попробовать себя в частном виноделии и в случае успеха посвятить себя этому занятию в более крупных масштабах, взяв ещё земли под виноградники. Она постоянно читала литературу по виноделию, изучая подробности этого процесса, и мечтала превратить своё хозяйство в винную ферму аналогично тем, которые Фрэя видела с Джонсом, путешествуя по Франции, в немалом количестве.

Джонс и Аксель тем временем уже начали готовиться к празднику по поводу приезда и встречи. Само собой, как и положено, Аксель заранее замариновал мясо на шашлык. Друзей ожидал торжественный пир, после которого решено было пойти на море и прокатиться на гидроскутерах вчетвером. Аксель принёс мешок углей и доверил Джонсу следить

за мангалом, а сам продолжил следить за остальными приготовлениями. Кэтрин и Фрэн сидели за столом и насаживали мясо на шампуры, распивая из красивых бокалов ту самую бутылку вина, которую они купили во время их путешествия по Франции. В целом картина была стандартная для большинства загородных дачных шашлыков, не особо отличающаяся от таких же других по стране в целом: две молодые пары, из которых все были русскими офицерами, наслаждались отдыхом на берегу моря, под ярким солнцем, среди песчаных крымских пляжей, ели жаренное на огне мясо, пили вино, наслаждались окружающим миром вокруг, рассказывали друг другу истории, веселились, смеялись, купались в бассейне, в общем, радовались жизни на земле, которую с таким трудом, здоровьем и жизнью им отбивали их предки во время войны, чтобы они были счастливы.

ГЛАВА III. ПРОТОКОЛ ЭКСТРЕННОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Прошло две недели, после того, как Джонс и Фрэн приехали в гости на крымскую виллу к своим друзьям. Они уже успели достаточно загореть и насладиться отдыхом на пляже и морем. Каждый вечер они собирались в беседке за ужином, который заканчивался тем, что девочки начинали смотреть спутниковые каналы по ТВ и общаться между собой на разные темы, а ребята коротали вечер за партией в нарды. Вот и

в этот раз они также собрались после ужина в беседке, освещённые тусклым оранжевым светом многочисленных лампочек гирлянды, хаотично развешанной вокруг резной деревянной крыши в готическом стиле. К этой уютной интимной обстановке добавлялось удачным ансамблем завораживающее бирюзовое сияние подсветки бассейна, которое отражалось на стенах дома переливающимися и колеблющимися тенями от поверхности воды.

По телеку вперемешку гоняли модные зарубежные и отечественные клипы. Кэтрин вполголоса рассказывала Фрее какие-то очередные подробности, вычитанные днём из книги по виноделию. Джонс и Аксель упрямо кидали кости по очереди на большую лакированную доску перед собой.

– Следующим летом планирую приобрести бильярдный стол в сауну, – сказал Аксель.

– Что ж это замечательно, просто превосходно, – ответил Джонс, передвигая вперёд очередную комбинацию.

Внезапно издалека из недр дома еле слышно донёсся рингтон мобильного телефона.

– Джонс, это у тебя звонит, по-моему, – позвала Фрэн.

– Кому что нужно в такое время? – ответил он, встав из-за стола.

Он направился внутрь здания по аккуратно выложенной тротуарной плитке, чередующейся с треугольными промежутками, засаженными зелёным газоном. Затем зашёл внутрь стеклянных дверей и на какое-то время пропал.

Никто не обратил внимания на то, что его не было достаточно долгое время. Затем он вышел довольно спокойный без эмоций, подошёл ко всем и сказал:

– Отвлекитесь и послушайте меня! Звонили из управления программы, у нас приказ «восемь – девять», включился протокол экстренной мобилизации. Всем необходимо срочно собраться и прибыть в точку эвакуации. Нас заберёт служебный транспортный вертолёт прямо отсюда. Завтра в три часа дня мы должны быть на поле за памятником «Парус». Вертолёт полетит до Москвы, оттуда как обычно прямым рейсом до Кейптауна, и уже из Кейптауна до станции «Прогресс» полярным самолётом Ил–14ПС, а оттуда на станцию «Восток». Нужно собираться.

– Подожди, это кто сказал? – спросила Фрэя.

– Сударева, – коротко ответил Джонс, – накрылся отпуск.

– А что случилось? – спросил Аксель.

– Не знаю, директива девять приказа особо секретная, высшая степень неразглашения, узнаем только там.

– Но не война хоть? – заволновалась Кэтрин.

– Да откуда я знаю?! Может и война! Лететь надо короче, а там разберёмся.

– А статус? – продолжила Кэтрин.

– Ничего не говорят, просто прибыть срочно всем и всё.

– Подожди, а как же Хэлбокс с Вэндэром? Они что тоже с нами полетят? – внезапно поинтересовалась Фрэя.

– Одного мы подберём по пути в «Роза Хутор», он там

по скалам лазает. А, за вторым отправится этот же вертолёт, пока мы будем ждать в Москве. Он у своей бабки где-то в глубинке засел, – не помню, как деревня называется.

– А они-то знают об этом? – спросил Аксель.

– Ну, если ещё не узнали, то в скором времени узнают обязательно.

– А про нас что спросили у тебя? – продолжила она.

– Что–что... – спросили, как обычно спрашивают... Думаешь GPRS-ки в телефонах не показывают, что мы тут все вместе собрались?

– Ну, понятно, в общем... ладно... – сказала Фрэя, – что с вещами? Что с машиной?

– В гараже места нет, – сразу предупредил Аксель, – у меня там своя колымага, прицеп и два скутера. Давай на территорию загоняй, накроем целлофаном плотным, у меня от ремонта пол рулона осталось. Местность здесь спокойная, так что не переживай, всё нормально будет.

– Да кому она нужна, что с ней сделаешь-то? Если только по запчастям через забор перекидать, пошутила Кэтрин.

– Завтра я позвоню одному дядьке, он поглядит за всем, – сказал Аксель, – с деньгами договорюсь на попозже, да и всё. Там пенсионерчик весёлый, не отказывает в помощи никогда, – сказал Аксель.

– Ладно, что из вещей брать будем? – начала Фрэя.

– Да как обычно, личные вещи, – целлофановый пакет или сумка, зубная щётка. В принципе можешь и зубную щётку

не брать, там снабжение выдаст тебе по требованию «набор юного полярника», – ответил Джонс с унылым сарказмом.

– Но отдохнуть-то успели немного и ладно, зато денег зарабатываем. Мы же туда летим не снеговики лепить, у нас специфические навыки, – продолжил Аксель.

– Ну, соберёмся тогда с утра, тем более, сейчас темно всё. Давайте спать. Утром встанем часов в десять. Три часа на подготовку и сборы. Предположительно в час выдвигаемся. Сколько до Героевки? Пять – семь километров пешком? За час дойдём, час остаётся в запасе. Всё, ребята, отбой!

И Джонс спокойно пошёл обратно в дом.

– Фрэя, ты идёшь? – позвал он с собой.

– Да – да, конечно, всем спокойной ночи! – попрощалась она с остальными и побежала вслед.

– Так, ну а мы, что? – спросила Кэтрин абстрактно.

– Да всё нормально, продукты заберёт Василий, я позволю ему с утра, он заедет за ключами, проблем никаких нет. Денег я ему накину на бензин, поедет – поглядит за всем. Пошли спать тоже, нафиг всё! Да я и не расстроился особо. Ты знаешь, меня сейчас больше вознаграждение интересует – чем там придётся заниматься и надолго ли? Долги подраздать было бы неплохо, а на море я и потом ещё нагляжусь, время будет.

– Ладно, я поняла, – закончила диалог Кэтрин и они удалились прочь.

Уже лёжа в кровати Фрэя вдруг спросила Джонса:

– Послушай, а как-то мы забыли все про Зордакса, с ним-то что?

– Пока в резервном запасе, – ответил Джонс.

– А что сразу не сказал? – поинтересовалась Фрэя.

– Не посчитал необходимым, – резко отозвался Джонс.

– Слушай, а что с тем разговором? Мы же так ничего и не сказали, помнишь?

– Так что сейчас пойдём рассказывать? – иронично подколол Фрею Джонс.

Фрэя хихикнула и обняла его за шею, положив свою голову ему на грудь.

– Не, сейчас не пойдём, конечно, – сказала она уже более нежно и тихо.

– Слушай, а ты меня любишь? – продолжила она.

– Конечно, люблю, – ответил Джонс, – больше всего на свете.

– Я тебя тоже люблю, – сказала Фрэя и тихонько поцеловала его в подбородок.

Они стали засыпать, а за окном сквозь тёмную массу пространства пробивался интенсивный холодный свет огромной жёлтой луны, окружённой миллиардами далёких звёзд, образующих скопление созвездий на небосводе. Из-за москитной сетки с улицы в полнейшей тишине доносилось ритмичное стрекотание цикад. На море стоял полнейший штиль, поэтому шума волны не было слышно. Всё было умиротворённо, размеренно и спокойно в этом лунном царстве крым-

ских широт. Ничто здесь не предвещало тех событий, которые уже ждали наших героев там далеко на антарктическом континенте. Сейчас их разделяло между собой только время, которое тянулось так же, как та огромная луна, назойливо провоцирующая своим одиноким светом чёрный бесконечный космос.

ГЛАВА IV. НЕМЕЦКИЙ ДОТ.

– Вы когда-нибудь были здесь? – спросил Джонс у Акселя, стоя у подозрительно интригующей таблички с топографическим изображением дота на военных картах в виде круга с жирной точкой в центре и двумя стрелочками сверху, похожего на голову с рогами, расходящимися вверх от круга под небольшим углом между собой. Ниже была приведена надпись каллиграфическим немецким шрифтом **«Die historische Schaustellung – das Panorama «Der Deutsche Bunker». Die virtuelle Rekonstruktion der Ereignisse. Die WARNUNG! Vom Minderjährigen, mit der schwachen Psyche und den schwangeren Frauen ist der Eingang den Personen streng verboten!»**

(«Диа хистóрищэ ша́устелюнг – дас панорамó «Ди Дóйче Бункáа». Ди вётэЭля риконструкциЁн дэ э́йэсо. Диа Вáнун! Фом мýндэяриген, мит дэ швáхэн псЮхэ унт дэн шванэрЭн фрáун ист дэ ай́нган дэн пезóнэн штрэн фабóтн!»)

Ниже надпись была продублирована на русском, но уже

другим шрифтом: «Исторический аттракцион – панорама «Немецкий ДОТ». Виртуальная реконструкция событий. Предупреждение! Несовершеннолетним, лицам со слабой психикой и беременным женщинам вход строго воспрещён!

– Да, мы уже видели это с Кэтрин, – ответил Аксель, – довольно таки острое ощущение, но на любителя. Вход платный и не очень дешёвый я тебе скажу.

– А что там? – уже всерьёз заинтересовался Джонс.

– Сходи – увидишь сам. Время есть ещё целый час, делать всё равно нечего. Фрею возьми с собой.

– Не, а о чём речь-то идёт?

– Да там внизу под сопкой есть небольшой военный музей. Один бизнесмен договорился с местной администрацией, организовал и согласовал проект с министерствами истории и культуры Германии и России. На основаниях памятника военной истории полностью восстановил немецкий ДОТ, напичкал его электроникой и медиа аппаратурой. Натаскал туда манекенов роботизированных с приводом и автоматикой, оружия, ну и всего остального с немецко-фашистской тематикой. Написал небольшую программу в 3D о тех военных событиях, типа короткого мультфильма. Ну и туристы теперь могут за деньги перенестись внутрь дота в то время, когда происходил этот бой. А прибыль они там как-то поделили таким образом, что часть вместо налогов уходит на содержание военно-исторических мемориалов. Таким образом, у немцев есть сохранённый во всех подробностях архи-

тектурно-исторический памятник, у него прибыль, а у администрации дополнительные деньги на ремонт и обслуживание своих военных памятников. Ну, что-то в этом роде короче. Сходи – сходи, не понравится, так не понравится. Бывает же, что не нравится что-то иногда.

– Что, Фрэя, пойдём – ходим, мне интересно, – позвал Джонс.

– Ну давай, а что... Будет что вспомнить в любом случае.

– Мы в кафе ходим пока, – сказал Аксель.

– Удачных впечатлений! – несколько загадочно и саркастично произнесла Кэтрин.

Джонс взял Фрэю за руку, и они вместе направились по направлению к ДОТу.

В глаза сразу бросилась аккуратность и броскость общей атмосферы, когда они зашли на территорию за табличкой, аккуратно огороженную очень качественно изготовленной бутафорной колючей проволокой из серого пластика с предупреждающими надписями на треугольных табличках времён Второй Мировой Войны на немецком «Achtung Minen!» и изображением черепа с костями. Вокруг был аккуратно высажен и подстрижен зелёный газон. К входу ДОТа вела выложенная серо-коричневой брусчаткой тропа. Подойдя ближе, Джонс и Фрэя ощутили невероятное чувство пребывания в чужой враждебной среде. Инженерная архитектура ДОТа нагнетала своей фундаментальностью, линиями, изгибами и качеством выполнения. Следы от снарядов и пуль были ак-

куратно законсервированы каким-то прозрачным составом. Выбоины оголяли толстый массив металлической арматуры в неимоверно толстом слое бетона. Сверху на длинную узкую амбразуру была накинута современная маскировочная сетка, едва заметная и видимо не имеющая отношение к общему оформлению. Подойдя ближе к входу с левой стороны по направлению ДОТа, они увидели небольшой и не очень широкий лестничный спуск вниз, который заканчивался стеной с ещё одной маленькой амбразурой, из которой торчало дуло пулемёта, и видно было небольшой фрагмент очертания немецкого солдата в каске. Джонс и Фрэя спустились вниз и повернули налево, сразу попав в основную боевую часть Долговременной Огневой Точки. Это была комната, размером приблизительно пять на семь метров, имеющая две амбразуры: основную фронтальную, выходящую в сторону моря, и фланговую правую, менее длинную. У основной амбразуры, длиной около трёх метров на станках располагались два ленточных пулемёта MG-42, прозванных среди Советских фронтовиков и союзников «Косторез» или «Пила Гитлера». За пулемётами спиной к посетителям в боевых позах стояли два манекена немецких стрелков в достаточно взъерошенном виде без касок. Сзади слева от них стоял ещё один в офицерской форме с биноклем. Также слева от каждого пулемёта боком к посетителям сидели на корточках ещё два бойца в касках с вытянутыми вверх руками, подающими пулёмётную ленту в пулёмёт. Рядом с ними располагалось

множество коробок с лентами и сменные стволы от пулемётов. В углу ДОТа приставленными стояли ещё два пулемёта MG-42. Около них друг на друге стояли деревянные плоские ящики с аналогичной аббревиатурой на крышке. Всего в ДОТе, не считая бойца с пулемётом у амбразуры на входе, было семь человек. Один что-то искал в открытом армейском железном сундуке в углу, второй сидел за столом с рацией в наушниках. Повсюду присутствовала атрибутика немецко-фашистской Германии с орлами и свастиками.

– **Ist froh, Sie zu sehen!** («Ист фро, зи цу зиэн!», «*Рад видеть вас!*»), – резко, громко, отчётливо и весело произнёс ещё один персонаж этого представления, одетый в немецкую форму и сидящий справа у стены за небольшим столом. От остальных его отличали лишь только однозначно не вписывающиеся в общий ансамбль летние китайские шлёпки.

– Зиг Хайль, Господа! Я – Гюнтер! – произнёс он уже на русском с некоторой такой Ленинской тонкой юморцей в голосе, – не желаете ли окунуться в глубину подробностей боевого штурма этой непреступной крепости со всеми вытекающими впечатлениями? Многие хвалят!

– Да, мы за этим и пришли собственно, – уверенно и твёрдо сказал Джонс, пока Фрэя рассматривала подробности внутреннего антуража.

– Тогда позвольте сначала небольшую историческую справку, – начал уже довольно конкретно и серьёзно рассказывать Гюнтер гостям, – 1 ноября 1943 года десант 18 ар-

мии Северо-Кавказского Фронта под командованием генерала – полковника Отдельной Приморской Армии Константина Николаевича Леселидзе совместно с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией форсировали берег непосредственно в данном районе и совершили высадку десанта на этом участке фронта Керченско – Эльтигенской десантной операции, одной из крупнейших десантных операций Великой Отечественной Войны, продолжительность которой составила 40 суток. Целью операции было нанесение удара северо-восточней Керчи и Эльтигена, освобождение города и порта Керчь, овладение портом Камыш-Бурун и дальнейшее освобождение Крыма. Операция проводилась с моря в ночь в условиях шторма с активным использованием торпедных катеров типа Г-5. В ходе высадки десантные средства не могли подойти вплотную к берегу из-за организованных неприятелем противодесантных сооружений: охранные линии из колючей проволоки, снабжённые сигнальными элементами, простреливаемые пулемётами, а также минированием участков склонов возвышенностей и сопок по линии обороны Эльтигентского плацдарма. Данная точка высадки была выбрана с из расчёта расстояния от неё до противоположного берега, откуда и выдвигался десант с учётом сокращения времени движения по воде, так как противостоящие силы содержали объёмную долю морских военных транспортных средств, таких как торпедные и сторожевые катера, которые могли стать основной помехой для доставки десан-

та к берегу. Обстрел по укреплениям противника с нашей стороны, а именно по этому ДОТу вёлся с раскачиваемых штормовой волной катеров из малокалиберных орудий и пулемётов. В свою очередь всё, что подходило к берегу на расстоянии видимости обстреливалось из данной Долговременной Огневой Точки не прекращаемым огнём из двух пулемётов с периодической сменой стволов для охлаждения в полной оборонительной защите от противостоящего огня. Люди гибли прямо в воде, не доплывая до берега. О том, с помощью каких тактических приёмов была всё-таки взята эта высота в жестоком масштабном долговременном кровопролитном бою, вы можете узнать в военном музее, посвящённом этому сражению, который находится внизу под сопкой прямо напротив, при въезде в Героевку. Там же на побережье есть памятные орудия, участвовавшие в этом сражении. А теперь начнём наше основное шоу, вы готовы?

– Да, конечно, – спокойно ответил Джонс.

– Тогда, пожалуйста, отойдите и встаньте со своей спутницей в тот очерченный штриховкой круг на полу. Во время инсценировки событий находитесь там. Сейчас всё начнётся.

Джонс взял руку Фрей и они встали внутри очерченной области, диаметром около трёх метров. Амбразуры начали медленно закрываться снаружи надвигающимися сверху жидко кристаллическими плоскими экранами. Вокруг стало совсем темно. На экранах появилась картинка побережья, идентичного настоящему, только без строений с штормящи-

ми на закате волнами моря. Послышался шум разбивающихся о берег волн и ветра, из которого едва доносилась немецкая речь и звук патефона, играло какое-то старое танго. В достаточной темноте на горизонте по волнам туда-сюда елозил след прожектора, разрезая темнеющую мглу как лазер своим следом. На секунду он поймал очертания движущегося катера, раскачиваемого волнами. В этот момент он вернулся обратно, послышалась громкая команда:

—

Achtung! Achtung! Ich sehe den Gegner auf dem Horizont!

(«Ахтунг! Ахтунг! Их зи дэн гíгна ауф дэм хóрицонт!»,
«Осторожно! Осторожно! Я вижу противника на горизонте!»)

)

Далее уже с другой стороны и другим голосом кто-то истерично быстро заорал:

—

Die ersten, zweiten Maschinengewehrberechnungen zum Kampf! Schneller, schneller, schneller!

(«

Ди

Эстэн

,

цв

á

тэн

маш

й

нингвэа

бэрхЭнюнг

цум

камф

!

Шнэля, шнэля, шнэля!»,

«Первый, второй пулемётный расчет к бою! Быстро, быстро, быстро!»

)

Послышались резкие и громкие поочерёдные звуки взводов пулеметных затворов. Два стоящих впереди манекена стрелков сделали полукруговые движения влево – вправо, манекен офицера слева поднёс к глазам бинокль правой рукой. В этот момент сзади послышалась торопливая речь связиста:

—

Die allgemeine Besorgnis, des Kutters des Gegners gerade zum Kurs, die Aufnahme!

(«Дúa альгэмáйн бээбгнис, дэс кúтас дэс гúгнас гэрáдэ цум курс, диа ауфнáмэ!»,

«Внимание, общая тревога, катера противника прямо по курсу, приём!»

).

На общем фоне начал нарастать вой сирены, поочерёдно включились ещё несколько прожекторов, освещая весь горизонт. Истеричный командный крик офицера начал раздавать пулемётчикам наводку на цели.

—

Die zweiten Maschinengewehrberechnung das Ziel auf dreißig Grad, vorbereitet zu werden!

(«

Д

ú

а

цв

á

йтэн

маш

ú

нингвэа

бэрхЭнюн

дас

цыэль

á

уф

др

á

йциг

град

,
фобэр

á

йтэт

цу

в

é

дэн

!»,

«

Второму

пулемётному

расчёту

цель

на

тридцать

градусов

,

приготовиться

к

стрельбе

!»,

).

Второй стрелок повернулся немного вправо и сделал короткое движение пулемётом вверх – вниз.

—

Die zweiten Maschinengewehrberechnung das Feuer!

(«

Д

ú

а

цв

á

йтэн

маш

ú

нингвэа

бэрхЭнюн

дас

ф

á

я

!»,

«

Второму

пулемётному

расчёту

— «

Огонь

!»»

).

Раздался оглушающий рокот протяжённой пулемётной

очереди, сопровождающейся вспышками стробоскопа, установленного где-то сзади на потолке в углу.

«Тув-тув-тув-тув-тув-тув-тув-тув!!!» – долбила, не переставая, пулемётная очередь. В колонках слышался очень качественный чистый звон разлетающихся по полу гильз. Пулемётная лента двигалась из коробки через руки пулемётчика второго пулемётного расчёта. Внутри ствола вспыхивал яркий оранжевый свет. Откуда-то снизу по полу медленно пополз дым от сухого льда, в воздухе запахло жжёным порохом. На экране было видно уничтожение катера с разлетающимися кусками обшивки, взрывами, попытками встречных огневых атак, люди прыгали в воду и что-то кричали. Пулемётчик не останавливался. Немцы довольно слаженно и последовательно давали друг другу команды. На экране появлялись всё новые и новые катера. Офицер скорректировал первого пулемётчика и дал команду «Огонь!». Первый пулемётчик повторил те же движения, что и второй: повернулся с пулемётом влево – вправо и сделал движение стволом вверх вниз, как бы наводя его на цель. К общему шуму добавился рокот первого пулемёта. Обстановка внутри ДОТа начала принимать нагнетающий характер. Послышалась команда на смену стволов:

– «**Tausche den Stamm!**» («Тош дэн стам!», «*Сменить стволы!*»).

На экранах было видно, как от стен бункера отлетают куски бетона и рикошет пуль поднимает почву перед амбразу-

рой. Вдалеке было видно, как некоторым бойцам удавалось вплавь добираться до берега, но и здесь их поджидала неминуемая гибель. Огонь также вёлся и из других точек на сопке, но менее интенсивный. Всё вокруг было ярко красного цвета, как при огромном пожаре. Крики, вой сирены, немецкие ругань, два задавливающих своей огневой напористостью пулемёта, всё это вперемешку с гибнущими на экране солдатами и матросами Красной Армии, не утонувшими катерами, которые потеряли управление, сбились между собой и продолжали раскачиваться на штормовых волнах с свободным дрейфом, создавало адскую картину человеческой мясорубки с кусками искорёженного металла, взлетающих клочьев земли, фонтанирующей от пуль поверхности воды. Это был настоящий ад на Земле. Ад, которым командовали люди. Ад, который тяжело было себе представить наяву. Ад, который невозможно было забыть.

– **Das Feuer einzustellen!** («Дас фая айнциштэлен!, *Прекратить огонь!*») – слышалась команда офицера.

Пулемётчики прекратили огонь. Новых катеров на экране больше не появлялось. Слышались какие-то переговоры немцев между собой. Обстановка внутри понемногу нормализовалась. Всё вокруг возвращалось в прежнее состояние, плоские экраны начали медленно уползать вверх. Включился свет. Фрэя стояла впившись руками в тело Джонса, на её глазах были слёзы. Джонс ещё некоторое время стоял в ошолоблении. Гюнтер подошёл к ним с довольным и весё-

лым выражением лица, не выражающим ни капли удивления или соучастия в трагедии, в которую Джонс и Фрэя только что окунулись. Он протянул Джонсу чёрный буклетик, выполненный на очень качественном глянцевом картоне с тонким лазерным тиснением. Буклетик был рекламным, как программка в театрах с описанием месторасположения всех военных памятников Крыма. С обратной стороны на том же каллиграфическом немецком шрифте была надпись **«Wir verstehen, die negativen Emotionen zu schenken!»** («Вир фэрштЭн, дия нигатівэн ёмоционэн цу шэнкн!», «Мы умеем дарить негативные эмоции!») и профиль Адольфа Гитлера на фоне развивающегося флага Немецко-фашистской Германии.

– Приводите друзей, обязательно! – сказал Гюнтер, прощаясь с гостями.

– Скажите, а это не опасно? – спросил Джонс в некотором опреснении настроения от увиденного.

– Я бы сказал, что это очень полезно, – ответил Гюнтер, – мы показываем людям правду такой, какой она была. Людям можно многое рассказать, но они не будут чувствовать это так, как если бы пережили на самом деле. Война давно закончилась, сегодня уже не осталось ни одного живого свидетеля тех событий, но мы можем сегодня вернуть любого человека туда для того, чтобы он не просто поверхностно знал, а ощутил на себе, какими жертвами Красная Армия добивалась этой победы.

– Скажите, а вас правда Гюнтер зовут? – спросил Джонс проходя сквозь массивный коридор бункера.

– Нет, не правда, – сухо ответил Гюнтер, – но для гостей я Гюнтер. Спасибо, что посетили наш аттракцион!

Джонс и Фрэй некоторое время шли молча, переваривая увиденное.

– Я в шоке, – внезапно сказала Фрэй.

– Да уж! – произнёс Джон.

Они встретили своих друзей по пути вниз к посёлку. Аксель и Кэтрин поднимались по асфальтной дороге вверх.

– Я не буду спрашивать тебя о впечатлениях, – сказал Аксель Джонсу, поравнявшись с ним, так как уверен, что мы почувствовали одно и то же.

Джонс промолчал. Потом, сделав некоторую паузу, вдруг спросил у Акселя:

– Думаешь, в этом есть какая-то польза?

– Ты знаешь, мне кажется этот «пыточный кабинет» – хороший образец для того, чтобы понять, через что пришлось пройти нашим предкам, чтобы сегодня мы с вами здесь могли наслаждаться жизнью и отдыхом.

Друзья сошли с дороги на большое зелёное поле, которых здесь было много повсюду. До прибытия вертолёта оставалось десять минут. Джонс стоял в джинсах, рубашке с коротким рукавом, бейсболке и очках, на спине висел спортивный рюкзак. Он смотрел на заднюю часть памятника «Парус» на фоне чистого голубого неба и синего моря, и, осознавал всю

прелесть этой свободы и чистой красоты по сравнению с тем, что только что увидел в немецком ДОТе. Он думал о том, что если один человек сознательно идёт на страшную героическую смерть только для того, чтобы другой после него воспользовался результатом, то это есть его единственная награда, которой нельзя разбрасываться ни в коем случае, иначе получится, что этот человек погиб просто так. И если тот, для которого пожертвовали своей жизнью, не ценит результат и отказывается от него, то он принимает позицию тех, кто убивал этих героев и сам превращается в убийцу.

ГЛАВА V. ПОЛЁТ В ДОМОДЕДОВО .

КА-62 показался из-за пролеска неподалёку. Он был зеркально чёрного цвета с серебристой эмблемой корпорации по бокам фюзеляжа. Вертолёт завис в воздухе и начал снижаться, прижимая и взъерошивая в разные стороны траву на поле как волосы, которые сушат феном. На посадку ушло не больше двух минут. Вся команда погрузилась в уютный комфортабельный салон премиум-класса. Вертолёт взлетел и, накренившись в левую сторону начал движение назад и влево, задирая нос и уходя в затяжной плавный поворот, чтобы лечь на курс. На борту был сопровождающий, член корпорации, какой-то из ответственных секретарей в Москве.

– Приветствую! – прокричал он сквозь шум винтов и гул

турбины, высунувшись наполовину в открытую им дверь салона и опустив трап.

Он был в солнцезащитных очках, костюме с галстуком и с длинными выющимися тёмными волосами.

– Полетим вдоль побережья, – предупредил он группу, – жаль, что пришлось вас отлучить от отдыха, хорошее место, кстати – поздравляю с выбором!

– Да, спасибо! – ответил Джонс.

– А вы здесь тоже были? – спросила Фрэй.

– Разумеется! – ответил человек в костюме, – меня Михаил зовут, кстати. Я забыл представиться.

– И немецкий ДОТ посещали? – вдруг заинтересовался Джонс.

– И немецкий ДОТ посещал! – ответил Михаил.

– Ну и как он вам? – продолжил Джонс.

– А вы, я смотрю, только-только в нём побывали, поэтому спрашиваете да?

– Именно так, а как вы догадались?

– Да ездили мы отделом в местный санаторий по корпоративной путёвке, так все тогда друг у друга спрашивали, как и вы, после посещения, – весело ответил Михаил с поползшей улыбкой на лице.

Аксель тоже усмехнулся.

– Вы не знаете, зачем нас вызывают? – спросила внезапно Кэтрин.

– Не могу сказать, у меня чёткие распоряжения доставить

вас в Москву и посадить в самолёт. Ещё куда-то в Рязань лететь придётся потом. Могу сказать только одно, что заварушка там серьёзная, весь отдел на уши подняли. Что-то на международном уровне, но секретность полнейшая, поэтому никаких подробностей.

Вертолёт летел над морем, справа в окне были видны пляжи и ландшафты крымского полуострова.

– Скоро мост будет, – сказал Михаил, – отличный мост, кстати. По нему на спортивном кабриолете очень замечательно кататься.

– А что у вас? – спросила Фрэн.

– Ламборджини «Ураган», – с чувством глубокого удовлетворения ответил Михаил.

– Часто бываете в Крыму? – спросил Аксель.

– У меня там сестра живёт, – ответил Михаил, – у них с мужем дом на побережье. Периодически в гости летом заезжаю племянников повидать.

Вертолёт летел уже около часа. Фрэн задремала в глубоком кожаном кресле, Михаил во что-то играл на своём смартфоне, остальные молча смотрели в окно.

– Во что вы играете, Михаил? – поинтересовался Джонс. Михаил усмехнулся, сделав размеренный кивок головой.

– Вы не поверите, – в «Antarctic Races», не так давно вышла вторая часть на Android. Гоняю тут на ваших сновигаторах по Антарктике, довольно-таки прикольно получилось. Наш отдел курировал этот проект пару месяцев, потом его

передали другим ребятам из корпорации. Вы в курсе да, что Архип Великий держит и эту тему совместно с американцами?

– А что сами-то не смогли? – спросила Кэтрин.

– Да резона не было платформы арендовать. X-BOX и Playstation зарядили такую лицензию, что проще было отдать сразу на разработку за процент, чем писать самим, а потом ещё и платить с реализации. Вы же знаете, как у нас обычно делается, пока всё пройдёт по согласованиям, пока людей найдут для работы, а там просто договор лицензионный подписали и дело с концом, через год уже весь софт в магазине. Больше головной боли и суеты было бы.

– И что – и что, нормально получилось, говорите? – переспросила Кэтрин.

– Да бомба вообще, как NFS, только в Антарктических ландшафтах. У меня племянники первую часть на Playstation вдвоём замучали совсем, в офисе пару человек постоянно играет в он-лайн версии Контakta. В общем, двигается тема.

– Куда ему денег столько? – спросил Джонс.

– Это его бабки, ему и решать, – твёрдо ответил Михаил, – говорят он Православные Храмы и Церкви восстанавливает, разрушенные коммунистами в семнадцатом году. Там какие-то заморыши возбухать пытались против него, так их быстро прищучили, как следует, один вообще нарко-барыгой в прошлом оказался. Паразитов-то всяких он поотвадил от себя, да и столичных разных упырьков тоже, видать всё

деньги для своей цели сэкономил. У него выдумки свои по этому поводу, соображения разные, зачем они нужны на самом деле, эти Церквы.

– Понятно всё короче, – сказал Джонс.

Когда вертолёт подлетал к посадочной площадке в Роза Хутор, Хэлбокс уже стоял и ждал с большим альпинистским рюкзаком. Его лицо и руки были очень загоревшими. Было видно, что он похудел, но стал крепче.

– Как дела в горах, дружище Хэлбокс! – крикнул Аксель, встречая друга на вертолётном трапе и помогая загрузить рюкзак в вертолёт.

– Всё в порядке, а у тебя? Процветает там винное хозяйство? – ответил он.

– Возвращаем молодняк потихоньку! – засмеялся Аксель.

– Физкульт привет альпинистам! – сказал Джонс уже внутри салона, протянув руку для рукопожатия.

– Как отдохнулось в Европе? – спросил Хэлбокс.

– Отлично прокатились, потом фотки покажу, – сказал тот ему в ответ.

– Здесь же нет альпинистского участка, – сказала Кэтрин.

– Здесь есть скалодром на Роза Пик, но это для новичков, мы восходим в другом месте – ответил Хэлбокс.

– Вас много что ли? – спросил Джонс.

– Конечно, девять человек, все с разных регионов страны. Здесь интереснее, то есть комфортней. Забрался – спустился, помылся, отдохнул в комфортных номерах. Море, пляжи,

не то, что в дикой природе вдали от населённых пунктов.

Пока Хэлбокс грузился, техники произвели дозаправку вертолёта. Михаил захлопнул дверь салона и громко скомандовал пилоту:

– Всё! Летим в Домодедово!

До Москвы оставалось девять часов перелёта с одной дозаправкой по пути.

Вертолёт поднялся в воздух, накренился вперёд и начал набирать скорость.

За бортом в иллюминаторе оставались позади красивые аккуратные здания Олимпийской деревни, треугольные зелёные и бардовые крыши отелей, скалистые горы Роза Хутор и прекрасное побережье Чёрного моря.

ГЛАВА VI. ПОЛЁТ НА СТАНЦИЮ «ВОСТОК».

В Домодедово команда прилетела в два часа ночи и тут же рассредоточилась по зданию аэропорта, чтобы погулять и размяться после долгого перелёта, а заодно и купить еды. Михаил устроил всех в заранее забронированных номерах «стандарта» Аэротеля, а сам полетел за Вэндэром в Елатму Рязанской области. Через три часа они уже были в Домодедово и готовились к посадке в самолёт до Кейптауна в Южной Африке. Спать за это время никто не ложился, все просто валялись, напившись кофе с бутербродами с красной икрой и пирожными с кремом. Рейс вылетал в семь часов утра.

– Счастливого полета, и приятно было познакомиться! – произнёс Михаил, провожая группу на регистрацию рейса.

– Шестнадцать часов перелёта, а потом ещё четыре, это какой-то кошмар! – жаловалась Фрэн Джонсу по пути к трапу самолёта.

– Почитаешь что-нибудь, на борту выдают электронные книги, – ответил Джонс, – или телевизор посмотришь.

Они шли по аэродрому группой среди остальных пассажиров рейса к огромному вытянутому Airbus 340-500 серебристо-белого цвета с красно – черным полосатым рисунком, нанесённым на нижнюю часть фюзеляжа и напоминающим брюхо кита.

Самолёт взлетел. Все места оказались в середине. Вэндер с Хэлбоксом сели сзади. Джонс, Фрэн, Аксель и Кэтрин заняли весь ряд спереди. Хэлбокс сразу надел наушники и ушёл в себя надолго под «Korn» и «Stone Sour», крутя в руках спинер в виде эмблемы корпорации, такую же, какую презентовал Джонсу Архип Великий в качестве медали из золота за удачно выполненную первую миссию. Вэндер тоже не скучал, он решил в совершенстве освоить принцип сборки Кубика-Рубика, так как считал это обязательным ритуалом для любого интеллектуала и постоянно стремился совершенствоваться в этом направлении. Он обзавёлся соответствующей брошюрой с разъясняющим материалом по этому поводу. Кэтрин как и всегда взялась за чтение очередного виновельческого талмуда, Аксель взял по дороге в Аэропор-

ту свежий номер Коммерсанта и погрузился в мир новостей экономики и политически значимых событий. Джонс решил, что посмотрит что-нибудь по телевизору, а потом, уже по обстоятельствам, возможно заснёт, смотря, насколько у него хватит сил, но основной расчёт был дотерпеть до обеда. Фрэя же достаточно выспалась в вертолёте, и теперь напряжённо думала, чем себя занять. Читать что-либо объёмное спонтанно из расчёта на шестнадцать часов, а потом ещё искать то же произведение, чтобы дочитать его до конца ей казалось несколько нерациональным и хлопотливым занятием, поэтому она решила, что всё-таки возьмёт электронную книгу и выберет какие-нибудь короткие детективные романы. Таким образом, все члены группы заняли себя на время перелёта с позитивными эмоциями в ожидании перерыва на обед, чай и ужин, а также хорошей альтернативой просто поспать.

Поздно вечером, когда самолёт совершил посадку в Кейптауне, один из пассажиров забыл на сидении номер «жёлтых страниц», один из тех дешёвых журналов, которые продаются повсюду в местах, где торгуют прессой для путешествий и пишут всякие слухи. На обложке Фрэя увидела заголовок про какого-то японского человекоподобного робота-киборга, из-за которого случился скандал, но власти наотрез отказываются признавать его существование. Она не обратила на это никакого внимания, так как сочла это очередными журналистскими выдумками, сродни историй про НЛО и полтергейстов.

В аэропорту группу встречали люди из персонала станции «Восток».

Они предложили лететь сразу, так как вылет их полярного самолёта был относительно свободным от основного расписания остальных рейсов.

Ребята быстро согласились, и все вместе проследовали обратно на запасной аэродром, где в ярко белых лучах диодных фонарей в темноте африканской ночи освещался салон ярко-оранжевого блестящего ИЛ-14ПС, украшенного чёрными остроконечными полосками аэро-трайблов.

Два винтовых мотора были уже разогреты и слились в единый монотонный гул. После того, как убрали трап и закрыли дверь, самолёт начал выходить на взлётную полосу, совершая медленные повороты по разметке аэродрома.

Наконец, самолёт взлетел и набрал высоту. Под крылом в лунном свете медленно тянулись облака, сквозь которые иногда было видно чёрную рябь поверхности океана, – довольно скучная банальная картина полёта в иллюминаторе. ИЛ-14ПС корпорации «Polar Navigation» был специально модернизирован для особо дальних перелётов с учётом мобильности и срочности перевозки высокопоставленных лиц, о чём уже свидетельствовала буква «С» в названии. Для этого число пассажиров было сокращено с восемнадцати до десяти человек, а также было значительно уменьшено багажное отделение. Весь высвободившийся ресурс весовой и объёмной нагрузки был использован под дополнительные топ-

ливные баки, что позволило увеличить дальность полёта с одной тысячи двухсот пятидесяти километров до трёх тысяч километров. Таким образом, ИЛ–14ПС мог в любое время перевозить людей с одного материка на другой достаточно срочно и быстро, не зависимо от основных пассажирских и грузовых рейсов тяжёлых самолётов, таких как ИЛ-76, которые летали гораздо реже, а в основном люди доставлялись на побережье антарктического материка морским транспортом. При этом полярный самолёт корпорации выполнял этот маршрут в три этапа: из аэропорта Кейптаун в аэропорт маленького острова Порт-о-Франсе, преодолевая две тысячи шестьсот километров над океаном. Далее после дозаправки он направлялся до аэродрома полярной станции «Прогресс» на примерно такое же расстояние, и уже оттуда летел на станцию «Восток», которая находилась в одной тысяче трёхстах пятидесяти километров от неё. Весь маршрут занимал ещё восемь – девять часов, в зависимости от времени простоя при дозаправке.

В результате команде наших пилотов высокоскоростных полярных челноков (HSPS) до вхождения в курс дела, по которому их так срочно и оперативно вызвали и доставили через семнадцать тысяч километров, оставалось всего восемь часов полёта. Все находились в заинтригованном ожидании, нарастающем с каждой минутой приближения к станции всё больше и больше.

ГЛАВА VII. ОЩУЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ.

В пол восьмого утра, после очередного приземления, которые за последние двое суток уже вошли в привычку, команда пилотов, переодевшись на борту в заранее приготовленные для них вещи, стала покидать полярный самолёт корпорации, направляясь к входу на станцию «Восток».

Станция «Восток» являлась основной российской базой для программы «Polar Navigation». Здесь располагались все технические службы, научно-исследовательский центр, центр спутникового мониторинга и радиосвязи, служба спасательных операций и экстренной эвакуации, а также служба обеспечения безопасности. Над всеми этими подразделениями, как и полагается, находился штаб высшего управления программы, в который также входили ответственные директора самой станции. Именно в этом штабе и служила подполковник Сударева, заместителем командующего по работе с лётным составом.

«Восток» была самой большой из всех российских полярных станций и самой первой высокотехнологично модернизированной и построенной. Она была полностью оранжевого цвета и состояла из числа модулей, объединённых между собой в один целый комплекс. Станция была оснащена самыми современными технологиями и оборудована новейшими средствами обслуживания в сфере комфорта управления и быта. В главной системе располагался большой гостиничный

комплекс для туристов, имелся спортзал, ресторан, в общем, всё, что было необходимо для принятия гостей во время возможных соревнований по гонкам на сновигаторах.

Когда команда вошла на станцию, ребята сразу же почувствовали какое-то сильное беспокойство в её общей атмосфере. Туда-сюда в суматохе постоянно бегали люди, присутствовали некие явно посторонние иностранные граждане с которыми людям из штаба постоянно не получалось о чём-то договориться. То и дело кто-то выскакивал из кабинета с телефоном и бежал, ругаясь в полголоса, по коридору с какими-то важными поручениями. Всем сразу стало понятно, что что-то идёт не так, и событие произошло действительно очень серьёзное.

Внезапно из коридора им навстречу вышла подполковник Сударева.

– Рада, что вы, наконец, прибыли! Мы только вас и ждём. Пройдёмте со мной, у нас слишком мало времени, – и она, развернувшись, проследовала до аудитории, двери которой охраняли два служащих штаба в военной форме.

Войдя внутрь, пилоты увидели целое собрание начальников, представителей и иностранных лиц. Иностранцев было пятеро: четверо мужчин и одна женщина. Они были азиатами, и, скорее всего, японцами. Мужчины были одеты в классические чёрные костюмы. Девушка была одета несколько проще, но тоже броско и явно была переводчицей. Всего в комнате, помимо группы пилотов находилось десять чело-

век.

– Садитесь, пожалуйста! – сказала резким командным голосом Сударева, – сейчас я введу вас в курс дела.

Она подошла к большому сенсорному монитору и продолжила:

– Сегодня двадцать второе августа, восемь шестнадцать утра по московскому времени. Мы проводим экстренное совещание в связи со сложившейся опасной ситуацией, которая несёт угрозу всем станциям и людям, находящимся непосредственно сейчас на материке. Здесь присутствуют начальник штаба командования миссиями корпорации, два его заместителя, включая меня, начальник службы безопасности и начальник службы аварийных ситуаций и экстренной эвакуации, а также представители программы «Polar Navigation» с японской стороны, начальник станции «Купол Фудзи», два научных сотрудника этой станции, один участник миссии – профессиональный пилот сновигатора «HIRAN» («Ледяной Шквал») и переводчик.

Совещание имеет особую важность для двух стран – участников миссии и поэтому обладает особым грифом секретности. Целью совещания является выработка и обсуждение мер по устранению сложившейся опасной ситуации участниками миссии – пилотами российской стороны и одним пилотом японской стороны. Начнём с сути проблемы.

Восемнадцатого августа в девятнадцать часов сорок три минуты с полярной станции «Купол Фудзи», принадлежа-

щей японской стороне, одним из членов персонала станции был похищен и угнан сновигатор модели «HIRAN». В течение нескольких следующих часов службами станции были предприняты попытки выйти на связь с данным сновигатором для выяснения причин, по которым данный сотрудник повёл себя таким образом. В результате чего, возникли однозначные подозрения в неадекватности данного человека и, как следствие, невозможность контролировать его, угнанный сновигатор и ситуацию в целом. Проанализировав ситуацию, управление станции «Купол Фудзи» пришло к отягчающим выводам о том, что данная ситуация несёт серьёзную угрозу для всех коммуникаций антарктического материка: антенных узлов спутниковой связи, зданий и корпусов полярных станций, сооружений, кислородных, топливных и других технических объёмных хранилищ, а также всех людей, так или иначе присутствующих на материке.

Для обеспечения безопасности и устранения данного происшествия японской стороной было решено поймать и обезвредить злоумышленника, при этом для выполнения данной задачи управление станции «Купол Фудзи» вместе с японскими представителями программы «Polar Navigation» обратилось к российской стороне за помощью в виде привлечения пилотов российской группы из шести человек, которые будут непосредственно участвовать в поиске и поимке угнанного сновигатора. Для совершения данных целей в качестве консультанта, инструктора по технологическим осо-

бенностям сновигатора «HIRAN» и переводчика с японского языка на английский в данной миссии к российской группе будет прикомандирован японский пилот Каташи Миядзаки, который сейчас присутствует здесь среди наших коллег японской стороны. Необходимостью в привлечении российских пилотов является особая срочность и оперативность в завершении данного инцидента с учётом недостатка пилотов и сновигаторов у японской стороны в данный момент, а также налаженный широкий спектр взаимодействия участников миссии с базой программы «Polar Navigation» относительно спутникового мониторинга и радиосвязи.

– Теперь в деталях, – и Сударева вывела на экран схему захвата сновигатора, – как уже было сказано, пилот угнанного сновигатора не реагирует на связь, поэтому для того, чтобы его обезвредить, необходим захват самой машины, который может быть осуществлён с четырёх точек вокруг неё, путём включения особых излучателей – подавителей электронных систем сновигатора. Они будут установлены на ваши сновигаторы с соответствующим выводением управления на панели внутри кабин. Ваша основная задача будет догнать угнанный сновигатор, выполнить вокруг него соответствующую фигуру окружения и активировать излучатели, после чего он должен остановиться.

– Простите, можно вопрос? – сказал Джонс.

– Слушаю! – с неприязною ответила Сударева.

– А что значит «должен остановиться»? Разве эти излука-

тели не полностью погасят функционирование систем?

– Возможно, для этого понадобится некоторое время, – ответила она сухо и не уверенно.

– То есть мы будем ещё какое-то время вот так вот ехать вместе с ним, окружив его? – продолжил Джонс с некоторой неуверенностью в понимании сказанного.

– Ну да, а что, в чём проблемы-то? Вас же всего семь человек будет против одного, – уже более вызывающе и явно злясь ответила она.

– Да ну как бы скорость погони неизвестна, а везти сновигатор на скорости двести узлов в такой кучности, да ещё по неизвестно какому ландшафту – это просто самоубийство для всех.

– Ну, так надо постараться значит! – с настойчивым упрямством сказала Сударева, – вас для этого и позвали сюда, как особо профессиональных пилотов.

– Интересное дело, – продолжил Джонс, – а если кто-нибудь погибнет, например, кто возьмёт на себя ответственность? Я же вообще-то теперь командир этой группы. То есть получается, что мы все рискуем жизнью из-за какого-то сновигатора и психа на борту, а я ещё и отвечать за это буду. Не проще ли его сбить? Могу порекомендовать марку лёгкой самонаводящейся ракеты, если кто забыл. Прилетит из космоса в течение нескольких минут, и не будем мучиться.

– Отставить! – громко скомандовала Сударева, – мы категорически не можем использовать ракеты, для этого нужно

особое разрешение главнокомандующего и президента страны, а у нас статус не тот.

Джонс несколько засомневался в сказанном подполковником. Он хорошо знал, что в случае угрозы особо важным интернациональным объектам такое разрешение получается в течение нескольких часов по согласованию с представителями других государств, а при особой чрезвычайности происходящего ещё быстрее для экстренного уничтожения угрозы жизни людей.

Сударева продолжила:

– Проблемой в достижении данной цели является также и то, что пилот угнанного сновигатора имеет высокую квалификацию управления данной машиной и очень профессионален при выполнении манёвров. Он осведомлён о, том, какие меры могут быть применены к нему в качестве сдерживания. В результате нескольких попыток японской стороны догнать злоумышленника, было выявлено, что он начинает экстренное ускорение и набор максимальной скорости при приближении к нему в радиусе полутора миль, которое он соответственно может наблюдать на своём радаре внутри сновигатора, как и вы.

– Вы меня извините, пожалуйста, Елена Маратовна, но можно я тоже спрошу? – внезапно сказала Фрэя.

– Ну, давай спроси... Что?.. – Судареву даже передёрнуло от напряжения.

– Скажите, а каким образом этот человек поддерживает

свои силы внутри машины, да ещё и имеет возможность постоянно контролировать радар? Если сновигатор был угнан восемнадцатого вечером, а сегодня утро двадцать второго, то получается, что человек нормально ни ел, ни спал, в течение трёх с половиной суток и при этом как-то сохраняет свои превосходные навыки пилотирования?

– Хватит! – отрезала со злостью Сударева и повернулась к членам управления в безысходной растерянности, – давайте расскажем им всё! Это начинает переходить все границы.

Вся команда оторопела.

– И пусть это сделает японский представитель с переводчиком, у него это лучше получится. В конце – концов, эту кашу заварили они, – с серьёзным раздражением в голосе сказала она.

Группа японцев о чём-то пошептались с начальником штаба командования и остальными членами управления российской стороны, после чего Начальник штаба сказал:

– Хорошо. Сейчас главный представитель японской стороны Тэкэхиро Тахакаси всё вам расскажет, но помните, всё, что вы услышите не должно покинуть пределы этой комнаты. В конце перед выходом отсюда вы все подпишите протокол собрания, и если вдруг где-нибудь кто-нибудь из вас нарушит данное условие неразглашения, вас ждёт военный трибунал по всей строгости закона.

С места медленно встал один из японцев, самый старший, судя по годам. На вид ему было шестьдесят – шестьдесят

пять лет. Он был седой, лицо его было каменным, не выражающим никаких эмоций. Он был серьёзного сложения, коренастый. В его движениях чувствовалась размеренность очень аккуратного человека с большим жизненным опытом. Он спокойно прошёл в начало аудитории, молодая девушка – переводчик, покорно и скромно опустив лицо, прошла за ним. Дойдя до конца, он встал посередине перед сенсорным монитором, повернулся к сидящим перед ним и начал медленно говорить на японском языке. Голос его был немного старческий и хриплый. Говорил он достаточно монотонно без пауз. Было похоже на то, что он читает какое-то заклинание на неизвестном языке. Девушка стояла рядом и параллельно переводила сказанное на русский язык в таком же режиме, то есть получалось, что они говорили одновременно, создавая дополнительное эффект оригинальности их выступления.

– Двадцать лет назад одна из наших научно-технических корпораций начала работу над проектом под названием «REI» («Ноль» или «Душа»). Суть проекта сводилась к созданию искусственного человека, обладающего программируемым, но в тоже время собственным независимым интеллектом. На протяжении двадцати лет мы вкладывали огромные деньги в опыты над синтетическим белком с применением нано технологий и вот, наконец, год назад нам удалось достигнуть своей цели. Мы сделали искусственное подобие человека, то есть внешне это абсолютно обычный человек.

Внутри он, конечно, не такой, как мы с вами, но строение его тела имеет близкую схожесть с основными принципами, заложенными в нашей физиологии, такие как скелет, мышцы, органы чувств и, конечно же, мозг. Клетки его организма практически не делятся, то есть ему не нужно постоянно есть или пить, а также спать. Он дышит также как и мы, но поглощает не только кислород. Для поддержания жизнедеятельности ему необходимы синтетические препараты в достаточно малом объёме, но он может обходиться и без них, для этого ему нужна вода и электрический ток от любого зарядного устройства для мобильного телефона или компьютера. Но и при этом он может находиться в рабочем автономном состоянии после цикла зарядки до нескольких недель, а если вообще не будет двигаться, то и нескольких месяцев. Солнечный свет также влияет на его энергетический тонус. В этом смысле он очень универсален. Его мозг – это ещё один успешный результат очень дорогих опытов, испытаний и тяжёлого труда. Фактически он самообучаемая машина с самостоятельным искусственным интеллектом. Он говорит, пишет, читает книги, делает выводы, он может играть на музыкальных инструментах, причём выбирает не все, а только несколько понравившихся. У него есть весь набор чувств и эмоций и мы никогда не сомневались при его исследовании, что он способен испытывать чувства любви, а значит и ненависти. Одним из этапов его испытаний была проверка на скорость реакций в особо экстремальных условиях с примене-

нием упорядоченного объёма знаний сразу в нескольких областях, таких, как управление сложными машинами и навигация в неизвестной местности с постоянно изменяющимися условиями. Для этого мы обучили его управлению сновигатором, причём на самом профессионально высоком уровне и он овладел им в достаточном совершенстве, так как ему это очень понравилось. В структуре его головного мозга заложен принцип обмена омега-гиперонами квантовой поляризации между синтетическими тетро-нейронами, которые теряют стабильность при воздействии с гиперспектральными волнами определённой частоты. Таким образом, он как бы засыпает на месте при наведении на него излучателей, о которых мы говорим, но есть одна проблема. Он чувствует это воздействие, как враждебное и сразу уходит от него, поэтому воздействовать на него необходимо сразу со всех сторон, чтобы он не ощущал свободного чистого пространства вокруг себя, и ему некуда было ускользнуть. Как вы сами понимаете, мы не можем позволить себе просто так уничтожить настолько дорогую разработку с накопленными знаниями в области его поведения. Сегодня у нас ещё нет механизмов для быстрого выращивания таких материй, из которых он создан, поэтому другого такого образца нам придётся ждать ещё очень долго. Зато мы имеем реальные методы по коррекции его мышления и поведения, то есть если мы поймем его невредимым, то сможем откорректировать ошибки программным путём, используя обычную нейролингвистику

с кодами доступа к его центральной нервной системе. Сегодня в мире существует несколько тайных организаций, которые хотят помешать нам. Они используют хакеров и многие другие средства промышленного шпионажа. Они ведут каждая свою идеологическую политику, которая по тем или иным причинам отрицает создание и использование человекоподобных машин или синтетических организмов с собственным искусственным интеллектом, поэтому у нас есть право полагать, что данный срыв в поведении нашего образца является следствием заражения кибернетическим вирусом неизвестной природы. Именно поэтому мы храним всё в строжайшей тайне от всех остальных. Нам остаётся только гадать о внутренних мотивах, которыми руководствовались организм по имени «Rei», когда совершал этот побег и о том, чего он хочет добиться. Но нам очень необходимо вернуть его живым и невредимым, так как все мы не только переживаем за сохранность его, как продукта наших исследований и достижений, а ещё и как личности, как друга, к которому мы привязались. Наш главный учёный, Акихиро Танака, выходец из великого рода самураев, который с самого начала курировал этот проект и занимался разработками все эти долгие годы от чувства вины за происшедшее, отчаяния и безысходности, потеряв надежду на то, что можно будет вернуть Рея, пытался совершить харакири. Его едва успели остановить в последний момент по чистой случайности, обнаружив, что он взял ритуальный меч и кимоно, которые

обычно находились на видном месте.

Человек закончил свой рассказ и продолжал стоять молча, смотря куда-то в пустоту. Этой паузой воспользовалась Фрэн и спросила:

– А почему вы решили, что он захочет нарочно врезаться в какой-нибудь объект? Если он внимательно следит за радаром, то тогда он также будет видеть на мониторе карту местности со всеми объектами.

Девушка перевела всё, что было сказано.

– Это ещё одна наша ошибка, – сказал человек, – дело в том, что все тренировочные заезды у нас проходили в одном секторе и карты были загружены только на него. Все остальные карты находятся в разработке, поэтому он двигается с высокой скоростью практически наугад и неизвестно, насколько точно он сможет сориентироваться по радару, учитывая, что все объекты меньше одного квадратного метра радар не ловит, так же как и не ловит сетку и другие ограждения. Люди, антенные шпили, флагштоки и многое другое внезапно возникшее на пути, может привести на большой скорости к ошибкам пилотирования, вследствие которых сновигатор может потерять управление и врезаться на этой скорости в здания станций и сооружения.

– А насколько у него заправлен сновигатор? Через сколько примерно можно ожидать его остановки вследствие полного расхода заряда и турбо-ионной смеси? Может быть нам проще его погонять это время, чтобы он полностью израсходо-

вался, и тогда не надо будет применять сложных и опасных манёвров? – спросил Вэндэр.

– Здесь не так всё просто, – отвечал Тэкэхиро Тахакаси, – во-первых, неизвестно, какую тактику он предпримет при долгой погоне. Во-вторых, мы использовали в сновигаторе «HIRAN» ещё две наших новейших разработки и они уже протестированы и работают. Первая использует силу встречного потока воздуха для подзарядки аккумуляторов, вторая выделяет и накапливает из этого воздуха инертный газ, который поступает обратно в основной баллон питания ионных двигателей. Отношение составляет почти один к трём, то есть мы возвращаем в бак до тридцати процентов турбо-ионной смеси. К тому же этот процесс не прекращается и при остановленном сновигаторе. Главное, чтобы был доступ к окружающему воздуху и необходимый для этого заряд батарей. Поэтому, учитывая, что всё свободное время он просто стоит и ничего не делает, можно говорить о том, что при периодических заездах, его топливного ресурса в таком режиме хватит ещё на неделю. А если будет сильный ветер и он встанет против потока воздухозаборниками, то за целую ночь, часов за десять он спокойно наберёт ещё десять процентов и заряда и смеси. Иначе говоря, при таких погодных условиях «HIRAN» обладает в некоторой степени автономностью.

– Какова дистанция захвата? – спросил Хэлбокс.

– Минимум сто пятьдесят метров, – ответил Тахакаси.

– А почему вы решили, что сновигатор остановится, когда мы его усыпим? – спросил Джонс.

– Наши сновигаторы «HIRAN» имеют защитную систему, которая отслеживает манеру пилотирования с видео фиксацией положения тела и головы пилота и сенсорного определения присутствия руки на штурвале. Она достаточно оперативно снижает скорость до полной остановки сновигатора, если пилот перестаёт реагировать на внешние факторы вождения, то есть управлять сновигатором. Эта система уже была разработана ранее для автомобилей, чтобы исключить аварии при засыпании за рулём и проблемах со здоровьем, таких как сердечные приступы.

– Ладно, – ответил Джонс, – в целом ситуация ясна. Будем действовать по обстановке. Где он сейчас находится?

– В трёхстах милях западнее станции «Купол Фудзи», – ответила подполковник Сударева, направляясь по аудитории к месту, где она начала совещание.

Тэкэхиро Тахакаси спокойно и размеренно вернулся к своей группе с уставшим и довольно печальным видом.

– Я так понимаю, у штаба нет конкретной тактики? – продолжил Джонс.

– Вы задаёте глупые вопросы, командир Джонс, – ответила Сударева, – мы не пилоты и не проходили должного обучения как вы, откуда у нас может взяться тактика? Единственное, что мы можем вам точно сказать, так это то, что не стоит направлять погоню в зоны расположения других по-

лярных станций и лучше всего держаться центра материка, не заводя беглеца на шельфовые ледники близко к берегу, во избежание попадания чьего-либо сновигатора в океан.

– Хорошо, а что с этими излучателями? Они готовы?

– Да, они установлены и протестированы специальными измерительными приборами в экспериментальном порядке. Специалисты с японской стороны говорят, что всё должно работать в идеале, но есть один нюанс, точнее два. Каждый излучатель весит пятьдесят килограмм, это добавит снаряженной нагрузки, плюс в активном режиме он довольно лихо потребляет электроэнергию. Компенсируется всё конечно штатным турбогенератором, но при этом общий расход турбо-ионной смеси увеличивается в разы. В общем, у вас всех чуть меньше топлива и скорости или же времени на совершение захвата с высокой скоростью движения. Ещё я вас не обрадую и тем, что погода сейчас в целом в Антарктике в этом сезоне стоит достаточно ветреная и наш дорогой друг Рей всё время находится в режиме энерго-топливного накопления.

– А эти излучатели, они для человека не опасны? Радиация там, микроволны высокой концентрации? Как они вообще работают? Их надо корректировать?

– Нет, они абсолютно безвредны и не чувствительны, – продолжила Сударева, – действуют при включении как радиальный излучатель, создавая вокруг себя направленные по сторонам векторные волны, поэтому ничего кроме мгновен-

ной активации по факту захвата не требуют.

– А что если мы перевернём его машину?

– Ни в коем случае! Его безопасность и сохранность главная прерогатива в этой миссии, ну и ваша конечно. Поэтому никаких лишних действий, всё строго по регламенту.

– Что ж, тогда я так понимаю, мы должны сейчас выдвигаться на «Купол Фудзи»?

– Именно так, причём вы должны поторопиться, каждая минута на счету! Вам предстоит пройти восемьсот миль по прямой через горы Гамбурдцева. Протяжённость этих горных массивов составляет около шести ста миль и пересекает ваш маршрут под очень тупым углом, таким образом, что он протягивается сквозь эту область на протяжении двухсот пятидесяти миль. Чтобы обойти его, придётся делать огромный крюк, и тогда расстояние увеличивается до полутора тысяч миль, что абсолютно неприемлемо в связи с экономией времени. Вы выходите ровно в десять, причём двигаетесь очень быстро, на преодоление этой дистанции вам отводится пять часов. Старайтесь укладываться в отведённое время. Тогда по прибытию у вас будет больше времени на отдых и окончательную подготовку по выработке техники захвата. Советую и даже настоятельно рекомендую по прибытию на станцию «Купол Фудзи» выработать и отработать приёмы по окружению сновигатора на скорости в их тренировочных зонах. Перед уходом прошу всех ознакомиться с протоколами совещания и обязательно поставить свою подпись в кон-

це. И не забывайте про неразглашение, лишние скандалы и разбирательства нам сейчас крайне не нужны. Официально мы проводим внеочередные тренировочные заезды совместно с японской стороной, не регламентированные по выбору маршрутов.

Пилоты встали со своих мест и, проходя мимо стола, возле которого стояли выступающие, по очереди расписывались в документах с гербовой символикой.

– Не простую работёнку нам подкинули, – жаловался Хэлбокс.

– Да ты подожди... Ты до «Купола Фудзи» доберись ещё, – язвительно подтрунивала над ним Кэтрин.

– Ты достала уже лезть ко мне со своими приколами! – с выраженной неприязнью отозвался Хэлбокс.

– Давайте вы ссориться не будете с самого начала! – твёрдо приказал Джонс.

– Так, а чо она ко мне лезет-то всё время? – начал возмущаться Хэл.

– Успокойся, Хэл! Ты ей просто нравишься, но она стесняется признаться первой, – начал теперь уже Вэндэр и засмеялся.

Несколько человек тоже засмеялись вместе с ним.

– Очень смешно, да! Я просто в восторге, – обиженно передразнил смеющихся Хэл.

Пилоты закончили официальные процедуры и вышли из аудитории.

– Что теперь делать будем? – поворачиваясь к Джонсу спросила Фрэй.

– Идём переодеваться и по машинам, на всё двадцать минут, встречаемся на стартовом полигоне. Посмотрим, что они нам там установили и как это выглядит, – чётко скомандовал он остальным.

Команда проследовала по коридору до жилого модуля, где находились их личные комнаты.

– А кофе-то попить не успеем что ли? – прокричал Вэндэр вдогонку Джонсу.

– Хорошо, пей кофе, только живее! Всех остальных тоже касается.

Все разошлись, хлопнув поочерёдно дверьми комнат.

ГЛАВА VIII. ГОРЫ ГАМБУРДЦЕВА.

– Ах, вот вы где все! – произнёс Джонс, заглянув в дверь, проходя мимо кафе.

Пять человек уже переодетые в лётные термо-комбинезоны сидели и спокойно пили кофе с круасанами, рассредоточившись за двумя столиками.

– Заходи Джонс, попей кофе с нами! – громко произнёс Вэндэр, делая глоток капучино из белой чашки с чёрной символикой корпорации.

– Да ладно, не до кофе мне сейчас. Спасибо за предложе-

ние. Надо с Каташи

Миядзаки пообщаться. В общих чертах обсудить план маршрута. Давайте допивайте, я жду вас на полигоне, там всё готово.

С этими словами Джонс быстро выскочил из кафе и направился в сторону технического модуля, где находились шлюзы для выезда сновигаторов из ремонтных боксов и выход к стартовому полигону.

Проходя мимо участков технического обслуживания, он столкнулся с начальником смены, старшим механиком Глебом Пестовым по прозвищу «Мичман». Мичман шёл в свой офис с планшетом в руках, на котором были закреплены подписанные отчёты по проведённым предрейсовым испытаниям сновигаторов.

– Здравова, Глеб, как дела? Не видел тебя сто лет, – сказал Джонс.

Им с Глебом доводилось служить вместе на одном военном крейсере, к которому Джонс был временно прикомандирован пилотом прибрежного транспортника Ми-171.

– Всё путём! Ты, я слышал, поднялся в должности, – поздравляю! Очень рад за тебя! С подругой не поженились ещё?

– Так ты одним из первых и узнаешь, не сомневайся! – весело ответил Джонс товарищу, – слушай, я беспокоюсь, как там эти излучатели? Куда их нам вмонтировали? Есть ли какие-нибудь хоть малейшие риски?

– Ну что могу сказать? – продолжил Мичман, – убрали всё аварийно-спасательное снаряжение с такелажных отсеков. Места хватило вполне, по весу примерно то на то и вышло, закреплено надёжно, выдержит любые ударные нагрузки касаясь смещения корпуса внутри. Но теперь только на свой страх и риск – ни тросов, ни топоров, и уж тем более никакой аварийно-механической гидравлики, даже лопат нет. Не дай Бог что, – придётся терпеть до прибытия спасателей. Правда, эти в особом режиме сейчас находятся, вертолёты прогревают каждые два часа. Что они носятся-то с этим сумасшедшим японцем, не знаешь?

– Да... – и тут Джонс чуть было не проговорился, но вовремя поймал себя на том, что было очень непривычно соблюдать режим полнейшего неразглашения, – не знаю я... Может родственник чей? – переживают.

– А-а, тогда всё понятно, очередной мажор, а ты тут жизнь теперь рискуй!

– Ну да, ну да, – ответил Джонс, – ладно, Глеб, рад был увидеть тебя вновь. Побегу, мне надо японского пилота ещё найти, с ним пообщаться.

– А, так вон он там, в секторе «С» готовится к вылету. Их «HIRAN», должен тебе сказать, – серьёзная машина, напичкана самыми современными разработками автономного режима. Я так бегло глянул, пока техники монтажом занимались, – там у них такая прецензия и сплавы... уровень конечно наивысший ничего не скажешь: системы свержьх – низьх

кого трения скольжения и атмосферные нано-фильтры высокой скважности. Всё прострочено нано спиралями антиобледенения поверхности. Правда слышал тут одну информацию на уровне руководства, что Архип вроде как собирается у них закупать такие же узлы и агрегаты для себя, так что возможно в скором времени и ваши сновигаторы переоборудуют. Там ещё новостей много, американцы с нашими учёными какое-то новое энергоимпульсное оружие изобрели для сновигаторов, сейчас собираются тестировать на Амундсен-Скотт. Говорят, состязания нового класса будут проводить с его применением. Подробности у меня в офисе, но тебе сейчас некогда, поэтому увидишь всё, когда вернёшься. Давай! Удачи тебе и твоим ребятам!

И Мичман вразвалочку пошёл дальше, довольный тем, что повстречал бывшего товарища по службе, а Джонс направился через весь машзал к сектору «С». Подойдя ближе его взору представился красивый японский сновигатор «HIRAN», достаточно объёмный по сравнению с некоторыми отечественными моделями, но в тоже время очень эстетично концепциализированный и креативный в отношении внешнего дизайна.

Внутри сидел Каташи Миядзаки и видимо готов уже был включить привод закрытия стеклянной верхней части кабины, которая была сконфигурирована по такому же принципу, как и у всех остальных моделей сновигаторов, опускаясь сверху – вниз лобовой частью и задвигаясь немного назад

при захлопывании для более чёткой герметизации и фиксации.

– Послушайте, Каташи! – прокричал Джонс на английском, – вы не могли бы спуститься и уделить мне пару минут для обсуждения деталей нашего взаимодействия в миссии?

Каташи отстегнул коммутационный шлейф от своего термо-комбинезона и спокойно слез вниз по ещё не убранному трапу. Он подошёл к Джонсу и протянул руку для приветствия.

– Я слушаю вас, капитан Джонс.

В глаза сразу бросалась расцветка и раскрой лётного комбинезона, которая отличалась резкими изогнутыми линиями, как в оригинальной каллиграфии японских иероглифов, а также яркими цветами раскраски. На спине присутствовал этнический трайбл какого-то северного демона или духа, из рта которого дул ветер со снегом.

– Меня интересует, каким образом мы будем конфигурировать наши совместные усилия, учитывая то, что как эксперт – консультант, прикомандированный к моей группе, вы не поступаете под моё конкретное командование?

– Я понял вас, капитан. Я беру на себя роль аутсайдера с полномочиями вписываться в любую внезапно возникшую ситуацию по своему усмотрению и корректировать действия вашей команды. В свою очередь вы в любой момент можете обращаться ко мне за помощью, как в теоретическом плане, так и в практическом. Если в ходе каких-либо опе-

раций данной миссии у нас возникнут разногласия, мы будем их обсуждать и приходить к единому решению обоснованно фактами из опыта и объективными для обеих сторон информационными данными. На данный момент в условиях отсутствия оперативных задач я позволю себе следовать до станции «Купол Фудзи» свободно, без какого-либо согласованного взаимодействия с вашей группой, так как убеждён, что моя помощь вам для этого не потребуется по достаточно естественным для всех причинам.

– Хорошо, я понял вас, спасибо! – удовлетворительно ответил Джонс, – а как к вам обращаться в эфире? Какой у вас позывной?

– «Намахагэ», – ответил Каташи Миядзаки, – но вам будет лучше обращаться ко мне в эфире по имени, потому что с этимологической точки зрения вы не поймёте сути самого обращения в имени, так как она заложена на японском языке. Это всё – равно, что если бы я вас называл именем нарицательным на русском языке, не понимая перевода и сути сказанного.

– А что это значит «Намахагэ»? – переспросил Джонс с любопытством.

– Это японский северный демон, некоторый отдалённый аналог вашего Деда Мороза.

– Ага, всё понятно, – ответил Джонс в изумлении.

Эстетика, конечно, была продумана у японцев до мелочей.

– Всего доброго, капитан Джонс. Встретимся на «Купол Фудзи», – произнёс Каташи Миядзаки и, сделав вежливый поклон, полез обратно в кабину своего сновигатора.

Кабина захлопнулась. Послышался запуск ионных энергетических пульсаров и системный шум сновигатора. Сквозь стекло кабины было видно, как Каташи отдаёт оповещение в рацию о готовности к старту. С другой стороны машзала в огромном витраже диспетчерской кто-то засуетился за огромным пультом. Послышался резкий короткий звук предупреждающей сирены, после него нарастающий шум электрических двигателей привода ворот шлюза, которые поднялись вверх. Навстречу из ворот сразу повеяло ощутимой прохладой, несмотря на то, что работал обдув. «HIRAN» тронулся с места и начал движение вперёд. Он медленно выехал из шлюза технического модуля станции и начал удаляться по ровной снежной поверхности стартового полигона, оставляя за собой аккуратно закрученные вверх навстречу друг другу лёгкие вихри холодного воздуха с поднятым из под широких полозьев сновигатора снегом.

Джонс включил защитный режим шлема, чтобы не запускать холод внутрь комбинезона. Плазменное нано-стекло довольно быстро сложилось своей мозаикой от затылочной части вокруг всей головы до подбородка, образовав абсолютно герметичный прозрачный слой стекла с характерным отблеском. Оригинальной его особенностью являлось то, что к нему ничего не прилипало, его невозможно было закра-

силь или поцарапать, всё скользило и стекало вниз, как вода с жирной поверхности и вместе с антибликовым солнцезащитным режимом это являлось отечественной разработкой в сфере нано-технологий и применялось повсеместно всеми странами – участниками проекта «Polar Navigation». Это вселяло в Джонса гордость и уверенность перед иностранными достижениями в области развития технологий индустрии высокоскоростных полярных челноков.

Группа пилотов зашла в машзал технического модуля станции и рассредоточилась по своим машинам. Джонс проследовал до своего сновигатора «Fast Vector» и начал подниматься в кабину по трапу. Полозья сновигаторов, расположенных по машзалу параллельно друг другу с выдержанным углом к парковочной линии, были установлены на специальные роликовые платформы, которые при транспортировке в стартовый шлюз пристыковывались к специальным направляющим и позволяли сновигатору без особых усилий съезжать на снежную поверхность, полностью исключая взаимные повреждения пола машзала и рабочей поверхности полозьев сновигатора. Сам шлюз представлял из себя отдельное объёмное помещение перед воротами, стены которого были выполнены из толстого оргстекла, которое отделяло внешнее антарктическую среду от внутреннего пространства технического модуля. Такое решение было выполнено для того, чтобы не нарушать внутреннюю обстановку в машзале негативными факторами плохих погодных условий и до-

статочно интенсивными потоками турбо-инертной рабочей массы активных ионных двигателей. Всего в машзале было четыре сектора со стартовыми шлюзами, не считая аварийный с боковой стороны модуля, шлюз которого не использовался и был временно демонтирован для экономии места. Таким образом, в случае экстренного снежного заноса или других внезапных причин с одной стороны технического модуля имелась возможность покинуть модуль через вспомогательный аварийный шлюз с другой стороны.

До шлюзов сновигаторы транспортировались мобильными электро-тяговыми агрегатами с прицепной штангой, похожими на электрокары, которыми управлял персонал группы техобслуживания. Принцип был схожим с буксировкой самолётов на аэродромах: сновигатор выводился на линию направляющих перед шлюзом, штанга отсоединялась и присоединялась сзади. Далее сновигатор проталкивался мини тягачом в шлюз, задние ворота шлюза закрывались, открывались передние основные ворота шлюза, и сновигатор стартовал из здания технического модуля в открытое пространство Антарктики.

В кабинах пилотов включилась рация и прошла проверка радиосвязи с общей стандартной переключкой. Два мини тягача начали буксировку «Phaeton Prince» Кэтрин и «Progressor» Хэлбокса.

– Вам как всегда везёт! – прозвучало саркастическое изречение Вэндэра в радио эфире.

– Везучая парочка! – подхватил Аксель.

Хэлбокс повернул голову в сторону кабины Кэтрин с недовольной гримасой. Кэтрин в ответ сделала тоже самое, только с довольной. Сновигаторы выдвигались и поворачивались аккуратно и параллельно друг другу в направлении старта. В эфире слышались смешки членов команды.

– Ладно, сейчас я надеру тебе одно место! – произнёс Хэлбокс с долей злорадства в голосе, – ты так давно этого просила.

– Ой, как страшно стало вдруг! Можно мне отказаться? – издевалась над ним Кэтрин.

Вэндэр не выдержал и откровенно громко рассмеялся во весь эфир.

– Хватит там ржать! – строго сказал Джонс, – у нас в эфире присутствует посторонний человек. Это не совсем этично с нашей стороны. Ты бы хоть рацию выключал.

– Всё в порядке, извините, командир! – успокоился Вэндэр.

– Так ладно, давайте соберёмся все! Мы не в турпоход направляемся. Что-то мне не нравится этот слишком весёлый настрой. Диспетчер что с погодой?

– С погодой всё в порядке, без изменений на всём протяжении пути следования.

– Хорошо, теперь так: до гор Гамбурдцева идём в разнбой, в свободном порядке, скорость старайтесь держать близкой к максимальной, боковые дистанции устанавливать

с учётом безопасного маневрирования. При подходе к области гор снижаем скорость, группируемся, затем выстраиваемся друг за другом и заходим в любой первый попавшийся «коридор». За статус ведущего не спорим, без лишних тамблений и фокусов. А там дальше уже посмотрим, что будет. Всё, поехали, потихоньку! Ни пуха.

– К чёрту, командир! – послышалось сразу с нескольких передатчиков.

Машины начали запускаться и выходить. В машзале поднялся достаточно сильный свист и шум. Стенки шлюзов дрожали от скачков и смены частот энерго-импульсных пульсаров и объёмов выходящей из них турбо-инертной рабочей массы.

– У-у-у-я-я-а-ху-у! – прокричал Вэндэр, покинув шлюз и выдавливая форсаж на полную, чтобы выйти вперёд.

Сновигаторы уносились прочь, набирая скорость с визгом и хлопками от разрыва атмосферы резкими ударами форсажа позади сопел.

Пилоты начали расходиться в стороны для увеличения боковых дистанций и прибавлять темпа. Впереди простиралась огромная снежная солнечная равнина с необъёмлемыми возможностями для свободного высокоскоростного полёта.

– Держитесь курсом примерно заданной диспетчером точки вхождения в зону гор, не отклоняйтесь сильно, – командовал Джонс в радиоэфир, – они рассчитывали её для

корректировки угла вектора прохождения области гор с наименьшей дистанцией пути.

В эфире прозвучало несколько щелчков включения раций в качестве подтверждения команды.

Сновигаторы лихо неслись на двух ста узлах каждый по белоснежной пустыне, оставляя за собой далеко тянущийся снежный след в турбулентно закрученном потоке воздуха. Хэлбокс и Вэндэр не изменяли себе: у одного кабину разрывали гитарные примочки «Static-X», у второго – ломаными ритмами Drum&Base лихо наворачивал «Spor».

Все пилоты внутри кабин испытывали удовольствие от этой динамичной гонки в отличных погодных условиях по ровной поверхности с небольшими сдвигами пластов и су-гробами, на которых сновигаторы очень чётко подпрыгивали и приземлялись. Такая внезапно возникшая посреди отпуска возможность добавляла драйва в происходящее с непривычки, и это в комплексе с не такими уж и печальными событиями представлялось, как достаточно приятное занятие, приправленное серьёзностью личной ответственности и важности.

– Ну и как вам это всё? – спросил Джонс в эфир после пятнадцати минут гонки, обращаясь ко всем пилотам.

– Да уж! Неплохо для начала, – отозвался Аксель.

– Посмотрим, что дальше будет, – сказала за ним Фрэн.

– Участок просто превосходный! Давно так не оттягивался, – послышался голос Хэлбокса.

– Да, мне тоже нравится, – подтвердил Вэндэр.

– Не отставайте там тоже, герои, – продолжала куражиться Кэтрин.

– Да ну тебя! – ответил Вэндэр.

Таким образом, команда, практически не сбавляя скорости, подошла через час к зоне гор Гамбурдцева. Вдали на горизонте уже показались многочисленные вершины заснеженных склонов с тёмными вкраплениями голой скалистой породы. Вся команда начала потихоньку сбавлять темп.

– Следы от Хирана видит кто-нибудь? – спросил Джонс.

– Да вот что-то нет их нигде, – ответила Кэтрин, которая шла самой первой.

– Интересно, куда японец зашёл, – сказал Вэндэр.

– Да ладно здесь места мало что ли? – возмутился Хэлбокс.

– Да я просто блуждать здесь не хочу долго, – ответил Джонс, – ультразвуковой сонар здесь бесполезен, а по следам конечно проще было бы.

– Так он может сам ещё заблудится, – с сарказмом сказал Хэлбокс.

– Ладно, давайте... – есть желающие на место ведущего? – продолжил Джонс.

– Давай ты! – ответила Кэтрин, – меньше слушать потом от всех.

– Хорошо, я иду первый, будем решать с набором скорости внутри по мере возникновения обстоятельств.

И Джонс ускорил машину. За ним начали выстраиваться остальные практически в ряд с небольшим отклонением от центра влево и вправо, чтобы иметь больше пространства для манёвров.

— А зачем нам вообще спешить, я не понимаю? — пожаловался Аксель, — шли бы да шли потихоньку.

— Сказали на максимально допустимой, — значит пойдём на максимально допустимой, — ответил Джонс, — в принципе они правы, мы здесь времени можем потерять, если вдруг упрёмся в тупик и придётся возвращаться. Ладно, давайте без разговоров, — отвлекает очень!

«Fast Vector» начал заходить в один из каньонов. Темп и манера управления гонки сменились. Сновигаторы начали совершать частые повороты с креном на бок, боковые манёвры с уходом на склон. Ситуацию очень затрудняла плохая видимость из-за обильно летящего в лобовое стекло снега от движущегося впереди сновигатора. Приходилось постоянно вилять и уходить от встречного потока то вправо — то влево, чтобы спрогнозировать предстоящие манёвры. К тому же, двигаясь такой плотной группой, периодически всё из-за той же видимости и узких коридоров создавалась

серьёзная опасность столкновения на скорости при резком торможении идущего впереди пилота с его сновигатором. При этом по цепной реакции тоже самое сразу же повторялось и со следующими позади в общей очереди, создавая опасность массовой катастрофы. Внезапность, с которой

проявлялся данный негативный фактор, не позволяла продолжать гонку в таком же режиме, и пилоты начали жаловаться.

– Послушай Джонс! Надо менять тактику! – прокричал в рацию Вэндэр, – я только что чуть не въехал в Кэтрин на ста узлах. Еле-еле успел уйти в сторону. Давай что-то другое думать. Коридоры становятся слишком узкими. Совсем ничего не видно.

– Хорошо! Я понял тебя! Останавливаемся! – приказал Джонс.

– Уфф! – послышалось облегчённое вздыхание Хэлбокса, – наконец-то это прекратилось.

– Устал, малыш? – тут же всенепременно не запоздала подкинуть фразу Кэтрин.

– Да иди ты уже со своим юмором, – откликнулся он.

В эфире послышался смех команды.

– Ну, хотя бы настроение у вас хорошее, – подбодрил всех Джонс.

– Ну, как будем действовать-то дальше? – спросил Аксель.

– Да, долго стоять нельзя. Давайте разобьёмся и чтоб наверняка – на три группы, – ответил Джонс.

– Так отлично и что? – спросила Фрэя.

– Ну и каждая пойдёт своим коридором, а что? – продолжил Джонс.

– Ладно, хорошо! Кто с кем? – обратилась Фрэя к остальным.

– Ну, давайте так! – резко предложила Кэтрин, – с Хэлбоксом я не поеду!

В эфире опять засмеялись.

– С Джонсом мы поругаемся из-за скорости, – продолжила она, – с Акселем мне не интересно, поэтому я поеду с Фрэй, Вэндэр пусть как всегда наслаждается компанией своего неразлучного друга, а Аксель тогда пусть едет с Джонсом.

– Это вы партнёрами что ли поменялись? – подколот Кэтрин Хэлбокс.

Команда опять засмеялась.

– Так ладно, прекратить смех! Всё, поехали! – приказал Джонс, – время!

Группы начали разъезжаться в стороны, уходя в соседние каньоны, чтобы там опять лечь на курс и продолжить гонку уже в более свободной парной конфигурации.

Через двадцать минут в эфире послышался голос Джонса:

– Хэлбокс, Вэндэр! Вы сильно отклоняетесь от направления. Кто из вас ведущий?

– Да знаю я! – прозвучал раздражённый голос Хэлбокса, – я – ведущий, ничего поделать не могу, коридор так уходит. Одну точку выхода проскочили пять минут назад, очень высокая была, подъём слишком крутой, за перевалом неизвестно что, сугроб мог оказаться глубоким. Не захотел забираться туда. На низкой скорости подъёма на высоту большая вероятность увязнуть в снегу по уши.

– Так, давай делай что-нибудь, мне это не нравится со-

всем! Насколько можешь видеть впереди?

– Вообще ничего не видно! Виляем то вправо – то влево, метров пятьсот от поворота до поворота.

– Так, ну давай ещё максимум пару миль и всё, возвращайся обратно. Насколько высоко была точка выхода?

– Ну, метров тридцать точно!

– Хорошо! Поедешь обратно, остановись у подножия склона. Поднимись – посмотри что там, заодно проверишь верхний слой на плотность.

– Да знаю я это всё! Просто риск слишком большой. У нас ещё весело так в этот раз – вместо оснастки лишних пятьдесят килограмм, меня даже выдернуть нечем будет.

– Ну, значит, не будешь рисковать, если не понравится. Вернётесь до места, где мы разъехались, поедите за нами. Нагоните, если что, после выхода из зоны.

– Да замечательно вообще! Ладно, конец связи, – коротко ответил Хэл.

Они двигались с Вэндэром друг за другом на скорости восемьдесят узлов, уходя в частые очень глубокие повороты. Трасса тянулась практически как змейка, усиливая дискомфорт отставания по времени и расстоянию. Коридор был не совсем узкий около ста метров между подножиями склонов, но сами склоны были достаточно крутыми, что снижало вероятность преодоления возможных выходов с этого маршрута. Сновигаторы «Progressor» и «Gipper Scruder» продолжали безысходно удаляться в сторону от основного направле-

ния, погружаясь вглубь лабиринта гор.

– О-ё-ё-о-ой! – встревожено и печально протянул Хэлбокс, – похоже, Вэн, мы тут застрянем. Разворачиваемся.

– О'кей! – ответил, Вэндэр.

Обе машины замедлили ход с уходом вправо для манёвра на разворот. Теперь ведущим становился Вэндэр.

– Так, ну что теперь за мной поедим, да?! – с ноткой юмора произнёс он.

– Давай, только за левой стороной следи, пожалуйста, тоже внимательно. Посмотрим, можно ли уйти в том месте? – ответил Хэл.

– Ты, знаешь, я бы не стал рисковать. Ну, прошли всего-то двадцать пять миль, подумаешь! Отстанем на сорок минут, ну на час – какая разница? А так сядешь там и всё, до прибытия спасателей, лишняя суета получится.

– Ну, посмотреть, всё равно надо, понимаешь, вдруг там что интересное? Окошко-то неплохое вроде, довольно широкое. По склону так разогнаться совсем удобно будет.

Они проехали назад уже около девяти миль, когда Хэлбокс сказал:

– Слушай, где оно?! Мне начинает это не нравиться!

– Да не знаю я! Может хрен с ним? Поехали назад до конца, туда, где разошлись. Не возвращаться же второй раз? – ответил Вэндэр.

– Да ты не понял, такого быть не может! – настойчиво упирался Хэлбокс, – мы ехали от того места пять минут, до того

как Джонс вышел в эфир на восьмидесяти узлах...

– Послушай, ты сейчас считать будешь?! – раздражительно перебил Вэндэр, – ты время что ли засекал? Давай начнём тут умножать время на скорость, как в школе, погрешности выделим. Проехали и проехали, бывает. Едем дальше!

– Да не могли мы проехать! – начал нервничать Хэлбокс.

– Послушайте, что там у вас случилось опять?! – внезапно вклинился в переговоры Джонс.

– Пропустили точку выхода из коридора, – да не хрен-то и потеря, а Хэлбокс теперь панику наводит, – ответил Вэндэр.

– Так, ну и что теперь?! – продолжил Джонс.

– Ну двигаемся дальше до места, откуда разошлись.

– Что у вас там плохо всё так? Давайте уже выбирайтесь оттуда! – закончил Джонс.

В этот момент в эфире послышался какой-то непонятный шум и крик Фрэи, после чего в рацию заговорила уже Кэтрин.

– Джонс у нас авария!

– Что случилось?! Фрэй, приём! – встревожено прокричал Джонс.

В эфире была тишина.

– Кэтрин – Кэтрин, что там у вас?! – уже более настойчиво и обеспокоено повторил Джонс, – что с Фрэйей?! Почему не выходит на связь?!

– Подожди, сейчас развернусь! – ответила Кэтрин

Через минуту он продолжила.

– Джонс, слышишь меня?!

– Да! Что случилось?!

– Фрэю занесло на скрытом под снегом льду, и она врезалась боковой частью корпуса в обледенелый массив каких-то огромных сосулек.

– С ней всё в порядке?! Почему не отвечает?!

– Я вижу её через стекло, с ней всё нормально, наверно ра-
ция вышла из строя или сбилась. Её обильно засыпало свер-
ху сосульками, и глыбами твёрдого снега.

– Аксель, тормози! – приказал Джонс, – я останавливаюсь.

«Spector» и «Fast Vector» по очереди замедлили ход с рез-
ким заносом в разворот и остановились.

– Что делаем, капитан? – спросил Аксель.

– Подожди! Дай, я разберусь, где мы? – ответил Джонс,
и начал торопливо нажимать кнопки на панели управления
мониторов штурман – локации, увеличивая масштаб спут-
никовой карты местоположения, чтобы лучше понять, где
они находятся относительно места аварии.

– Мы не доберёмся до вас быстро, придётся тоже возвра-
щаться! – произнёс Джонс, – как у вас там дела?!

– Я её не слышу! – ответила Кэтрин, – она мне что-то по-
казывает, но я не понимаю.

– Сновигатор сильно повреждён?! – продолжил Джонс.

– Да вроде ничего особого не вижу, – тут засыпало всё!

В этот момент сквозь шумы и помехи пробился и восста-
новился канал Фрэй.

– Кэтрин, ты слышишь меня, приём – приём! – говорила она.

– Да, мы слышим тебя! Как ты? С тобой всё в порядке?! – отозвалась Кэтрин.

– Всё в порядке! Рация сбилась от удара, и я ударилась немного, шея и локоть болит, – ответила Фрэй.

– Переломов нет?! – спросил Джонс.

– Нет, всё в порядке!

– А с машиной что? Ехать можешь дальше?

– Пока ничего, запустила диагностику.

– Насколько всё плохо? Мы не сможем быстро подойти, – продолжил Джонс.

– Мне изнутри не видно, – ответила Фрэй.

– Кэтрин, ты что молчишь? Угрозы нет? Там не свисает ничего сверху?

– Да не, нормально всё, просто засыпало машину льдом и снегом. Расчистить и можно будет двигаться дальше. Хорошо только, что лопат нет, – с недовольным сарказмом пошутила Кэтрин в конце.

– Так ладно, давай без жалоб на жизнь! – строго ответил Джонс, – ты мне скажи, вы сами сможете это сделать или вам нужна помощь? Я не могу понять, что мне делать, – к вам выдвигаться, ждать или продолжать следование по маршруту? Путь не близкий, я уже посмотрел, только через час будем.

– Не знаю – не знаю! – ответила Кэтрин, – всё от Фрэи

зависит, сможет она дальше двигаться или нет.

– Фрэя, ну что там диагностика?! – продолжал Джонс.

– Кратковременные сбои в цепях управления, стёрлись вроде, – ответила она.

– Попробуй двигатели запустить!

– Пробую, не выходит!

– Таааак! – протянул Джонс с явным недовольством, – приехали! Что совсем никак?!

– Кэтрин! Посмотри, сопла засыпаны? – вмешался в разговор Аксель.

– Сейчас, проеду немного, – ответила Кэтрин.

В рации слышался тихонько нарастающий шум ионных турбин.

– Да! Всё засыпано! – сказала Кэтрин.

– Так конечно, чего вы хотите?! – продолжил Аксель, – турбины не продуваются, тяги нет – они и не запустятся.

– Так а что делать? – спросила Фрэя.

– Сколько у тебя инертной смеси? – продолжил Аксель.

– Пол бака.

– Мало, давление низкое. Попробуй продуть форсажем.

Переведи системы в тестовый режим, отведи рычаг тяги двигателей максимально вперёд и выдави форсаж на полную.

Фрэя последовательно выполнила все инструкции.

– Ну что там? – спросил Джонс.

– Что там Кэтрин?! – переспросила Фрэя.

– Фигня! – ответила Кэтрин, – чуть-чуть так из под снега

фыркнуло и обратно засыпало.

– Ну понятно, – сказал расстроено Джонс, – надо ехать.

– Да подождите вы там! – послышался резвый голос Хэлбокса, – что вы паритесь?! Кэтрин, разворачивай своего «инопланетного монарха» движками к её движкам, переводи управление в педальный режим, несколько раз ударь по педалям тормоза – пусть стопора войдут поглубже в поверхность. Потом запускай двигателя и включай свой форсаж.

– А я её не сожгу?! – переспросила настороженно Кэтрин.

– Это врядли! – кинул короткую дерзкую фразу бывшего профессионала Хэлбокс.

– Хэл, а вы так уже делали?! – забеспокоился Джонс.

– Да успокойся! Всё нормально будет! Пусть сделает, как я сказал!

Кэтрин последовательно выполнила все действия и запустила двигатели, переведя их в режим максимальной тяги. Сновигатор явно сопротивлялся блокировке скольжения по поверхности, по корпусу доносился определенный скрежет выпущенных тормозных упоров, и чувствовалась нездоровая вибрация. Создавалось впечатление, что корпус сновигатора сейчас оторвёт от подвески, которая тоже в свою очередь начала издавать незнакомые до сего момента скрипы.

– Послушай Хэл, – сказала Кэтрин, – мне или кажется или всё, что ты делаешь, направлено на фатальное разрушение или провал.

– Успокойся, неблагодарная! Лучше посмотри назад и до-

ложи обстановку! – обиженно возразил Хэлбокс.

Кэтрин обернулась и в допустимый задний обзор стекла кабины увидела, как столб снега и кусков льда обильно сдувается с корпуса сновигатора Фрей.

– Ура! Всё получилось! – закричала обрадовано Кэтрин.

– Тормоза держи! – заорал в рацию Хэлбокс.

Кэтрин резко спохватилась и сосредоточила внимание на управлении ситуацией в кабине.

– Всё в порядке! Всё в порядке! – поспешила она успокоить всех членов команды, – держу, не отпускаю!

– Форсаж потихоньку добавляй! – прокричал Хэлбокс.

– А меня не сорвёт? – с опаской спросила Кэтрин.

– На самом деле здесь есть два момента, – продолжил объяснять Хэлбокс, – твои упоры впились в поверхность очень сильно, увеличив твёрдость соединения и это хорошо.

– А второе? – в голосе Кэтрин почувствовалась вопрошающая интрига.

– Со вторым хуже, – продолжал Хэлбокс, – что у тебя впереди по курсу?

Кэтрин посмотрела вперёд и увидела крутой заснеженный склон горы метрах в ста от неё. Хэлбокс, не дождавшись ответа, произнёс:

– Что бы это ни было, при случайном отрыве от поверхности тебя резко ускорит с перегрузкой в 9G и на скорости сто пятьдесят – двести узлов ты воткнёшься в эту поверхность. Извини!

Кэтрин в испуге резко сбросила тягу.

– Ты – грёбанный психопат, Хэл! Я тебя ненавижу!

– Не будешь выпендриваться передо мной, – ответил он ей с чувством удовлетворения, зато руками работать не пришлось. Оцени лучше результат и доложи остальным! Кто не рискует, тот не пьёт шампанского.

– Не у тебя действительно не все дома, ты только не обижайся, – произнёс Джонс.

– Джонс, для альпиниста то, что ты имел в виду, скорее комплимент, чем оскорбление. Меня сейчас больше интересует, насколько всё получилось, чем переживание крутышки Кэтрин от страха врезаться в гору на скорости, вероятность чего, по расчётной статистике наших заумных теоретиков, в общей гонке составляет семьдесят процентов от числа общих происшествий.

– Ладно, это потом всё! – раздражённо сказал Джонс, – Фрэя, ситуация с двигателями улучшилась?

– Да, уже разогреваю! Спасибо за поддержку и совет! Мощность набирают динамично, значит внутренних повреждений нет. Сейчас реверсом остатки сдую и выдерну машину, если прямо не выйдет.

– Ты какой стороной вошла в массив при ударе? Реверс с одной стороны может заклинить и не открыться вообще, – сказал Джонс.

– Ну и что? Машину тогда должно развернуть, разберусь в общем. Если понадобится, попрошу ещё раз Кэтрин рас-

чистить корпус тягой турбин.

– Нет уж спасибо, что-то я больше не хочу практиковать подобные способы, – отозвалась она.

– Да всё вроде! Выкарабкиваюсь помаленьку! – послышался радостный голос Фрэи.

– Аксель, по коням! – скомандовал Джонс, – тридцать минут потеряли.

– Да, капитан! – ответил Аксель.

– Вы там что? Хэл, слышишь меня?! – спросил Джонс у заблудившихся Хэлбокса и Вэндэра.

– А что ты меня всё время спрашиваешь? Меня сейчас Вэндэр ведёт.

– Вэн, что молчишь? – переспросил Джонс.

– Всё, вон она та злополучная развилка, подошли уже, – отвечал Вэндэр, – сейчас возьмём маршрут за вами. Так что не топчитесь там у нас под ногами.

– Ага, щас, конечно, размечтался! – сказал Джонс, – вы смотрите, тут только не потеряйтесь ещё раз, ладно? А то кто вас знает, мало ли чего?

– Да всё, ладно, увидимся может на равнине, если повезёт, конец связи, – буркнул в рацию Вэндэр.

Пилоты продолжили гонку. В течение ещё нескольких часов им пришлось преодолевать петляющие коридоры каньонов, выходить на небольшие открытые участки равнин и заходить в новые области горных склонов, протягивающиеся перпендикулярно их направлению, каждый раз рискуя

сбиться с основного курса, отклонившись в глубину запутанных между склонами маршрутов и удаляясь в сторону с опасной неизвестностью исхода пути.

Наконец впереди начал усиливаться постоянный, массивный поток яркого белого света. Это были лучи отражаемые от огромной площади снежной поверхности простирающейся равнины, непреломляемые вершинами и склонами гор. Джонс посмотрел на монитор штурман – локации, чтобы сравнить расстояние между своими координатами местонахождения и координатами сновигаторов Фрэи и Кэтрин.

– Фрэй, мы уже на выходе из области гор, через пять минут вы с Кэтрин должны мне сказать, что всё в порядке, и вы тоже вышли на равнину.

– Пока всё нормально, – спокойно ответила Фрэй, – поводов для переживаний нет.

Вэндэр и Хэлбокс шли с отставанием в пол часа, нагнав ещё тридцать минут, пока остальные стояли из-за приключившейся с Фрэй неприятности.

Джонс и Аксель выехали на огромную залитую солнцем территорию Земли Макробрета и сразу же ушли в плавный манёвр набора боковой дистанции, разъехавшись в стороны. Джонс до конца подал левый рычаг управлением тяги, Аксель внутри своей кабины выполнил ту же процедуру. Оба сновигатора динамично начали ускоряться вперёд.

– Наконец-то свобода! – удовлетворённо произнёс Аксель.

– Впереди ещё несколько часов полёта и всё, если повежёт, конечно, и этот участок окажется таким же распростёртым и ровным, как и предыдущий, до области гор, – ответил Джонс.

– Джонс, мы вышли, всё в порядке, – слышался голос Кэтрин в эфире.

– Отлично, продолжайте следование, условия поверхности прекрасные,

– ответил он.

Спустя время в эфир то же самое повторил и Хэлбокс.

– Думаешь, сможем нагнать? – спросил Вэндэр.

– Да не, забудь! Это будут бессмысленные перегонки, сейчас главное не отставать, ответил Хэлбокс.

Сновигаторы постепенно ускорялись и уходили вперёд на максимальной скорости по огромной рельефной снежной равнине. Иногда они совершали затяжные очень крутые прыжки на небольших сдвигах снежных пластов, высотой не более двух метров, которые вытягивались кривой линией по всей ширине платформы снежного наста и были результатом неравномерно надуваемых слоёв снега пургой и ветром в течение долгого периода времени.

Солнце светило и отблёскивало от белой поверхности настолько интенсивно, что без солнцезащитного режима нано-стекла гермошлемов было практически невозможно смотреть по сторонам. Сновигаторы то и дело по очереди подпрыгивали и приземлялись на скорости, ударяясь и хло-

пая полозьями по поверхности, и поднимая в воздух большие всполохи снега, остающиеся сразу позади машин и похожие на то, как если бы тесто кидали в муку на столе. Пневмогидравлика подвески работала в максимальном режиме, совершая частые резкие схождения элементов и рычагов с затяжными паузами в прыжках, напоминая сбивчатую работу колёсных пар вагона метро в туннеле. Время тянулось незаметно, пилоты шли, не снижая скорости в полной тишине эфира в свободном пилотаже. Два часа пролетели как во сне, штурманботы сновигаторов начали предупреждать о вхождении в зону станции «Купол Фудзи». До стартового полигона оставалось десять миль.

ГЛАВА IX. «КУПОЛ ФУДЗИ».

Станция «Купол Фудзи» («Dome Fuji»), 77⁰ ю.ш. 39⁰ в.д. расположена на вершине ледового щита Земли Королевы Мод в Антарктиде, он же «Купол Валькирии» (Valkyrjedomen). Это вторая по высоте вершина ледяного купола Восточно-Антарктического ледового щита.

Купол Валькирии – ледовый купол в восточной части Земли королевы Мод, поднимающийся на высоту около 3700 метров над уровнем моря. В 1963 – 1964 годах Советская Антарктическая экспедиция совершила переход через северную часть этого купола, поднявшись до высоты свыше 3600 метров. Но сам купол был исследован с воздуха ме-

тодами радиогляциологии в рамках программы «SPRI-NSF-TUD» в 1967 – 1979 годах, и был назван «Куполом Валькирии» (в честь Валькирии из Германско-скандинавской мифологии, уводившей павших воинов в Вальгалу).

Сама станция была основана в январе 1995 года, как база наблюдений «Купол Фудзи» и с 1 апреля 2004 года стала называться «Станция “Купол Фудзи”». С 1995 года на станции проводились долговременные серьёзные исследования по глубокому бурению льда и исследованию ледяных пластов, в результате которых были достигнуты древние пласты льда возрастом 720 тысяч лет.

– Ты видел это?! – ошеломлённым голосом крикнул в рацию Джонс.

– Я в шоке! – ответил с такой эмоциональной интонацией Вэндэр.

– Не, а почему мы раньше не знали?! – продолжил Джонс.

– Не знаю, сам удивлён! Хотя бы сказал кто! Интересно, кто-нибудь из остальных это уже видел?

– Ладно, давай заходить на полигон! – закончил реплику Джонс.

На распростёртой бело-снежной равнине возвышалась огромная чёрная пирамида корпуса станции с такими же чёрными зеркальными огромными витражными стёклами. Станция напоминала большой космический корабль устрашающего грозного вида и поражающей масштабностью кон-

струкций. Она имела четыре грани и возвышалась на более узком основании по отношению к спускающимся вниз краям этих граней. На прилегающей территории находились и другие коммуникации, относящиеся к спутниковой антенной связи, техническому сопровождению программы Полярной Навигации, а также небольшая налаженная в плане научно-технического развития инфраструктура хозяйственных объектов в виде заправочных станций, электрогенераторов и прочего оборудования.

В эфире прозвучало приветствие диспетчера станции «Купол Фудзи» на английском языке с предупреждением об уровне низкой температуры за бортом, после чего уже диспетчер «Востока» коротко сдал свою смену, предупредив об окончании ведения маршрута и попрощавшись с пилотами группы.

Неподалёку от станции находился отдельно выстроенный блок технического приёма и обслуживания сновигаторов, включающий в себя боксы со стартовыми шлюзами. На прилегающей площадке находились люди их технического персонала в термо-комбинезонах с гермошлемами и световыми маяками в руках. Они жестами указывали пилотам направление следования до парковки сновигаторов. Когда Джонс и Вэндэр уже почти припарковались, на полигоне со свистящим понижающимся шумом ионных двигателей появились «Phaeton Prince» и «Space Shark» Кэтрин и Фрэн.

Техники приставляли трапы к только что остановившим-

ся машинам. Покинувших сновигаторы пилотов провожали до входа на станцию, где их уже ждала встречающая делегация из тех же пяти человек, включая девушку переводчика, которые отбыли сюда с «Востока» на самолёте сразу же после старта сновигаторов.

– Мы рады видеть вас! – сказала девушка, сделав небольшой вежливый поклон.

Японцы стояли с серьёзным озабоченным видом без каких-либо радостных эмоций. Девушка продолжила:

– Мы должны дождаться ваших друзей, чтобы продолжить наш диалог. Давайте пройдем в малый зал для гостей, там вы сможете подождать их в комфортной обстановке.

– Хорошо, – ответил Джонс.

И они прошли в небольшое угловое помещение с двумя внешними сильно затемнёнными прозрачными стенами из толстого оргстекла, где располагались глубокие кресла и диваны для отдыха. Свет в настенных светильниках, похожих на неравномерно выстроенные по высоте в случайном порядке органные трубы, был притушен. По углам комнаты были расставлены высокие малахитовые постаменты и вазы с искусственными фонтанами и японской сосной, выращенной по технологии традиционного японского искусства Бонсай, окон в помещении не было. Сквозь стены был виден коридор и часть основного холла, где то и дело проходили люди. Джонс и Аксель расположились в мягких креслах и продолжили с любопытством рассматривать подробности окружа-

ющего интерьера. В целом нельзя было сказать, что акустика могла иметь здесь какой-то определённый уровень, однако из четырёх углов отчётливо доносились звуки переливающейся воды в фонтанах с разной высотой и тоном журчания. Это производило очень необычный эффект сочетания тонов звука и в комплексе с дизайном и эстетикой внутреннего оформления создавало неизгладимое чувство нахождения в сквере среди природы. Откуда-то, явно из скрытых щелей подавался ионизированный и обогащённый кислородом воздух, что чувствовалось сразу же.

Когда все, наконец, собрались, японцы во главе с Тэхэкиро Тахакаси, расположились на широком диване в другой стороне комнаты и начали диалог. Точнее сказать, говорил только Тахакаси, а всё та же девушка переводила с японского на английский. Девушку звали Мэй Аоки, она прекрасно владела несколькими языками и была личным переводчиком Тахакаси в представительской группе. Сам Тахакаси хоть и владел английским языком, но не любил утруждать себя ведением дискуссии, параллельно вдумываясь в детали и подробности перевода. Ему больше нравилась расслабленная свободная форма диалога с более широким участием в психологической форме внешнего поведения. Он любил наблюдать своего оппонента, анализируя его реакции, в то же время, не выражая никаких эмоций со своей стороны. Остальные члены представительской группы молча сидели и смотрели в пустоту. Один из них, Кохэгу Такаги, первый со-

ветник Тахакаси постоянно что-то просматривал и читал на сверхтонком полупрозрачном планшете, которые по слухам из газет и СМИ только начинали разрабатываться.

— Мы понимаем, — начал Тахакаси, — важность ваших согласованных с руководством предполагаемых действий, но позвольте сделать корректировку вашего расписания и внести в него существенные изменения в связи с некоторой рациональностью и лучшим пониманием ситуации в целом. Сейчас четыре часа, обед вы уже пропустили в дороге. По биологическим показателям нагружать вас сейчас в такой короткий срок до ужина вредно. Без ужина вас оставлять нельзя, а переносить его придётся на очень позднее время, таким образом, вы поздно ляжете спать, что неприемлемо. Дело в том, что по нашим расчётам, исходя из существующего фактического нахождения на данный момент беглеца Рея, который сейчас находится в четырехстах милях юго-западней станции Фудзи, для необходимого запаса времени с учётом следования до его местонахождения, необходимо выдвинуться раньше положенного срока, то есть в шесть часов утра. Следовательно, подъём предстоит ранний, в пять часов, а выспаться нужно хорошо, так как операция будет проходить очень сложная и необходимо максимальное сосредоточение ваших сил и внимания. Поэтому мы предлагаем вам лечь спать в девять часов вечера. Ужин лучше будет провести в пять часов, чтобы долго не терпеть голод, поэтому один час я вам рекомендую потерпеть в расслабленной обстанов-

ке в зоне отдыха или в личных номерах, в которые вас сейчас проводит наш заведующий жилым сектором для гостей и туристов Ёширо Ивасаки.

Тахакаси сделал поворот туловищем в левую сторону и указал рукой на сидящего рядом японца в таком же чёрном дорогом представительском костюме без галстука.

– В этот час, – продолжил Тахакаси, – как и в последующее после ужина время вы можете провести экскурсию по нашей станции. Если у вас возникнут вопросы относительно внутренних особенностей конструкции и дизайна, на них с удовольствием ответит начальник станции Минако Накамура.

И Тахакаси сделал аналогичный жест, указав на сидящего справа.

– Что касается тренировочных заездов, – сказал Тахакаси, – о которых шла речь с вашим руководством на станции «Восток», то мы их просто отменим, а точнее перенесём на утренний рейс по пути следования до точки нахождения объекта, в виду недостаточности времени на их подготовку и проведение сегодня вечером. Так как за два часа до ужина вы только ещё больше утомитесь, а после ужина тем более. Ни к чему перегружать организм перед ответственной работой! Если у вас есть возражения или дополнения, мы готовы их выслушать и обсудить.

Пилоты переглянулись между собой, Джонс посмотрел на каждого по очереди: кто-то помотал головой, кто-то пожал

плечами.

– Тогда мы согласны, – произнёс он в ответ.

– Хорошо, – сказал Тахакаси, – встретимся за ужином.

И все члены делегации почти сразу же встали и ушли, кроме одного Ёширо Ивасаки, который на отличном английском пригласил гостей пройти за ним к их комнатам.

Комнаты располагались вдоль одного из четырёх коридоров на четвёртом этаже, до которого группа пилотов во главе с Ёширо Ивасаки поднялась на большом объёмном лифте, размерами три на три метра, с такими же прозрачными затемнёнными стенами, который располагался ровно посередине пирамидального корпуса здания станции. Всего в здании станции «Купол Фудзи» насчитывалось десять этажей. Двери лифта располагались по четырём сторонам. Вокруг лифта был образован коридор квадратного периметра, каждая из дверей лифта также выходила в свой коридор. Таким образом, коридоры были связаны между собой, а для удобства и экономии времени из лифта можно было выйти в любую из четырёх сторон в необходимую сторону. Чем выше был этаж, тем коридоры были короче. На некоторых этажах коридоров вообще не было. Вместо коридоров там были заложены арки, которые вели в различного рода помещения, в зависимости от специфики, объёма и нужд использования. Станция включала в себя гостиничный корпус, научно-исследовательский корпус, корпус технического обслуживания и спутниковой связи с радио узлом, административный кор-

пус, корпус для проведения официальных мероприятий и банкетный зал. Также станция содержала столовую-ресторан с кафе, баром и бильярдом, тренажёрный, фитнес, спортивный залы и сауну с небольшим бассейном.

Пилоты разошлись по своим комнатам. До ужина никто из них путешествовать по станции желания не изъявил. Все были уставшие после долгого пути, так как в самолёте ещё до прилёта на станцию «Восток» нормально никто не выспался. Хотелось есть и спать.

К пяти вся команда под предводительством всё того же Ивасаки с нетерпением собралась в столовой в заинтригованном волнении, чем же их будут сегодня кормить. Никто и не удивился, а скорее все только этого и ожидали, когда к столу на специальных деревянных досках подали огромный ассортимент суши. Икра, крабы, красная рыба, гребешки, мидии, всевозможные варианты, а также запеченные, всё это было предложено гостям вместе с традиционными приправами и соусом. Каждому из гостей был предложен маленький кувшинчик подогретого саке. Всё было оформлено в лучших традициях Японии. Исключением даже не являлась низкая классическая посадка за столом.

Тэхэкиро Тахакаси вместе с Мэй Аоки почтительно вышел к гостям и, пожелав приятного аппетита, сказал:

– Мы знаем о запрещающих протоколах об употреблении алкоголя во время миссий, но всё же не беспокойтесь за это, никто об этом не узнает, всю ответственность я беру на себя.

Если кто-то из вас не против выпить sake, то пожалуйста не стесняйтесь – выпейте на удачу! К тому же небольшая доза sake придаст вам тонуса и укрепит сон.

С этими словами он с улыбкой покинул пилотов, чтобы не мешать и не смущать гостей во время трапезы.

Неописуемым было и то, что происходило после этого. Все члены команды без исключений с восхищением и удовольствием незамедлительно приступили к поеданию столь ожидаемого всеми угощения. Sake не только попробовали все, но в принципе и опорожнили кувшинчики, что никак не усугубило трезвость, а скорее наоборот добавило весёлого настроения и комфорта. В конце сытые и довольные пилоты вышли из столовой и, поблагодарив персонал, отправились куда-нибудь отдохнуть после еды и пообщаться между собой.

С ужина их учтиво встретил внезапно появившийся Минако Накамура и предложил несколько вариантов времяпрепровождения: совершить небольшую ознакомительную прогулку по станции, провести время в бильярдной или же расположиться в одном из четырёх наблюдательных залов для отдыха и релаксации на восьмом этаже, где практически всю треугольную внешнюю плоскость занимал огромный витраж с потрясающим видом на антарктические простирающиеся пейзажи с большой высоты. Ребята выбрали последнее исключительно из особого интереса и любопытства и не ошиблись. Вид наружу и внутренняя обстановка действительно

завораживали и расслабляли, унося сознание куда-то вдаль к горизонту снежных ландшафтов. Ко всему прочему станция находилась на ощутимой возвышенности, что ещё больше добавляло чувство высоты. Во внутреннем дизайне чётко прослеживалась характерная японская точность, броскость, острота и плавность линий с непревзойдённым комфортом, уютом и необычностью форм. В глаза бросался круглый никелированный градусник, с первого взгляда похожий на корабельные часы, который был выполнен в другом приборно-морском стиле и выпадал из общей картины внутреннего дизайна, обращая на себя некое экстренное внимание. Такие градусники находились на каждом этаже над общими окнами и витражами. На этом градуснике в данный момент была температура минус шестьдесят градусов Цельсия. Шкала была также градуирована Кельвинами.

– Не слабая температура, однако, – произнёс Вэндэр, обращаясь к Минако Накамура, – как вам удаётся избежать обледенения и изморози на такой высоте?

– Всё верно, интенсивность холодного ветра здесь гораздо выше, чем внизу. Все внешние поверхности станции выполнены с применением специального антиобледеняющего нано-покрытия. Внутри всё прошито термическими нано-спиралями, которые работают в постоянном режиме. В нескольких десятках миль отсюда располагается наша мобильная атомная электростанция последнего поколения, поэтому энергии вполне достаточно для всех целей и нужд, –

ответил Накамура.

Пилоты провели в наблюдательном зале в общей сложности около полутора часов, общаясь друг с другом и обсуждая подробности времяпрепровождения своих отпусков, после чего некоторые очень захотели спать, и вся команда решила отправиться к себе в номера.

Выходя к лифту из зала, они слышали характерные громкие выкрики на японском языке из-за дверей соседнего зала, которые были слегка приоткрыты. Двое мужчин явно ругались друг с другом, выкрикивая быстрые короткие обрывистые фразы, причём один из голосов был очень похож на голос Тахакаси. Внезапно дверь резко распахнулась, и из неё навстречу нашей группе быстрым шагом вышел незнакомый японец в сильно взвинченном состоянии, бурча себе под нос какие-то недовольные реплики. Увидев пилотов, он оторопел, ещё более насупился и бесцеремонно, не дожидаясь никого, зашёл в лифт, который уже стоял на этаже, и уехал вниз.

Вся группа застыла на месте от внешней атмосферы происходящего. Затем Джонс всё-таки решил пойти и на всякий случай посмотреть, что случилось. Он прошёл семь метров до дверей и осторожно заглянул внутрь. Его глазам представилась довольно впечатляющая картина, похожая на сцены из японских фильмов Такеши Китано про якудза. Вдоль второго зала тянулся низкий стол, за которым с двух сторон на маленьких прямоугольных матах сидели японцы в чёрных

костюмах с невозмутимо серьёзным выражением лиц, и с довольно недружелюбным интересом все вместе также смотрели на Джонса. В изголовье стола стоял Тэхэкиро Тахакаси с раздражённым немного покрасневшим лицом в застывшей маске взгляда, направленного куда-то в никуда, в сторону и вниз. Он стоял так около десяти секунд и всё это время никто вокруг даже не моргнул. Потом он перевёл глаза на Джонса, и в этот момент в его мимике сразу произошли изменения. Спокватившись в неловкой ситуации, он вышел из-за стола и начал торопливо двигаться в сторону Джонса, одновременно отмахиваясь рукой и говоря на английском, что всё в порядке и всё нормально, весело улыбаясь и переводя ситуацию в шутку. Сидящие за столом японцы, среди которых Джонс успел различить только уже знакомого первого советника Кохэгу Такаги, сразу же перевели взгляд друг на друга и изменили общее настроение с серьёзного на весёлое и дружелюбное. Джонс даже не заметил, как один из японцев быстро встал и метнулся к выходу, чтобы закрыть дверь, но Тахакаси сразу же остановил его жестом руки. Он медленно вышел из зала, прикрыв за собой дверь. После чего с доброжелательной улыбкой пожелал всем пилотам доброй ночи и попросил не беспокоиться, так как ничего страшного не произошло, и это был лишь небольшой выговор на собрании провинившемуся сотруднику. Затем он удалился обратно. А команда пилотов, дождавшись лифта, спустилась вниз. Так закончился первый вечер на станции «Купол Фудзи».

ГЛАВА X. ССОРА С АХИКИРО ТАНАКА.

(все реплики в данной главе происходят на японском языке)

Вечером того же дня после того как Тэхэкиро Тахакаси пожелал приятного аппетита команде пилотов за ужином, он направился на восьмой этаж в один из наблюдательных залов, где уже всё было подготовлено для проведения заседания ответственных директоров и начальников различных служб станции, а также уполномоченных лиц вести переговоры от имени правительства Японии, представителей инвесторов проекта «REI» и представителей кабинета управления программы «Polar Navigation» с японской стороны, куда входил и сам Тахакаси вместе со своим первым советником Кохэгу Такаги.

Речь должна была идти о принятых мерах и конкретных шагах по устранению возникшей угрозы проекта «REI» в связи с утерей основного подопытного образца при его испытаниях, связанных с программой «Polar Navigation», так как эти испытания не были регламентированы и согласованы с генеральным кабинетом управления и президентом программы Архипом Великим, а также с другими странами – участниками программы Полярной Навигации, по причинам особой секретности проекта «REI» и полной непредсказуемостью последствий при испытаниях подопытного об-

разца из одного проекта высокотехнологичных разработок и высокоскоростных транспортных средствах из другой программы. Это повлекло за собой целый ряд вопросов дополнительного финансирования и международного дипломатического урегулирования на правительственном уровне, что не могло не сказаться на общей экономической ситуации обеих программ. И естественно люди на самом верху остались очень недовольны и всё время требовали подробной отчётности о происходящем и конкретных сроках и способах устранения данных проблем во избежание срыва какой-либо из программ, так как одна, по сути, вовлекла в неприятности другую и подставила её. Соответственно люди собирались очень серьёзные и очень были напряжены в отношении друг друга, так как одновременно приходилось отвечать всем имеющимся потенциалом и достоинством и выполнять поставленную сверху установку на урегулирование сложившейся ситуации любым путём, чтобы спасти обе программы. Естественно при объяснении причин генеральному кабинету управления программы «Polar Navigation» в офисе «Big Father House» на Амундсен-Скотт среди американского посла, представителя из Москвы и самого Архипа Великого, участники безоговорочно приняли во внимание аргументы Тэхэкиро Тахакаси в отношении особой научной и, как естественное следствие, экономической важности проекта «REI», и приняли все необходимые шаги навстречу со своей стороны, чтобы не допустить международной паники и

скандалов, вызванных отсутствием согласований между всеми странами участниками программы Полярной Навигации. Но в то же время ситуация продолжала оставаться критической в плане безопасности, и при полном выходе ситуации из под контроля возникала реальная вероятность экстренного физического уничтожения объекта испытаний вместе с дорогим сновигатором. На это совещание в качестве основного ответственного лица и научного советника по всем подробностям испытываемого образца – биоробота Рея был естественно приглашён главный научный сотрудник и основной куратор проекта Ахикиро Танака. Это был молодой тридцатилетний очень талантливый учёный, профессор биохимических и математических наук, вундеркинд, очень амбициозный максималист, генеалогические корни которого уходили в древний самурайский род. Поэтому среди большинства высокопоставленных лиц Японии он пользовался неоспоримым авторитетом, не смотря на свой возраст. Рей был в каком-то смысле полностью его творением, так как Ахикиро начал заниматься его созданием ещё в двадцать лет и полностью посвятил себя этому проекту, который при успешном завершении принёс бы всей Японии не только колоссальные прибыли, но и первенство в создании полноценного человекоподобного биоробота, который бы смог заменить его практически во всех сферах жизнедеятельности.

– Что ж, я хочу поприветствовать сегодня всех здесь собравшихся, – начал Тэхэкиро, обводя взором каждого из си-

дящих за столом, – спасибо вам за то, что вы оторвались от своих дел и приехали сюда, чтобы помочь в решении наших общих проблем. И я по решению экстренного комитета по чрезвычайным ситуациям беру на себя ответственность председателя сегодняшнего заседания, а моим незаменимым помощником на непредвиденный случай будет являться мой первый советник хорошо известный всем вам Кохэгу Такаги.

Собравшиеся внимательно слушали Тахакаси, хотя среди членов собрания были и довольно свободно ведущие себя лица: кто-то вульгарно пережёвывал суши из тарелки, кто-то наливал себе саке. В основном это были люди из инвестиционной палаты, которых в принципе интересовало только одно из всего этого заседания – когда вернутся деньги. Многие из них были яркими представителями капиталистической элитной ячейки Японии, так или иначе связанной с якудза с очень характерными манерами ведения переговоров, которым было не до каких-то формальностей и устоев. Им приходилось отстёгивать огромные суммы с закрытыми глазами и огромным риском навсегда потерять эти деньги и никакими частями тела они бы эти затраты не компенсировали перед своими высокими начальниками.

– Завтра утром, – продолжал свою речь Тахакаси, – наш лучший пилот Каташи Миядзаки по прозвищу «Намахагэ» выдвинется с группой российских пилотов – профессионалов с хорошим опытом в погоню за Реем.

– Простите, генеральный представитель! – сказал один из

сидящих людей, – но хотелось бы знать наверняка, чего они добьются? Что нам ожидать от их похода? Вы же понимаете, что нам придётся объяснять это всё нашим хозяевам!

– Да, я понимаю ваши беспокойства, господа, – отвечал Тахакаси, – но это первый наш шаг и мы не знаем, как обернётся эта погоня для всех её участников. Однако, мы всерьёз рассчитываем на конкретные результаты в отношении выработки тактики захвата Рея на завтрашний вечер по результатам проведённых манёвров.

– Вы должны понимать, – отвечал другой японец, – что каждый день использования русских пилотов нам обходится очень и очень дорого и необходимо как можно сильнее сжать эти сроки, чтобы не вылететь из страхового резервного фонда по чрезвычайным случаям. К тому же англичане берут огромные взятки за то чтобы сохранять молчание и толерантность по всем остальным странам-участникам в антарктическом архипелаге. За то, чтобы не поднимать шум на мировом уровне из-за нашей, по их мнению, наглости в сокрытии проводимых экспериментов, они потребовали безоговорочного участия в проекте, и нам ничего не оставалось делать, как только откупиться от них.

– Президент Японии как на иголках, – вступил третий парламентёр, – кабинет министров собирает экстренное совещание. Всё это мешает нормальной работе правительства. Никто не хочет финансировать убытки из государственных фондов. Кто-то из вас должен ответить за это. В случае про-

вала мы будем настаивать на уничтожении образца и продаже всего проекта американцам. Вы потратили итак слишком много денег. Япония не готова оплачивать международные штрафы за возможные причинённые убытки другим странам. Вам предоставляется три дня для дачи какого-нибудь положительного ответа по урегулированию ситуации. В противном случае у нас есть все полномочия уничтожить вашего Рея в любой момент.

– Стойте – стойте! – закричал Ахикиро Танака, – вы не понимаете, что вы делаете!

– Успокойся, Танака! – строго сказал Тахакаси.

– Не перебивай меня! – ответил Танака, – вы сами во всём виноваты! Вы хотите уничтожить десять лет работы научной лаборатории! Вы хотите уничтожить будущее! Даже если я уйду работать к американцам, мне всё равно не удастся восстановить этот организм в короткие сроки! Поймите, он очень долго синтезируется! К тому же я неоднократно писал о дополнительном финансировании программы челноков, но вы игнорировали меня! А теперь вы хотите, чтобы я доверился неизвестно кому?! Каким-то русским пилотам, которые один раз прокатились по Антарктиде?! Вместо того, чтобы сделать ещё несколько сновигаторов и обучить своих пилотов!

– Ты слишком задаёшься, Танака! – опять вмешался Тахакаси, – тебе стоит уговорить свой пыл! Они наши гости и пришли к нам на помощь, а ты оскорбляешь их! Успокойся

и сядь, а не то я выгоню тебя!

– Ты думаешь, что если старше меня в два раза, то можешь приказывать мне?! – продолжил Танака, – я вовсе не твоя игрушка, которой можно помыкать!

– Ты наглец! – закричал Тахакаси, – ты не уважаешь не только этих достопочтенных людей, но и позоришь свой род! Уходи прочь, я сказал! Здесь я председатель и мне подчиняется заседание!

– Ну и пожалуйста! Вам больше нравится унижаться перед русскими, чем добиваться самим! Вы сами – позор для Японии! – закричал Танака и, вскочив с места, быстро направился к выходу и вышел за дверь.

ГЛАВА XI. ПЕРВЫЙ ПОХОД.

В пять часов утра пилотов начал будить таймер, встроенный в интеллектуальную систему управления комфортом внутри комнат. Джонс с Фрэйей собрались раньше всех и стали ждать остальных в коридоре.

К шести часам после утреннего кофе и лёгкого завтрака вся команда собралась внизу на первом этаже в главном холле, где их встречали по прибытию на станцию. Сквозь несколько входных уровней больших стеклянных дверей было видно, как техники подготавливают припаркованные в ряд сновигаторы на стартовом полигоне, снимая с каждого специальное прозрачное укрытие из плотного материала и

подкатывая трапы.

– Последние нагрузочные прогревы были сделаны час назад, – сказал подошедший к команде Каташи Миядзаки, – Тахакаси и Такаги велели пожелать вам счастливого пути и удачи. Штурманбот выдаст координаты и определит направление. Наш антарктический беглец находится в двух часах пути отсюда. Сегодня у вас будет возможность почувствовать его резвость и нрав. Характер у него особенный я вам скажу.

И Миядзаки злостно улыбнулся.

– Идти сегодня будем вместе. Я буду постоянно держаться крайней правой стороны, мне так удобнее заходить на атакующий вираж, хотя уверен, что до этого не дойдёт.

– Почему? – коротко спросил Джонс.

Миядзаки ещё раз улыбнулся.

– Этого шустрика здесь пока приходилось штурмовать только мне, – продолжил Миядзаки, – нас вообще двое здесь всего: я и Кен Хаттори по прозвищу «Фризер» («Freezer»), это покемон такой был в виде ледяной птицы Феникс, если помните. Кен ушёл в отпуск и сломал ногу на горном велосипеде, да и толку от него тут мало было бы, – вам же объяснили позицию? Нужно умудриться окружить Рея минимум с четырёх сторон и держать так, ну я думаю минуты две хотя бы. Это будет очень нелегко сделать, поэтому вот что: держитесь одной группой, не расходитесь далеко друг от друга. В течение первого часа я буду уходить вперёд, а вы догоняй-

те меня и пусть кто-то из вас попробует меня обогнать. Чей сновигатор самый быстрый?

Джонс подумал немного и сказал:

– Ну, наверно мой и Кэтрин. Но там вообще-то у нас ещё «Progressor» у Хэлбокса не слабый, да и манера езды соответствующая. Тяжело в общем однозначно ответить, но могу сказать, что самый медленный был у Акселя в прошлый раз.

– Ладно, – ответил Миядзаки, – главное с самыми быстрыми определились. Значит, как я уже сказал, в течение первого часа вы втроём по очереди начинаете заходить вперёд и подрезаете меня. Я заодно сравню, что у нас по скорости выйдет. Можете вдвоём пробовать и периодически мешайте мне, – местами меняйтесь у меня перед носом влево-вправо, влево-вправо, а я уже сориентируюсь по обстоятельствам, похоже это будет на захват или нет.

– А что у него за машина? – спросил Джонс

– Да то же самое, что и у меня, – ответил Миядзаки, – да это вообще и не его машина, а Кена. Такой же «Хиран» («HIRAN»), как у меня, только раскраска другая. Плохо конечно, что со временем мало, – вам бы всем покататься на нём основательно, чтобы понять, какие плюсы, какие минусы, тогда удобней было бы и уверенности больше в действиях.

– А минусы какие на ваш взгляд? – спросил Джонс.

– На мой взгляд никаких, в этом-то вся и проблема, – ответил Миядзаки и снова спокойно так и тихо соорстил сар-

кастичную гримасу.

Джонс тоже чуть было не рассмеялся, но вовремя спохватился, ведь речь шла о серьёзном риске.

– Так, ладно я понял задачу, – ответил Джонс, – сейчас объясню всё ребятам подробно, и выдвигаемся.

– Хорошо, давайте! – ответил Миядзаки, – не забывайте главное – я всё время иду справа с самого края, за меня не заходите. Там потом посмотрим, кто из вас самый манёвренный окажется, ему придётся занять крайнюю левую сторону.

– О'кей! – коротко произнёс Джонс.

Через несколько минут команда уже начала грузиться в машины, разогревать двигатели и выходить на старт. Погода была хорошая, за исключением очень низкой температуры за бортом. Наблюдалась небольшое ухудшение видимости в пределах нескольких миль в виде белой полупрозрачной мглы в окружающем пространстве. Диспетчер «Купол Фудзи» проверил радиосвязь с каждым пилотом в отдельности. Группа начинала выдвигаться. Пилоты один за другим в свободном порядке покидали стартовый полигон.

Как только чёрная пирамида «Купола Фудзи» стала совсем маленькой и незаметной где-то позади, а впереди простёрлась только одна огромная белая долина, в эфире прозвучал голос Миядзаки:

– Приготовьтесь, я начинаю уходить вперёд!

– Хорошо, – спокойно ответил Джонс, двигаясь на скорости сто двадцать узлов.

Было видно, как вдалеке справа маленький силуэт серебристо-чёрного Хирана довольно резво и легко начал ускоряться и быстро уходить вперёд на форсаже.

– Ну что, приступим? – сказал Джонс через несколько минут, после начала тренировочных манёвров.

– Я готов! – ответил Хэлбокс.

– Я тоже готова! – ответила Кэтрин.

– Тогда делаем так! – скомандовал Джонс, – я пойду на обгон первым, вы догоняете нас по бокам, выстраивая треугольник. Фрэя, ты замыкаешь нашу фигуру сзади, образуя ромб, а Аксель и Вэндэр строго держат твой тыл по бокам, образуя основание ромба. Такую фигуру нужно выстроить и сохранять всё время при возможных манёврах идущих впереди, а мы точно будем часто маневрировать.

– Хорошо!

– Я понял! – слышались отзывы в эфире.

Джонс начал отрываться от основной группы и уходить вперёд. За ним, как и положено выстроились Кэтрин и Хэлбокс. На мониторе штурман – локации было видно как движущаяся красная точка «Хирана» начала уходить в сторону при приближении синей точки «Быстрого Вектора» Джонса. Остальные разноцветные точки также начали корректироваться относительно верхних двух, сохраняя строй.

– Включите режим стабилизации дистанционных интервалов! – скомандовал Джонс, – так будет удобнее следить за сохранением расстояния между сновигаторами при манёв-

рах.

– Уже! – ответила Фрэя.

Кэтрин нажала на кнопку режима «СДИ», на экране штурман – локации между точками сразу появились тонкие чёрные стрелки векторов с изменяющимися показателями расстояний. Нажав ещё несколько раз, она добилась оптимальной информативности графического отражения взаимного расположения движущихся относительно друг друга сновигаторов, убрав таким образом лишние линии. Получилась искомая фигура ромба с основанием в виде прямой, на которую было очень удобно визуально опираться, чтобы сохранять свою позицию в общем построении.

Джонс поравнялся с Миядзаки на расстоянии полу мили боковой дистанции и, продолжая выжигать форсаж, начал медленно заходить на угол атаки в сторону его сновигатора, тем самым собираясь подрезать его. Через двадцать секунд манёвра «Хиран» на удивление Джонсу, вопреки естественной логике ухода от подрезания в том направлении, резко снизил скорость и выполнил манёвр навстречу ему, тем самым как бы проскочив под ним и выйдя с другой стороны. Мгновенно исправить ситуацию Джонсу естественно помешала инерция форсажа и он улетел далеко в сторону от линии курса «Хирана». Выровняв машину, он вновь прибегнул к подобной атаке с другой стороны, но и в этот раз ему не удалось поймать и взять под курсовой контроль пространство впереди Хирана, который сразу же уходил в сторону.

– Так, ладно! – послышался вердикт Миядзаки, – меняйтесь местами со следующим. Здесь мне всё понятно.

– Хорошо! – ответил Джонс, – Кэтрин, принимай эстафету!

Они быстро перестроились и Кэтрин начала уходить вперёд, используя форсаж. Она не стала выполнять боковые атаки, а решила просто зайти немного дальше относительно Хирана по прямой, чтобы после этого выполнить выравнивание по его курсу на большой дистанции отрыва, что было бы удобней при его постоянных уходах в сторону. Миядзаки, осознав ситуацию характерного обгона с максимальным уходом вперёд по левой стороне, просто изменил курс в правую сторону и тоже добавил форсажа, увеличив скорость до ста восьмидесяти узлов. Таким образом, Кэтрин всё время оставалась слева, так как преодолеть постоянно увеличивающееся расстояние, чтобы выполнить основательный обгон не получалось даже на форсаже. Через две минуты всем стало ясно, что ни к чему кроме серьёзного удаления от первоначального курса следования до основной цели это не приведёт, и Миядзаки предложил снова поменять атакующего в гонке.

На этот раз блистать профессионализмом наступила очередь Хэлбокса.

– Ну что, Хэл, твой выход! – скомандовал Джонс, – может ты нас чем-нибудь удивишь.

– Давай, посмотрим! – ответил он и прибавил скорости.

Хэлбокс, проанализировав все предыдущие действия, решил поступить по-своему и, также используя форсаж, начал сразу сближаться с «Хираном», чтобы обогнать его в ближнем контакте с ним, тем самым не давая ему свободы для манёвров. Для этого он увязался за ним с очень маленьким отрывом, и гонка приняла совсем другой оборот. Она превратилась в личную дуэль, что тоже не принесло желаемого результата, так как «Хиран» по своим маневровым и скоростным показателям не уступал сновигатору «Progressor» Хэлбокса.

– Ладно, – внезапно сказал Миядзаки, – давайте продолжим нашу основную миссию, так как сейчас мы просто теряем время. До цели осталось меньше часа, надо отдохнуть и поберечь силы, они нам ещё пригодятся.

– Но мы же ничего не добились, – сказал Джонс, – неужели всё так плохо?

– Да нет, я думаю всё в порядке, – ответил Миядзаки.

– То есть? – переспросил Джонс.

– Ну, мы бы ничего и не добились сразу. Я рассчитывал на это как на случай невероятной и практически невозможной удачи. Посудите сами, мы же не каждый день пытаемся кого-то поймать маневровыми захватами на высокой скорости. Мне достаточно было увидеть технико-скоростные возможности ваших основных сновигаторов и уровень выполнения манёвров пилотами. Так что всё в порядке, будем работать дальше. А вы думали, что мы вот так вот сразу всё сдела-

ем? Я сам ещё не очень ясно представляю себе эту картину. Проблема в командной отработке чётко сложенных манёвров с конкретной тактикой в виде постоянной смены основного атакующего или атакующих. Вы когда планировали этим заниматься, если у нас времени нет ни у кого? Поэтому, видимо, нам предстоит всё это отработать, как говориться уже непосредственно в бою. Самое главное самим не пострадать. Вот, например, если вы будете менять атакующего по кругу, совершая круговое движение вокруг цели, а я со стороны буду выбирать наилучший момент для захвата передней основной зоны перед ней. Таким образом, всё его основное внимание будет направлено на вас, чем я и воспользуюсь. Также мы можем попытаться запустить кого-нибудь из пилотов заднего фланга на максимальный обгон всей нашей основной заварухи по свободной левой стороне. Тем самым, если у него получится, конечно, мы подстрахуем передний фланг на случай выхода цели в образовавшееся свободное окно на форсаже. В общем, пробовать надо и экспериментировать. У нас ещё регламент по нахождению вблизи других станций, не забывайте. То есть так или иначе, в момент, когда у нас может вот-вот что-то получиться, нам придётся резко отступить и прекратить погоню. Рей прекращает движение достигая интервала разрыва в две – три мили, после прекращения преследования.

Команда продолжала двигаться вперёд по намеченному маршруту, пока на мониторе не появился искомый сектор с

точкой сновигатора Рея в самом верху. Штурманбот просигнализировал о приближении к зоне расположения цели.

– Может попытаемся его окружить? – спросил Джонс.

– Поздно, он уже знает, что мы здесь, – ответил Миядзаки, – вы же видите его на мониторе, значит и он вас тоже. Да сейчас бесполезно о чём-либо говорить, рано ещё тактику вырабатывать. Надо погонять его немного, как он там себя поведёт сейчас. Я то его двое суток уже не видел, мы здесь и расстались, кстати.

– Так он что всё время так и стоял? – спросила Фрэй.

– Дак вот, не знаю, что там у него заклинило в голове, – ответил Миядзаки, – сейчас, вон смотри, побежит от нас.

И действительно, буквально через минуту, когда расстояние между группой и целью стало меньше трёх миль, точка на мониторе начала двигаться в противоположную от погони сторону и чуть правее.

– Ну что, господа, прибавьте скорости, – решительно произнёс Миядзаки, – попробуем его нагнать.

Все как один включили форсаж и начали одновременно ускоряться.

На мониторах штурман-локации было видно постепенное сближение между сновигаторами команды преследования и сновигатором Рея. Через пять минут на горизонте сквозь поднимаемый столп снега, закрученного в турбулентном потоке рабочей воздушной массы от ионных двигателей стало видно отчётливое очертание второго сновигатора «Хиран»,

уносящегося на высокой скорости вдаль.

– Плохие новости, – внезапно сказал Миядзаки, – он движется на северо-запад к горам Пенсакола, я боялся этого.

– А в чём дело? – спросил Джонс.

– В горах мы его точно не сможем поймать, – ответил Миядзаки, – ширина горного хребта не большая. Загоняя его туда на скорости, мы рискуем дважды. Во-первых, повышается вероятность его катастрофы на высокой скорости в неизвестном горном массиве, так как карта у него отсутствует, а локация там не работает, как и на ваших машинах, мы пока тоже ещё чудес не сделали в этом плане.

– А во-вторых? – поинтересовался Джонс.

– А во-вторых, за этим коротким горным хребтом начинается Земля Котса, а это, как вы знаете, территория станции «Халли», принадлежащая британцам, которые больше всех заинтересованы в том, чтобы максимально выжать из нас все соки, обвинив во всех невзгодах. Короче у меня твёрдый приказ от высокого начальства за горы его не выпускать, то есть вообще-то даже к горам не подпускать в идеале.

– Хорошо я понял, – ответил Джонс, – но до гор осталось всего два часа пути, как мы поступим?

– Остановимся в десяти милях от зоны гор, а там посмотрим, – ответил Миядзаки, – а пока предпримем все попытки обгона, давайте выстроим основную фигуру за ним и будем по очереди прорываться вперёд.

Аксель и Вэндэр заняли задний фланг, Фрэя встала по-

середине между ними с небольшим уходом вперёд. Кэтрин и Хэлбокс заняли левую и правую стороны соответственно, Миядзаки шёл неподалёку справа, пытаясь тоже понемногу уходить на обгон, а Джонс выдавил весь возможный форсаж и, максимально ускоряясь, начал нагонять беглеца.

«Fast Vector» шёл стремительно и быстро, уже поравнявшись с «Хираном» Рея, начал было понемногу обгонять его и выходить вперёд, но в этот момент «Хиран» также резко ускорился, включив форсаж, тем самым оторвавшись от преследователя. Скорость нарастала неимоверно и начала зашкаливать за двести узлов. Ситуацию спасала только идеальная гладь снежной поверхности Западной Равнины и светлая солнечная погода с низкой скоростью встречного и бокового ветра.

– Я не могу его догнать, все системы на максимуме! – прокричал Джонс, – это не сновигатор, это просто бес какой-то.

– Ну а что ты хотел, я же предупреждал об этом, – ответил Миядзаки.

– Кэтрин, попробуй ты надавить, пока поверхность и условия позволяют! – скомандовал Джонс.

– Хорошо, давай! – ответила она и моментально ускорилась.

Послышался характерный громкий хлопок включения форсажа от её ионных двигателей с большими диаметрами сопел. К лидирующей группе из двух пилотов Джонса и Рея постепенно подполз «Принц Фазтона» Кэтрин, но дальше

этого дело не пошло, — как только кто-нибудь пытался выскочить вперёд Рея, он сразу же прибегал к резкому ускорению на форсаже, оставляя всех позади. К тому же с каждой попыткой ускорения на обгоне основная группа заметно отставала, теряя структуру тактической фигуры захвата.

— Послушай, Джонс, — сказал Вэндэр, — сейчас будет проще всем уйти в режим ускорения на форсаже, так как мы серьёзно отстаём от вас, и это ничего не даёт.

— Да знаю я! — с досадой ответил Джонс, — ничего в голову не приходит, что с ним делать, хоть сбивай боковым ударами корпуса.

— Ни в коем случае! — прокричал Миядзаки, — это запрещено, мы можем повредить единственный подопытный образец.

— Да пошутил я, знаю всё, — ответил Джонс, — и читали, и расписывались...

— А что бы на него сеть не скинуть? — спросил вдруг Аксель.

— С вертолёта что ли? — переспросил Миядзаки.

— Ну да.

— Пробовали, — не получилось, не хватает ни скорости, ни манёвренности вертолёта, к тому же это тоже опасно. Он может уйти в затяжной прямолинейный или боковой переворот, а это — мясорубка внутри кабины, как если бы вещи при стирке рвало внутри центрифуги на отжиме.

— Ну да, у нас тут был случай, — вмешался Хэлбокс, — от-

делались растяжением отдела шейных позвонков и сотрясением пятой степени. Там правда дядя такой у нас был после спецроты десантных штурмовиков, может поэтому голова не отвалилась.

В эфире слышались смешки.

– Так! Прекратили цирк! – жёстко скомандовал Джонс, – не поймаем мы его так нифига, вот и всё! У меня уже меньше половины форсажа осталось, надо что-то другое думать.

– Да и время, кстати, почти десять часов, – добавил Миядзаки, – нам обратно с таких координат возвращаться в спокойной обстановке часа четыре не меньше. Короче не времени ни топлива.

– А он что? – спросил Вэндэр про Рея, – вообще бессмертный что ли?

– А он шас в горах на максимальную точку поднимется и с учётом скорости ветряного потока в коридоре склонов за ночь вернёт обратно тридцать процентов заряда и турбо-ионной смеси, вместе с форсажной смесью, кстати, – ответил Миядзаки.

– Весёлые у вас в Японии сновигаторы сделали, – сказал Аксель.

– Ну а как вы хотели? У нас постоянно не останавливающийся прогресс, всё время вперёд и вперёд, – сказал Миядзаки, – ладно, до зоны гор Пенсакола осталось всего двадцать миль, разворачиваемся ребята, сегодня нам больше ничего не светит. Раньше вернёмся – раньше выйдем завтра с утра.

Нам предстоит долгий поход, чтобы перевалить через эту область гор, обогнув её северо-восточной стороны и уже пройдя сквозь хребты погоним его обратно, подальше от территории «Халли», а то у меня начальство не обрадуется

такой перспективе – гонять Рея вблизи края материка около океана, да ещё и у англичан под носом.

– Хорошо, поступим, как ты сказал, – ответил Джонс.

Группа начала разворачиваться и ложиться на обратный курс до «Купола Фудзи».

– Надеюсь, завтра он не залезет далеко в горы, – сказал Миядзаки.

Сновигаторы удалялись от места схватки к солнечному горизонту белоснежной пустыни, оставляя за собой ровные длинные следы на снежной поверхности равнины. Так закончилась первая погоня команды пилотов программы «Polar Navigation» за человекообразным биороботом Рей, сбежавшим на модернизированном японском сновигаторе со станции «Купол Фудзи» в свободные просторы Антарктиды, и продолжающим скитаться по ней по неизвестным для всех причинам.

ГЛАВА XII. ВЕЧЕР ТОГО ЖЕ ДНЯ.

– Что ж... – сказал Каташи Миядзаки собравшимся в наблюдационном зале пилотам на вечернем совещании перед ужином, – Рей, как я и говорил, засел в горах Пенсакола. Ка-

кие будут мысли по этому поводу?

– Ну, бессмысленность обычной погони мы уже сегодня наблюдали, – ответила Фрэя, – если мы завтра зайдём со стороны Земли Котса и начнём точно также гнать Рея от гор Пенсакола по Западной Равнине, то результат, скорее всего, будет таким же.

– Согласен полностью, – ответил Миядзаки, – поэтому я и собрал вас здесь сегодня. У меня есть тактическое решение, которое мы должны будем обсудить и в случае положительного согласования со всех сторон выполнить завтра с полной ответственностью.

Посередине зала на мощном штативе стояла специально приготовленная объёмная жидкокристаллическая панель, на которой отображалась графика с планшетного устройства Миядзаки. Сидя в удобном мягком кресле, нога на ногу, он чертил схему, на отображающейся карте и параллельно рассказывал о сути своего плана. Все остальные сидели в креслах вдоль стены напротив внешних витражей и наблюдали за ходом его объяснений.

– Итак, – продолжил он, выводя плавные дуговые стрелочки от станции «Купол Фудзи» до Земли Котса и подписывая их сверху буквой «А», – мы должны разделиться на две группы «А» и «Б». Завтра утром группа «А» направится по Земле Королевы Мод к Земле Котса и, преодолев зону горного хребта Пенсакола, начнёт неторопливо гнать цель по Западной Равнине в восточном направлении. Вторая группа

«Б» выдвинется в центр Западной Равнины и, заняв позиции в восточном направлении, будет поджидать группу «А» и цель, движущиеся к ним со спины. В тот момент, когда группа «А» начнёт приближаться, группа «Б» начнёт движение вперёд, понемногу набирая скорость и сокращая разрыв между ними. Таким образом, цель попадёт как бы в ловушку, которую спереди замкнёт группа «Б». Остаётся решить вопрос с разделением, так как нас нечётное количество с разными технико-скоростными возможностями сновигаторов, да и Рей, я уверен, при приближении к группе «Б» сразу поймёт суть задумки и попытается вырваться из ловушки.

– Ну, я всё-таки думаю, – сказал Джонс, – что к группе «Б» необходимо отнести самые быстрые машины, то есть меня, Кэтрин и Хэлбокса. А Фрэя, Аксель и Вэндэр тогда поедут в группе «А». Остаётся вопрос, в какой группе поедешь ты?

– Отлично, – сказал Миядзаки, – себе я как всегда отвёл роль некоторого аутсайдера. Я буду находиться вот здесь внизу.

И он обвёл кружком сектор посередине между Полярным Плато и Западной Равниной выше станции «Амундсен-Скотт» на пятьсот миль.

– Я буду находиться здесь для подстраховки, потому что практически уверен, что Рей предпримет попытку вырваться из ловушки, сманивировав к центру Южного Полюса, и пойдёт в сектор станции «Амундсен-Скотт», что также нежелательно. Конечно, он может уйти и в противоположном на-

правления в сторону Земли Королевы Мод и в этом случае у меня будет очень неудачная позиция в гонке, так как я при всех своих возможностях не смогу догнать даже вашу основную группу преследования. Но у меня твёрдые указания от своих начальников не пропускать Рея к зоне американской станции во избежание возможных столкновений и катастроф, так как в этой области центра Южного Полюса часто встречаются базисы спутниковых системных коммуникаций научно-исследовательских международных программ и случайные столкновения с ними особенно критичны для нашей миссии.

Миядзаки закончил свою речь и, сделав небольшую паузу, вновь обратился к окружающим с серьёзным спокойствием в голосе:

– Есть ли у кого-нибудь вопросы в виду представленной схемы действий?

Пилоты немного задумались, всматриваясь в панель. Потом они переглянулись, и первым ответил Хэлбокс:

– Да вроде нет никаких вопросов. А ты что думаешь, Джонс?

Джонс сидел и прикидывал всевозможные варианты исхода событий, но ничего особого в голову не приходило:

– Что ж, – ответил он, – остаётся только пробовать. Я не могу сказать, как поведёт себя Рей в данной ситуации. Почему он вообще должен стремиться уходить из захвата, если мы ещё не активировали излучатели?

– На этот вопрос я не могу дать однозначный ответ, – сказал Миядзаки, – скорее всего это просто его предчувствие опасности, ведь ранее на станции, точнее в лаборатории такие методы круговой нейтрализации с четырёх сторон проводились над ним неоднократно, как естественные испытания для определения методов контроля. И теперь вероятно он сразу же ассоциирует окружение как возможную угрозу повторения этих ощущений на основе своих воспоминаний.

– Откуда ты знаешь так много подробностей про него? – спросила Кэтрин.

– Он находится здесь уже пол года, – ответил Миядзаки, – за это время я успел и ознакомиться с материалами, касаемо его создания и навидаться остального вживую. Он ведь, по сути, является моим напарником в отсутствии Кена Хаттори. Мы осуществляли с ним постоянные совместные тренировочные заезды. Вернее сказать он не имел возможности проводить их без меня, его никогда не выпускали в одиночку.

– Так может, это и стало причиной его побега? – спросил Вэндэр.

– Да нет, мы уже думали об этом, – продолжил Миядзаки, – его поведение – это результат серьёзного сбоя. Если бы он просто обиделся или что-то решил, то не стал бы молчать в эфир. А так здесь налицо его ненормальное восприятие окружающего мира. К тому же никаких психологических тенденций и предпосылок для его поступка не было, да и сделал он это под вечер, хотя спокойно мог уехать

и днём. Есть и ещё некоторые формальности этого происшествия. Его сон проходит в метакамере, подключённой к общей сети станции. Через эту камеру происходит анализ состояния психической стабильности систем его головного мозга, а также возможная корректировка его состояния. Например, если наблюдается его чрезмерная раздражительность, то для предотвращения каких-либо последствий через эту метакамеру ему снимают психический криз. Это как дать успокоительное человеку в состоянии паники. Но есть также и вероятность серьёзного вмешательства в работу его головного мозга через сеть и наши операторы рассматривают вероятность хакерской атаки, как вам уже говорил Тэхэкиро Тахакаси. Данная разработка проводится в условиях особой секретности не просто так, а потому что для неё нужны общемировые согласования. При этом каждая из стран будет преследовать при выдаче положительного ответа свои экономические интересы, а мы не хотим принимать в этот проект никого постороннего и соответственно ни с кем делиться, что естественно для основного разработчика и владельца технологий. В мире существуют несколько тайных организаций, некоторые из них связаны с религиозными сектантскими конфессиями и на почве своих убеждений они ведут с нами ожесточённую борьбу, нанимая хакеров, атакуя наши сети, подсылая шпионов и так далее. Наши профессионалы не обнаружили в сети следов хакеров, но обнаружили характерные следы системных сбоев. Которые указывают на то, что

хакерская атака вполне могла быть завуалирована какой-то серьёзной системной ошибкой в виде сбоя подачи напряжения с вынужденной перезагрузкой некоторых подсистем. Дочапаться до истины мы не можем, да нам это и не надо, так как если и имел место вирусный код, то эти религиозные фанатики никогда не дадут нам обратного кода. К тому же нам его и ввести нечем, для этого необходимо поместить Рея в метакамеру, а для этого его нужно поймать. А если мы это сделаем, то мы просто перепрошьём его до последней кондиционной конфигурации и проблема будет полностью исчерпана.

– А почему для такой разработки требуется согласие международного комитета? – спросил Аксель.

– Ну, это просто довольно – таки, – отвечал Миядзаки, – Рей – существо экспериментальное с высоким интеллектом, наделённое целым комплексом возможностей, сравнимых с навыками агентов спецслужб. К тому же он может долгое время обходиться без еды, питья и не особо привередлив к воздуху, как мы. А также никто не знает его порога самостоятельности в принятии решений, поэтому он в некотором смысле может представлять угрозу для общества и человека. К тому же, синтетический белок, из которого он выращен, не до конца изучен в отношении воздействия вирусов и мутаций, и наш Рей при определённых условиях может стать инкубатором для новых опасных для человека вирусов. Но это в теории, на самом деле никаких прецедентов не было и всё

гораздо проще, просто на высоком уровне ситуацию всегда пытаются склонить в свою сторону и рассматривают с самой угрожающей стороны.

– А зачем вы его создали? Для каких целей? – внезапно поинтересовалась Фрэя.

– Ну, был бы робот, а цели найдутся, – ответил Миядзаки и хитро улыбнулся, – на самом деле сегодня про это никто не говорит, хотя и так понятно, что мы стремимся найти себе замену в различных областях, чтобы не работать самим, это проще всего и это было естественно для человека во все времена. Раньше использовали рабов, потом применяли экономическо – правовые государственные системы, где так или иначе одни люди работали на других, а теперь мы будем эксплуатировать этих роботов.

– А он, этот Рей, – продолжила Фрэя, – знает об этом, ну или может быть догадывается?

– А-а, я понял! – весело отвечал Миядзаки, – вы опять хотите склонить всё к бегству от принуждения. Уверяю вас, Рей – достаточно покорное существо и очень высокоразвитое. Его интеллекту не свойственны низкие пороки, такие как лень и безделье. Он альтруист и довольно самоотверженная личность. Его стереотип изначально программировался с личности врача для того, чтобы полностью исключить причинение вреда человеку. И он при любых обстоятельствах всегда будет идти навстречу высокой цели безоговорочного выполнения поставленных перед ним задач.

– Очень интересно! – сказала Кэтрин, – не терпится поскорее с ним пообщаться. Надо его обязательно поймать невредимым! А долго его перепрограммировать?

– Не думаю, что у вас будет возможность увидеть его после поимки, – ответил Миядзаки, – не обижайтесь, но у нас сейчас такая ситуация везде... Все как на иголках, все всеми недовольны, профессор поссорился с общественностью, постоянно звонят из Токио, из правительства. Я думаю, если нам удастся благополучно завершить миссию и поймать Рэя, то вам я вообще не рекомендую здесь оставаться, только не обижайтесь и не подумайте, что вас не уважают. Просто сюда в одночасье съедется такая куча народа и высокопоставленных лиц, что здесь реально всем будет не до вас и уж тем более, вряд ли останется место и время для общения. Но это только сейчас, позже это можно спокойно устроить без всяких проблем. Я даже больше вам скажу, – для вас всех не надо будет никаких дополнительных разрешений, достаточно только предварительного звонка кому-нибудь из тех, кого вы уже знаете, включая меня. Или просто позвоните сюда на станцию и позовите, например Ёширо Ивасаки, его однозначно пригласят сразу, и вы можете не беспокоиться, я абсолютно уверен в том, что вам предложат самые лучшие номера из свободных в любое время бесплатно и естественно организуют встречу с Рэем. Я скажу вам даже больше, – не удивляйтесь, если в скором времени мы все вместе с Рэем будем соревноваться на просторах Антарктиды на каком-ни-

будь чемпионате.

– А долго он пробудет ещё здесь? – спросила Фрэй.

– А я смотрю, он их заинтересовал не на шутку! – саркастично подколот Фрэю и Кэтрин Хэлбокс с довольной улыбкой.

Вэндэр засмеялся от шутки, а Аксель и Джонс сделали вид, как будто в этом нет ничего смешного.

– Испытания были запланированы на год, пол года уже прошли. Его, конечно, могут вообще увезти, но это только в том случае, если всё будет совсем плохо, – ответил Миядзаки.

– А что может случиться? – забеспокоилась Кэтрин и посмотрела на Хэлбокса немного ненормальным внимающим взглядом удивления.

– Я же говорю! – сразу же начал Хэлбокс, – это любовь на расстоянии! Аксель, смотри у тебя подругу уводят прямо из под носа, дистанционно. Видимо технологии всё-таки берут верх над проверенными чувствами!

И они с Вэндэром начали откровенно надрывать от смеха.

– Дураки! – небрежно огрызнулась Фрэй.

– Так что с ним может ещё произойти? – переспросил уже более серьёзно Джонс.

– Так называемый «критический обрыв», – ответил Миядзаки, – это термин из лабораторных научных исследований. Он означает неудачный конец всего эксперимента, ко-

гда в силу определённых естественно протекающих причин подопытный образец признаётся не имеющим возможности к существованию вообще. Его списывают как вышедший из строя, эксперимент закрывают или продолжают при условии нового финансирования, но это вряд ли, по крайней мере, в Японии.

– Грустно как-то, – печально ответила Фрэя, – то есть мы его можем никогда и не увидеть больше? Хоть бы посмотреть так одним глазком, какой он был.

– Ты над могилкой ещё поплачь там! – заливался от хохота вредный Хэлбокс.

– Да пошёл ты, дурак! – обидчиво буркнула Фрэя, – я просто никогда не видела живого робота.

– Да нормально там всё! – уже более обнадеживающе и уверенно сказал Миядзаки, – вирус это! Долбанные сектантские фанатики протестуют против создания искусственного человека. В прошлом году они нам сюда шпиона заслали под видом нового техника, как раз в самом начале эксперимента. Его в лаборатории поймали ночью, когда он информацию копировал с жёстких дисков. А за всем как всегда стоит правительство конкурирующих стран. Англичане, например... Постоянно они не причём, а всё из-за них на самом деле, у них больше всего придинок, везде они нос свой суют. Ладно, не буду вас больше задерживать. Встретимся завтра утром в столовой, а сейчас подошло время ужина. Приятного аппетита и доброй ночи, господа пилоты!

И Миядзаки, откланявшись, удалился за высокую дверь наблюдательного зала, на которой очень интересной технологией, похожей на мозаику, чёрными и белыми глянцевыми пластинами, напоминающими клавиши на фортепиано была выложена гравюра в японском стиле «Укиё-э», изображающая целящегося лучника из серии гравюр «47 верных самураев» художника XIX века Утагава Куниёси.

ГЛАВА XIII. ВТОРАЯ ПОПЫТКА.

Утро началось так же, как и предыдущее, за исключением того, что перед выходом со станции на стартовый полигон Миядзаки ещё раз более подробно провёл инструктаж с группой «А», которую условно возглавила Фрэн.

– Вы выезжаете первыми и ложитесь на курс до Земли Котса, – говорил он, стоя перед ними в главном холле, – этот маршрут уже заложен в ваших бортовых штурманских картах и сориентирован на координаты цели. Далее вам придётся преодолеть пролегающую область горных хребтов в ширину, которая будет варьироваться от тридцати до сорока пяти миль в зависимости от выбранного маршрута. Заходить в горы нужно будет в трёх точках с равноудалённой друг от друга дистанцией в десять миль, причём на середине прохода в горах вам нужно будет синхронизироваться по конечному расстоянию до цели, пока она не обнаружила вас и не начала движение. Таким образом, вы создадите «оттесняю-

щий барьер», которым будите гнать цель с гор на Западную Равнину в юго-восточном направлении. Для этого вы должны постоянно следить за своими координатами на мониторах штурман-локации, эти показания в гористой области отображаются стабильно, как и карта местности. Главное в этой задаче, не дать цели уйти от погони в горы, но это навряд ли. Двигайтесь осторожно, скорость большая не нужна, аккуратно выбирайте маршрут в коридорах между склонами. К тому времени, как вы выйдете из зоны хребтов, мы будем уже подготовленные ждать вас на позициях, координаты которых также отмечены на ваших бортовых картах. Как только покинете горы вы, Вэндэр, и вы, Хэлбокс, сразу начинаете сближаться с Фрэйей, постепенно уменьшая боковые дистанции с десяти до двух миль, так как вне зоны гор такой большой интервал не нужен, а для использования излучателей наоборот необходимо максимально мобилизоваться и скомпоноваться. Двигайтесь с одинаковой скоростью, чтобы не спровоцировать внезапный уход цели в сторону от запланированного маршрута. При приближении к намеченным координатам скорость не снижайте, так как это создаст нежелательное дополнительное пространство для возможных манёвров между вами и Рэем, когда он обнаружит идущие впереди него сновигаторы. Далее будем координировать свои действия в эфире по рации. В идеальном варианте вы должны увидеть нас в местах, отмеченных на ваших картах, идущими впереди вас с такой же скоростью.

Для этого мы парами зайдём на общий маршрут с разных сторон на скорости, тем самым не давая цели возможности маневрировать в какую-либо сторону при визуальном обнаружениидвигающихся впереди объектов на мониторе штурман-локации. Будьте готовы активировать излучатели и удерживать свою позицию как можно дольше. Желаю удачи!

– Встретимся на Западной равнине! – бодро ответила Фрэн.

Группа «А» направилась к своим сновигаторам, а Миядзаки не спеша подошёл к остальным пилотам.

– У нас в запасе есть несколько часов, – сказал он, – предлагаю пройти в аудиторию и подробно рассмотреть на карте схему захода на наши координаты в общем маршруте. Это не займёт много времени, а оставшееся время мы лучше просидим в ожидании уже на месте, чтобы не пропустить подход группы «А» к нашим координатам и правильно синхронизироваться.

Джонс одобряюще кивнул в ответ, и они вместе со всеми удалились в комнату с миниатюрными водопадами и деревьями бонсай, в которую их проводили в самом начале, когда они прибыли на станцию.

Расположившись там они стали внимательно изучать схемы, расстановку на позициях, время и тактику маневрирования для захода в общий движущейся поток гонки, чтобы внезапно появиться перед Рэем и не дать ему возможности уйти в какую-либо сторону, используя свободное простран-

ство между ними. Тактика была достаточно сложная для выполнения, но вполне простая для понимания, поэтому отсутствие возможности отработать эти манёвры на месте было восполнено неоднократным повторением и закреплением всех мелких подробностей и деталей. Когда все присутствующие могли без усилий повторить всё то, о чём было сказано, включая точные координаты своего местонахождения и время начала движения для синхронизации по скорости и интервалу с непрерывно движущейся группой «А», Миядзаки встал, выключил своё планшетное устройство, сенсорную панель и, обратившись ко всем, сказал:

– Даже если в ходе сражения ты видишь, что не сможешь победить, укрепи своё сердце и будь уверен, что никто не сможет превзойти тебя в стойкости.

– Это чьё-то высказывание? – сразу сообразил Джонс.

– Да, – ответил Миядзаки, – это сказал выдающийся администратор, полководец и поэт Сиба Есимаса, живший во второй половине четырнадцатого и первой половине пятнадцатого века.

– Что ж... – сказал Джонс, – будем надеяться, что этот инцидент с побегом не окажется для нас настолько критическим, чтобы осознать абсолютную безрезультатность своих действий и всё пройдёт гораздо легче.

– Скоро узнаем, – прагматично добавила Кэтрин, – поймёмте что ли, а то уже ощущения внутри как будто на войну собрались.

И они вчетвером направились к старту распределяться по своим машинам.

Когда крышка кабины последнего сновигатора захлопнулась было уже восемь часов утра. Машины начали выезжать одна за другой, ложась на курс и уносясь в даль к горизонту снежной долины.

Первым шёл Джонс, за ним разделили место Кэтрин и Хэлбокс с небольшим отставанием, образовав неправильный треугольник. Миядзаки как всегда держался справа в стороне.

– Фрэя, проверка связи, как у вас там дела? – слышался в эфире голос Джонса.

– Мы на пол пути к области гор, – ответила она, – идём практически на двухстах узлах, дорога превосходная, всё хорошо. А у вас как?

– Мы только что выдвинулись, – ответил Джонс, – с погодой и условиями всё аналогично.

Погода была действительно безупречной, солнце светило и отблёскивало от белеющей снежной глади так, что не возможно было двигаться без солнцезащитного режима гермошлема, при котором небо становилось тёмно-синим, а лучи преломлялись через стекло кабины и защитный экран шлема несколько раз и играли своими многочисленными пучками, создавая неопиcуемый эффект повсеместной яркости пространства. Ветер практически отсутствовал, лишь изредка можно было наблюдать лёгкие закрученные вихори сне-

га на волнистом голубом насте. Машины шли очень плавно, не зависимо от высокой скорости, периодически мягко подпрыгивая и приземляясь при прохождении сдвигов снежных пластов и надутых ветром невысоких холмистых возвышенностях, не больше полуметра в высоту от основной горизонтальной плоскости равнины. В небольших мониторах, расположенных по бокам внутри кабины, на которые выводились камеры заднего вида соответственно левого и правого борта сновигатора можно было наблюдать постоянно удаляющийся вдаль массивный шквал снежной массы из под полозьев, турбулентно закрученной рабочим воздушным телом ионных двигателей. Он был похож на насыщенный дым из паровозной трубы, который закручивался как спираль и растягивался на несколько миль, постепенно редая и растворяясь в воздухе. В атмосфере происходящего присутствовал какой-то боевой дух настоящей погони, как в легендарных вестернах Клинта Иствуда, когда герои во главе с шерифом собирались в дружную команду и быстро мчались на лошадях по пустыням Дикого Запада, чтобы поймать какого-то злого негодяя.

Хэлбокс не изменял себе и продолжал наслаждаться перегруженными гитарными ритмами «Pantera», как, впрочем, и Вэндэр в это же момент на другой дистанции Западной Равнины дегустировал новые сеты в стиле «Progressive House». Джонс вспоминал о прекрасных моментах отпуска, проведённых вместе с Фреей. Внезапно он вспомнил о разговоре

с ней про Архипа Великого и о её важном предостережении постоянно быть внимательным к подозрительным и опасным ситуациям. Но за несколько прошедших дней ничего вокруг не было похожим на те случаи, о которых они говорили и он сразу отбросил эти мысли, как не нужные и смущающие общую обстановку, так как тогда они сразу ему не понравились, а здесь тем более только портили настроение. Он даже не догадывался, что на самом деле обстановка вовсе не расслаблялась и сейчас за ним, также как и за другими членами группы шло постоянное очень внимательное наблюдение.

С начала гонки прошло чуть более двух часов, когда в эфире послышался голос Фрэй:

– Джонс, ты слышишь меня, мы подошли к зоне вхождения в область гор Пенсакола! Вэндэр заходит через несколько миль первым, я захожу следующей через десять миль, Аксель самый последний.

– Понял тебя, хорошо! Докладывайте о любых изменениях и возможных неприятностях внутри зоны сразу. Желаю удачи!

– Ну что, Вэн, ты готов? – спросила Фрэй.

– Да перестань, ты, в самом деле! – с возмущённым пренебрежением отозвался Вэндэр, – что я первый раз в горах сновигатор пилотирую?

– Да ладно, не ворчи, – ответила Фрэй, – я просто хотела поддержать твою бодрость духа, вот и всё.

Вэндэр ушёл в левый поворот и скрылся в ближайшем ка-

ньоне между холмов. Первая координатная точка захода была отработана. Фрэя и Аксель шли на ста двадцати узлах, чтобы выбрать наиболее удачное место захода в зону хребтов согласно намеченным координатам. До следующей точки захода оставалось пять минут следования.

– Встретимся на той стороне! – сказала Фрэя, уходя в поворот с параллельной протяжённости гор дистанции.

– Давай – давай! Ни пуха! – ответил Аксель и продолжил следовать тем же курсом вдоль холмов до своей координатной точки.

Через пятнадцать минут эфир снова нарушил голос Фрэй:

– Вэндэр, Аксель, отзовитесь, приём!

Послышались два поочерёдных щелчка включения раций в качестве подтверждения.

– Доложите по очереди как у вас обстановка? – продолжила Фрэя.

– Всё в порядке, капитан! – откликнулся Вэндэр, – иду заданным курсом без происшествий.

– Так точно, всё нормально! – ответил за ним Аксель, – видимых угроз нет.

– Хорошо, мальчики! Продолжайте в том же духе. Скорость выше восьмидесяти узлов не поднимать! – скомандовала Фрэя.

Маршрут подходил к середине запланированной синхронизации по расстоянию до цели.

– Фрэя, я подошёл к координатам синхронизации, жду вас

обоих, – сказал Вэндэр.

– Хорошо, я поняла, – ответила она.

Через семь минут в рацию о своей готовности докладывала уже Фрэя:

– Аксель, мы ждём тебя одного!

– Я понял, скоро буду, – ответил он.

Ещё через десять минут раздался голос Акселя:

– Ребята, я готов, можно приступать!

– Отлично! – сказала Фрэя, – начинаем, также не спеша, двигаться вперёд. Внимательно следим за мониторами. С моей позиции до цели семь миль. Поехали!

Сновигаторы медленно начали двигаться вперёд, понемногу набирая разгон и уже через несколько минут на радарх появилась точка сновигатора «Хиран», которая незамедлительно также начала своё движение к выходу из зоны гор.

– Получилось! – воскликнул Вэндэр.

– Что именно? – переспросила Фрэя.

– Он уходит от нас в нужном направлении, – ответил Вэндэр.

– Ладно, – не стала вдаваться в дискуссию Фрэя, – давай-тека прибавим ходу, чтобы он не начал уходить в сторону. Джонс, ты слышишь меня?

– Да, говори! – послышался голос Джонса.

– Мы вышли из зоны гор! Цель пошла в заданном направлении, пока всё в порядке, эффект барьера сработал, – сказала Фрэя.

– Я понял, продолжайте! Мы уже подходим к позициям, – ответил Джонс.

Сновигаторы группы «Б» Джонса приблизились к планируемой зоне так называемого захвата цели.

– Ну что, – сказал Миядзаки, – все помнят свои координаты, расходимся по сторонам и ждём. Начинаем движение по моей команде.

– Хорошо, – ответил Джонс.

И они начали расходиться парами. Миядзаки и Хэлбокс уходили вправо по ходу движения маршрута к центру Южного Полюса, где находилась станция Амундсен-Скотт. Джонс и Кэтрин поднялись выше в сторону Земли Королевы Мод. Пилоты в парах разошлись друг от друга на расстояние двух миль и встали по направлению к горам Гамбургцева с небольшим носовым углом к курсовому вектору основного маршрута погони. Они изменили масштаб на своих мониторах штурман-локации для большего охвата местности вокруг. Теперь им оставалось только ждать появления на них движущейся цели, чтобы начать свой основной манёвр захвата. Время необратимо шло, у всех начинало нарастать нервное напряжение.

– Фрэя, какая у вас скорость? – внезапно спросил Миядзаки.

– Сто двадцать узлов и постепенно увеличивается, – ответила она.

– Насколько примерно? – переспросил он, – мне надо при-

близительно знать, с какой скоростью вы будете идти в секторе захвата.

– Не знаю, где-то около десяти миль за пять минут.

Миядзаки подумал и сказал:

– Это плохо! Я рассчитывал на другой вариант.

– Почему? – спросил Джонс

– Мы находимся на расстоянии ста пятидесяти миль от гор Пенсакола, начал объяснять Миядзаки, – каждые пять минут их скорость увеличивается на десять узлов. Это значит, что когда они подойдут к зоне захвата их скорость будет двести узлов. Нам придётся выполнять манёвр раньше запланированного времени на максимальной скорости, а это создаст дополнительное неудобство с повышением риска, так как на такой скорости любой неосторожный манёвр, может привести к перевороту или столкновению, а также абсолютно неприемлемо в разы увеличивает скорость на вираже. Мы не сможем правильно среагировать на такой скорости, если он начнёт резко уводить машину в сторону. Этот момент ухода очень трудно поймать, он становится слишком резким.

– Я думал ты нас хоть чем-нибудь обнадёжишь, – произнёс Джонс с печалью в голосе.

– Да нет, я вас лучше заранее подготавливаю к худшему варианту, так как он является прагматичным. Зато они быстрее достигнут сектора захвата и нам меньше ждать их и волноваться, если вас это обнадёжит, – пошутил в конце Мияд-

заки с чувством явной усмешки в голосе.

– Очень смешно! – отозвалась Кэтрин с негодованием.

– На то я и «Намахагэ» – довольно ответил Миядзаки.

После некоторой паузы Кэтрин снова спросила:

– Может кто-нибудь анекдот знает, чего так просто сидеть?

– Что-то я смеяться не очень хочу перед предстоящими «упражнениями» – ответил Джонс, – как бы плакать потом не пришлось.

Хэлбокс засмеялся у себя в кабине. Общее настроение было довольно неопределённым.

– Ну, я так и поняла, что вы оба дураки! – огрызнулась Кэтрин.

– Вот давай только не будем шас ругаться перед ответственным делом, – сказал Джонс, – и вообще и так нервы на пределе, сидели тихо, спокойно, чего вдруг дополнительно обстановку будоражить?

– Да скучно сидеть так молча, – сказала Кэтрин с ноткой каприза в голосе.

– Ничего, сейчас повеселишься! – и Хэлбокс от смеха ударился обо что-то шлемом в кабине.

– А ты что музыку-то не слушаешь как обычно? – спросил его Джонс.

– Да разве можно такой момент упустить было! – ответил он.

– Всё понятно с тобой, – сказал Джонс, – приятно, что

хоть у кого-то настроение хорошее.

– Скоро они там придут? – спросила Кэтрин после долгой паузы.

– Пятнадцать минут осталось до старта, – ответил Миядзаки.

Наконец Миядзаки произнёс:

– Всем приготовиться! Двигатели на пол мощности, упоры в снег. По моей команде начинаем движение с плавным набором максимальной тяги.

На экранах мониторов было видно постепенно приближающуюся фигуру из четырёх точек, похожую на треугольник с одной точкой в вершине и одной посередине основания.

– Щас будет горячо, – сказал Миядзаки, – внимание: пять... четыре... три... два... один... пошли!

И сновигаторы рванули с места вперёд, быстро набирая скорость. Через несколько минут они уже достигли максимальной скорости, периодически используя форсаж и начали маневрировать, чтобы выстроить правильную фигуру захвата.

– Не возможно идти вот так вслепую, не могу сориентироваться! – послышался голос Джонса, – уже устал взгляд переводить с монитора на трассу. Летишь как будто в белую пустоту, не понимаешь – вправо или влево машину уводить, разница отсутствует.

– Не беспокойся, ориентируйся больше по монитору! – сказал Миядзаки, – такова нелёгкая роль ведущего в гонке,

придётся терпеть какое-то время, пока не уменьшится интервал, и ты не начнёшь их видеть в камеры заднего вида.

– Всё-таки раньше положенного времени вышли, да? – спросил Хэлбокс, подтягивая свою машину сзади правой стороны от Джонса.

– Не думаю, – ответил Миядзаки, – скорее всего погрешность спутниковой навигации. По моим показаниям приборов мы их уже видеть должны, может всё дело в солнце?

– Всё правильно, я их вижу! – внезапно сказала Кэтрин, держа верхний левый фланг с большим отставанием от Джонса, чем Хэлбокс.

– Хорошо! Сколько машин ты видишь? – спросил Миядзаки, идущий внизу справа в противоположной от Кэтрин позиции, только ещё дальше от центра и ведущего.

– Одну! – коротко ответила она.

– Всё, это он! – сказал Миядзаки, – быстро приближается?

– Не понятно, – ответила Кэтрин.

Миядзаки быстро включил режим стабилизации дистанционных интервалов, несколько раз с легкостью ударив пальцем по одной из многочисленных кнопок монитора штурман-локации и, добившись необходимой конфигурации отображения расстояний между идущими сновигаторами, определил приблизительное положение дел на данный момент. Расстояние от группы «А» до цели было несколько миль. Примерно столько же было от цели и до группы «Б». Такие большие интервалы расстояний не позволяли исполь-

зовать излучатели. Гонка уже шла в максимальном темпе, и при этом необходимо было выработать чёткий ряд мер для того, чтобы максимально сузить образовавшийся вокруг цели круг захвата. Миядзаки не мог определиться, к какому из манёвров лучше прибегнуть, чтобы достичь этого результата: попытаться ещё больше разогнать группу «А», используя форсаж, тем самым завывсив предельный максимум их скорости в двести узлов; начать снижение скорости группы «Б» и прибегнуть к манёврам, мешающим обгону, чтобы затормозить цель; или применить сразу и то и другое? Не понятным также было и то, как может повести себя Рэй, если начать резко атаковать его стеснением окружающей зоны контакта, и что было бы рациональней выполнить в этом случае в первую очередь: торможение спереди или разгон сзади? Так как с завышенного предельного максимума скорости при торможении следовала уже неизбежная и необратимая потеря дистанции, необходимой для использования излучателей. А при затормаживании цели группой «Б» создавалась опасность сквозного ухода на обгон, при котором они опять таки неизбежно теряли его по причинам маршрутно-скоростных факторов. Не успев определиться в своих предположениях, он внезапно услышал в эфире громкий голос Кэтрин:

– Он уходит в левую сторону, меняет курс!

– Маневрируйте вместе с ним, аналогично его изменениям в направлении движения! – быстро скомандовал Миядзаки, – ориентируйтесь по режиму СДИ, старайтесь делать всё

также как и он, я не могу определиться с выбором тактики, мне нужно ещё время, чтобы понять.

– Хорошо! – ответил Джонс, – он отклонился на пять градусов на северо-запад. Фрэя, вы слышите?

– Да, всё в порядке! – мы продолжаем координироваться относительно него. Есть небольшая проблема.

– Говори, я слушаю! – сказал Джонс.

– Если он будет продолжать, то Аксель отстанет. Слишком большая скорость: при изменении угла слева, интервал разрыва с правой стороны начинает расти.

– Пусть использует форсаж! – ответил он.

– Скорость предельная, мы рискуем! – сказала Фрэя.

– Ничего, придётся постараться, – категорически постановил Джонс.

– Аксель, слышишь? Догоняй на форсаже, – повторила Фрэя.

– Ладно, попробую, – ответил Аксель.

Эмоции и чувства начинали набирать свою остроту, все были предельно напряжены и внимательны, но при этом никто точно не знал, что делать дальше.

– Каташи, ты что-нибудь решил? – спросил Джонс.

– Мне общая скорость мешает, я не могу понять, как её сбросить?

– Может быть мы начнём понемногу замедляться? – предложил Джонс.

– А ты не боишься, что он проскользнёт между вами?

– Давай скучкуемся, это поможет быстрее перекрывать боковые дистанционные интервалы.

– Хорошо, давайте, – ответил Миядзаки.

– Кэтрин, Хэл, подходите ко мне ближе, до трёхсот метров, – скомандовал Джонс.

– Вас понял, – коротко ответил Хэлбокс.

Машины начали сближаться, образуя более плотный ряд.

– Будьте внимательны к манёврам цели, всё внимание на СДИ! Снижаем скорость! – скомандовал Джонс.

Через несколько мгновений он продолжил:

– Дистанционный интервал уменьшается. Тысяча четыреста, четыреста пятьдесят, тысяча триста... Каташи, он не снижает скорость!

– Продолжайте дальше.

– Хорошо! Двести пятьдесят, тысяча двести...

– Внимание, он опять начал уходить влево! – прокричала Кэтрин, – уходит быстро! Уже ушёл на десять градусов! Помоему, в этот раз он решил серьёзно поменять курс!

– Вижу – вижу! Успокойся! – ответил Джонс, – просто маневрируй также как он!

– Интервал падает! Давайте набирать скорость и расходиться обратно! – запаниковала Кэтрин.

– Подожди, я говорю. Просто уводи машину и не паникуй!

Рэй сделал хороший поворот влево, вверх к Земле Королевы Мод, заставив тем самым группу «Б» положить весь максимум инерции машин в левый вираж. И, как только они

увлеклись манёвром, он, не снижая скорости, резко вывернул рули аэродинамических боковых крыльев вправо. От выполнения поворота под таким острым углом с максимальной переориентацией инерции машины, его «Хиран» приподняло правым бортом и несло так ещё пол мили, пока он не вернулся и не встал на прямую по первоначальному курсу, вдавив форсаж на максимум.

– Что это было?! – закричал Джонс, – все за ним! Выворачивайте обратно! Ложимся на прежний курс. Форсаж на полную! Давайте – давайте, мы должны успеть!

Пилоты в панике интенсивно терзали манипуляторы штурвалов, но было уже поздно. Рэй сумел обмануть идущих впереди пилотов ложным манёвром и резко выскочил в образовавшееся справа стороны окно, так как пилоты до этого сошлись достаточно близко друг к другу.

Миядзаки конечно успел среагировать, потому что находился на хорошем расстоянии в стороне справа, но, даже включив форсаж и увеличив скорость, у него было мало шансов в одиночку преградить путь Рею. Рей пронёсся у него перед носом в нескольких десятках метров на предельной форсированной скорости, не обращая внимание на риск столкнуться со сновигатором Миядзаки под углом около сорока градусов. Они разошлись в крутом вираже в разные стороны с высоким резким форсажным визгом двигателей, похожим на пик шума раскрученного до максимума мотора спортивного мотоцикла, проезжающего перекрёсток и

удаляющегося вдаль. Миядзаки даже почувствовал серьёзный воздушный удар по фюзеляжу от высокой интенсивности турбулентного потока, возникшего за «Хираном» Рэя. Выровняв машину, Каташи Миядзаки лёг на курс следования, параллельно ему с небольшим отставанием. Далее всё происходящее выглядело довольно банальным: обе группы устремились за Миядзаки и Рэем под несмолкающую в эфире ругань Джонса с пилотами на русском языке, не для того, чтобы исключить травмирование психики японского коллеги, а просто, потому что на английском языке эти эмоции выражать было тяжело, непривычно и даже в каком-то смысле нелепо. Рэй опять уходил вперёд и то, что Миядзаки отставал от него практически на несколько метров, не давало ему никаких шансов на возможный обгон, без которого говорить о каком-либо сдерживании и нейтрализации цели было бесполезно. Все находились в состоянии некоторого обескураженного шока разочарований от упущенной, хорошо спланированной и подготовленной возможности поймать, наконец, беглеца и завершить столь сложную, как оказалось, миссию. Находясь в этой панике, никто не хотел признавать, что дальше делать что-либо абсолютно бесполезно и безрезультатно, так как в прошлый раз они уже были в аналогичной ситуации, но почему-то не хотели с этим смириться. Наконец, когда вся команда преследователей уже покинула Западную Равнину и вышла на Плато Советское, Миядзаки произнёс в эфире:

– Всё, прекращаем погоню и уходим! Дальше гнаться за ним бесполезно, – через пятьдесят миль начинается зона гор Гамбурдцева. Учитывая его сумасшедший трюк на равнине сегодня у меня перед носом, я могу представить себе, на что он будет способен в тесных и опасных горных ландшафтах.

– Хорошо, – коротко и спокойно ответил Джонс подавленным голосом, – все ложимся на курс домой.

Сновигаторы сбавили темп и изменили направление, сделав затяжной и плавный поворот влево. Команда размеренно удалялась с поля сражения ни с чем, кроме осознания гораздо более тяжёлого и сложного сопротивления своим действиям. На сегодня им ещё необходимо было добраться до станции, отдохнуть и обязательно выработать новую более продуктивную тактику, учитывая все предыдущие ошибки. В атмосфере зависла некоторая суровая печаль.

ГЛАВА XIV. BIG FATHER HOUSE.

(все диалоги в этой главе происходят на английском языке)

– Меня всё время удивляют здесь две вещи, – сказал высокий чёрноволосый человек, делая очередной глоток чая с антикварного серебряного подстаканника за большим дубовым столом.

Он сидел один в теперь уже другом сером костюме в тонкую полоску и серыми лакированными туфлями с характер-

ной удлиненной платформой. Рубашка на этот раз была размазанного пёстрого раскраса с бирюзовыми, серыми и зелёными тонами, как краска на палитре у художника. Ответа не последовало и после некоторой паузы он продолжил:

– Первое – это то, что ты постоянно смотришь в это окно, как будто там чемпионат мира по футболу транслируют. А второе, – что нам почему-то всё время приходится ждать нашего неподражаемого американского весельчака из Нью-Йорка, видимо пунктуальность они у англосаксов по каким-то причинам не унаследовали.

– Не расстраивайся, – коротко и спокойно ответил Архип.

– Да я бы и внимания, ты знаешь, не обратил, если бы это происходило в моём московском пентхаусе, а не у чёрта на куличках, – галантно выразил своё пренебрежение высокий черноволосый.

– Я понимаю твои сожаления, Борис, – отвечал Архип, – здесь конечно не Garrick Club на Covent Garden (Гаррик Клуб на Кавент Гарден), где пунктуальность между членами – неотъемлемый конёк со времён эпохи просвещения и романтизма, но и твоему пентхаусу до него далеко.

Большая дубовая дверь тихо и медленно приоткрылась и в суровый густой полумрак плавно вошла фигура американского посла.

– Можно мне тоже виски, – вскользь сказал большой напыщенный человек в костюме с дорогим галстуком и часами, навязчиво бросающимися в глаза.

– Это чай, – ответил молодой высокий черноволосый, и тут же понял, что просто понапрасну проинформировал оппонента, так как никакой встречной реакции не последовало, как будто бы это и не мело отношения к сути вопроса.

Архип спустился с верхнего яруса, подошёл к бару и, накидав в квадратный стакан льда, захватил с собой большой хрустальный прямоугольный графин с бордовой жидкостью. В таком виде он поставил это всё на столе перед послом, который расположился в кресле напротив представителя управления из Москвы.

– Спасибо, дальше я сам, – сказал посол Архипу, – очень люблю разливать виски, знаете ли.

Он взял графин, снял крышку и довольно вульгарно плеснул себе чуть меньше половины стакана.

– И пепельницу, пожалуйста, – добавил он вдогонку Архипу, уже собирающемуся подняться обратно, – свои сигары можешь не предлагать, я с собой прихватил по пути, очень хороший «Черчилль». Что ты там постоянно высматриваешь? Хоть бы бинокль взял что ли.

Архип ничего не ответил, просто молча подал пепельницу, ножницы для сигары и большие сигарные спички. Посол воспользовался своей позолоченной плоской гильятиной для сигар, которую ловко достал вместе с сигарной тубой из внутреннего кармана пиджака. Затем он довольно проворно приготовил и раскурил сигару, сделал глоток виски и отвалился на спинку кресла с явным удовлетворением от ком-

форта.

– Ну и зачем вы взялись им помогать? – задал он первый вопрос.

– Я ни за что не брался, – предупредительно ответил Архип и мне в этом смысле вообще всё равно.

– Ну, хорошо, – ответил посол, – допустим, я тебя понял, а вы? – обратился он к человеку напротив.

– С каких пор мы стали перед вами отчитываться? – спокойно ответил тот.

Посол сделал паузу и продолжил.

– Мы никогда не договоримся, если вы будете постоянно считать, что нам важен ваш отчёт перед нами. Нас интересует проект «REI» и у нас есть возможности для его быстрее-го развития. Японцы итак нарушили все известные правила, Британия допустила неразглашение инцидента на международном уровне, пойдя им навстречу. Вы максимально заняли место в программе «Polar Navigation» и мы уступили вам все приоритеты. Зачем вы суёте нос ещё и в это дело?

– Я не уполномочен отвечать на подобного рода упрёки, – ответил представитель, – к тому же у Москвы нет, и не могло быть объективных причин для отказа в помощи японской стороне при обсуждении этого вопроса на переговорах. Москва не будет врать своим партнёрам, потому что это выгодно третьей стороне. Если у вас есть интересы, то вы сами должны их отстаивать и не впутывать нас в свои планы. Это позиция Москвы по данному вопросу.

– Это вредит нашему сотрудничеству, – продолжил посол, – к тому же Британская Корона в этом случае покрывает и ваших пилотов наравне с японской стороной.

– Британская Корона получила за это деньги, насколько мне не изменяет память, и я не пойму их негодований по этому поводу, – ответил московский представитель.

– Послушайте, Уолтер, – вмешался в разговор Архип, – вы в курсе оперативной ситуации?

– Конечно я в курсе оперативной ситуации! – язвительно и недовольно отозвался посол.

– Ну и как ваш взгляд? – продолжил Архип.

– Да у них там весело, как на румынском кладбище! А что? – уже более расслабленно ответил посол.

– Так, а что вы переживаете тогда? – спросил Архип, пытаясь увести разговор в сторону.

– Ты из меня только дурака здесь не делай! Хорошо? – уже более жёстко ответил посол, – почему только я один придерживаюсь откровенной позиции? Нам нужен проект, японцы его упустили и не тянут дальше по деньгам, а вы устроили это шоу посреди Антарктиды и предлагаете нам расслабиться и наслаждаться им вместе с вами! Это через чур амбициозный подход в отношении чужих интересов! Вы должны учитывать чужие интересы, а не только свои и Японии!

– Хорошо! Что вы предлагаете? – спросил Архип, – я не могу остановить миссию и скажу больше, чтобы потом Москва не говорила, что я здесь просто стоял и молчал, –

меня интересует продолжение этого шоу, равно как и других подобных шоу в будущем. Мне нужен максимум из того, что можно выжать из программы «Polar Navigation», не зависимо от результата. Для них – это хорошая тренировка, для меня – общее развитие, для японцев – научный эксперимент, для Москвы – участие и международные отношения. Как видите, деньги здесь не причём. Деньги получила Великобритания и она тоже должна быть довольна, а вы ставите все эти разносторонние интересы на одну чашу весов только со своими. Это тоже не совсем рациональный подход к чужим интересам, о которых вы имели место упомянуть.

– Ладно, Архип, – ответил посол, делая очередной глоток виски, – с тобой бесполезно спорить, но тогда установи регламент по времени, как в прошлый раз. Раз ты у нас всё правильно решаешь, то пусть они, твои пилоты поторопятся, как в прошлой миссии, тогда это будет справедливо. Две попытки у них уже было, если в третий раз у них не получится, тогда ты отзовёшь команду в связи с неприемлемостью продолжения миссии по причинам безопасности пилотов и челноков. В этом случае мы учтём все интересы сторон, включая наши. Если ты понесёшь убытки, мы тебе их компенсируем.

– Это международное соглашение! – возразил представитель из Москвы.

– Ха! – ответил посол, – у нас есть только один главный член правления программы, который полностью уполномочен и независим от международных соглашений. Программа

его, а не Москвы и распоряжается пилотами и челноками, равно как и влиянием на правовые доли в странах участниках тоже он. При этом, Архип, я хочу, чтобы ты не забывал о том, что интересы Соединённых Штатов Америки ничем не хуже интересов Японии, и делать выбор нужно внимательнее и осторожнее. Ты сейчас не на «Купол Фудзи» в своё окошко смотришь, где температура выше минус шестидесяти уже два года не поднималась, а в центре Антарктиды на самые развитые полигоны из всех существующих в архипелаге.

– У нас с вами здесь взаимный интерес, – спокойно ответил Архип, – и уверяю, вам не было бы комфортней, если бы я смотрел в окошко на «Купол Фудзи». Но так и быть, я возьму нейтральную позицию и введу временной регламент. Только не говорите мне потом, что я не учитывал ваши интересы.

Посол сделал ещё один глоток и, затянувшись сигарой, опять отвалился к спинке кресла с довольной улыбкой. Представитель из Москвы был явно недоволен и напряжён.

– Ладно, – сказал посол, докуривая сигару, – я вижу вам нужно ещё тут пошептаться без меня, девочки.

И омерзительно посмеиваясь, как злобный тролль, удалился прочь.

В комнате остались только Архип и московский представитель.

– Тебе не кажется, что это нарушение наших договорённостей? – сурово спросил Борис.

– Вы хотите вытеснить Америку из программы «Полярной Навигации»? – ответил Архип встречным вопросом.

– Причём здесь это?

– Мне не нравится тон, при котором вы постоянно оставляете нежелаемое недопонятым.

– Ладно, чёрт с тобой. Для тебя не существует, видимо, ничего более важного, чем твоя программа. Но не надейся, что тебе будут улыбаться в Москве после этого.

– Это ты зря, Борис. Москва мне будет улыбаться и не надо мне тут обидчивых угроз! Это я повышаю уровень Москвы и России в целом на мировом уровне, а не Москва мой. И благодаря мне вы имеете возможность претендовать на приоритеты в программе «Полярной Навигации», а не благодаря комитету по международным отношениям, который исключительно из своих политических интересов подставил меня перед американской стороной, которая вложила в проект не меньше денег, чем вы.

Поэтому я ещё раз спрашиваю, вы хотите, чтобы я разорвал отношения с американцами и перебазировался на станцию «Восток»? Может Москва настолько богатая, что перекупит все американские активы в программе и возместит возникшие потери в этом случае?

– Я не буду ничего тебе говорить, – спокойно ответил Борис, – пускай будет по-твоему, потом посмотрим. Не скажу, что мне сегодня было приятно пообщаться. Всего доброго.

И он, встав из-за стола, удалился за дверь.

Архип по-прежнему стоял у огромного стеклянного витража и равнодушно смотрел в бирюзовую даль исчерченных полозьями тренировочных полигонов. Ему было абсолютно не понятно, почему людям вместо того, чтобы принимать бой вплотную, таким, какой он есть, больше нравится искать причину своих неудач в посторонних людях, которые якобы могут стать камнем преткновения для реализации их собственных амбиций.

Особенным идиотизмом в своих действиях сейчас он видел отличную возможность испортить отношения с американской стороной в чужом вопросе, как раз за несколько дней до презентации совместных разработок

американских и российских учёных по новому энергоимпульсному оружию

для сновигаторов, которое будет предположительно использоваться в предстоящих состязаниях и гонках.

ГЛАВА XV. ПОСЛЕДНЯЯ ВОЗМОЖНОСТЬ.

– У нас проблемы, – сказал Кохэгу Такаги, заглянув в комнату Каташи Миядзаки спустя несколько часов после его прибытия, – ты должен срочно зайти в офис к Тахакаси.

– В чём дело? – спросил Миядзаки.

– Ты почему переспрашиваешь?! – повышая тон до командной интонации с возмущением ответил Такаги.

Миядзаки быстро вскочил с дивана и покорно просле-

довал до лифта. Поднявшись наверх, он зашёл в кабинет и увидел стоящего лицом к огромному треугольному окну Тэхэкиро Тахакаси. Правой рукой он крепко сжимал большой самурайский меч «катана», отведя его вниз и в сторону.

– С вами всё в порядке, господин Тахакаси? – осторожно спросил Миядзаки.

Ответа не последовало.

– Сядь в кресло и замолчи! – приказал Кохэгу Такаги из-за спины, и сам направился к дивану возле стены напротив.

После того как они расположились, Тахакаси простоял ещё минуту. Потом он аккуратно водрузил свой меч обратно на лакированную подставку из красного дерева перед окном, на которой также присутствовали ещё два меча: «вакидзаси» – короткий боевой меч и «танто» – кинжал или нож, который на практике мог применяться как «кусунгобу» – ритуальный нож для «сэппуку» или попросту «харакири» – самоубийства путём вспарывания живота. Подойдя к столу, Тахакаси медленно занял своё место в глубоком кожаном офисном кресле и, глядя своим каменным лицом в пустоту, хриплым уставшим голосом сказал:

– Американцы нас подставили. Архип отзывает группу. У нас есть последняя возможность поймать Рэя, иначе мы потеряем проект. Ты должен приложить все усилия. Я знаю, что ты – хороший пилот и работаешь на пределе, а также и то, что не всё в этой миссии зависит только от тебя, но нам сейчас нужно, чтобы ты сделал невозможное. Ты просто

должен поймать его в этот раз и всё! Скажи мне, у тебя уже есть план, как ты это сделаешь?

– Ещё нет, – ответил Миядзаки, – я всегда отдыхаю после гонки. К этому времени Рэй занимает окончательную позицию, и я начинаю анализировать ситуацию уже по последним спутниковым данным поздно вечером вместе с российской группой для принятия более верных решений.

– Кохэгу, дай карту! – приказал Тахакаси.

Кохэгу Такаги путём нескольких манипуляций со своим планшетным устройством вывел действующую спутниковую карту на большую сенсорную панель, висящую на стене возле стола.

– Вот он! – указал Такаги красным расширяющимся и пропадающим затем кружком на карте сновигатор Рэя, не вставая с места. Как и положено – аккумулирует заряд в высокогорье в верхней области гор Гамбурдцева.

– Что думаешь? – спросил Тахакаси у Каташи Миядзаки.

Сделав небольшую паузу, Миядзаки ответил:

– Я хорошо знаю этот район, он находится в нашей тренировочной зоне. Там высокая плотность холмов и очень тяжело держать высокую скорость, это удобно для контроля скорости цели при её вытеснении из зоны гор, но мне нужно идти в загоняющей группе, это повышает риск упустить Рэя на выходе.

– Тогда давай поставим там больше сновигаторов? – предложил Тахакаси.

– Это не решит проблему. Насколько больше? На один? Я же не пойду с одним напарником?

– Почему? – серьёзно возразил Тахакаси.

– Ну, в этом случае мне будет тяжело контролировать уход Рэя в горы по одному из флангов, – ответил Миядзаки.

– Разделитесь на два загоняющих и держите каждый свой фланг! – утвердительно и строго сказал Тахакаси, – ты лучше знаешь район ближе к станции, то есть левый фланг, значит будет держать его. Заходить будете соответственно с западной стороны, и выгонять цель к Земле Макроберто. Там у нас много пространства, где вблизи нет других объектов, и никто не будет вам мешать. Пусть второй загоняющий зайдёт под углом к вектору движения между тобой и целью с большей дистанцией и направлением по курсу к нашей станции для того, чтобы стеснять область погони к верхней части гор. Так вы точно не потеряете его, в противном случае ему придётся изменить направление навстречу второму загоняющему, чтобы уйти от погони в горы. Он потеряет много времени при развороте и окажется в ловушке, так как ты в этом случае сразу же настигнешь его сбоку. Поэтому у него нет другого выхода, как подойти к противоположной стороне гор и выйти на Землю Макроберто. Именно здесь вы расположите пять сновигаторов в плотном окружении, не больше полу мили в боковых дистанциях. Когда вы начнёте подходить, поджидающая вас группа должна оперативно сориентироваться на ваши координаты выхода из гор, вовремя пе-

редислоцироваться и занять позиции в ожидании, если это понадобится. Если ты говоришь, что двигаться быстро не получится, то цель должна выйти из области гор максимум со средней скоростью в сто – сто двадцать узлов. Все ожидающие к тому времени должны держать свои излучатели активными, тогда вы просто приткнётесь Рэя, не успевшего хорошо разогнаться, к барьеру подавляющего излучения. Ты знаешь, что он сразу резко реагирует на него, поэтому я уверен, что, почувствовав его впереди плотным кружением с пяти точек, он испугается и в панике затормозит. В этот момент вы закроете эту ловушку, подойдя к нему сзади также заранее активировав излучатели. Деваться ему будет некуда: спереди полукругом будет находиться подавляющий барьер, сзади – вы вдвоём. Единственное, что он может – это только развернуться и уйти обратно в горы, но здесь есть нюанс, – заходов в коридоры между холмами не так уж и много, да и набирать скорость с нуля под постоянным облучением ему будет затруднительно.

Теперь скажи мне, что из того, что я сказал, тебе не понравилось?

Миядзаки снова сделал паузу и ответил:

– Второй загоняющий должен иметь хороший опыт в движении по зонам гор.

– Именно! – продолжил Тахакаси, – и это без сомнения командир группы Джонс, который обошёл немецкого пилота на дистанции через весь Трансатлантический горный хребет

в их прошлой миссии. У него отличная скоростная модель сновигатора и он пилот с хорошим военным навигационным стажем на маршрутах с узким сложным маневрированием.

– Откуда вы это знаете? – спросил Миядзаки.

– Он вертолётчик морской авиации, это указано в его деле, которое со всеми остальными папками было приобщено к документам, касающимся миссии.

– Что произойдёт, если он прорвётся? – внезапно спросил Миядзаки.

Тахакаси махнул рукой Кохэгу Такаги, который всё это время внимательно слушал и наблюдал за происходящим, сидя на диване. Тот дистанционно выключил монитор и отложил планшет. Тахакаси откинулся в кресло и, сделав небольшую паузу, продолжил:

– Архип Великий ждёт новый апгрейд для своего детища. Это тоже очень дорогие разработки, оплату которых на себя полностью взяли американцы. Собственно они и предложили эту новую концепцию, касающуюся развития гоночной индустрии на машинах типа «HSPS»(High Speed Polar Shuttle). Её суть заключается в введении в гонку обстреливающего соперника оружия, естественно шадящего характера. Это энергоимпульсные бластеры высокой частоты, которые создают на расстоянии удар, на основе эффекта Пандтля – Глоерта. При попадании в движущийся на скорости сновигатор, в его области возникает резкий и достаточно сильный скачок воздушного давления, из-за которого он сразу же те-

ряет курсовую устойчивость и скорость, так как плотность воздушного потока вокруг него резко изменяется. А также он может просто быть сбит с дистанции ударом этой волны высокого давления. При этом вокруг поднимается большое облако из снега и конденсированной из воздуха воды, которые затрудняют видимость. Таким образом пилот в дополнение к удержанию курса на скорости и преодолению препятствий, получает возможность вести прицельный обстрел впереди идущих гонщиков для снижения их скорости при обгоне или полном затормаживании и вытеснении с дистанции. Остальных подробностей никто не знает, но оружия несколько типов, так что поговаривают, что будет весело. Так вот, возвращаясь к началу этой темы, можно определённо сказать, что Архип совершенно не заинтересован в том, чтобы портить отношения с американской стороной за несколько дней до презентации и итоговых испытаний концепта, который принесёт колоссальные прибыли в результате повышения азарта и интереса будущих состязаний. А значит, он не пойдёт против их воли в убыток себе. Они, в свою очередь, хотят забрать наш проект, и ключевым звеном здесь является вопрос с поимкой Рэя. Если мы не сможем его поймать завтра, Архип с подачи американской стороны, отзовёт российскую группу под предлогом выявленных в результате миссии факторов особой опасности. По международным нормам, если мы теряем возможность устранить возникшую по нашей вине опасность для других стран на материке, то

действующий чрезвычайный международный комитет принимает на себя все полномочия в решении данного вопроса и с учётом наших нарушений, они могут заставить нас исключить всё навигационное оборудование на станции, включая спутниковый охват. Подвести в зону нахождения цели свои челноки, а также вертолёты и прочую технику. Далее захватить Рэя, быстренько его эвакуировать с материка, а потом ударить термическими ракетами по оставшемуся пустому сновигатору, тем самым завершив процесс устранения всеобщей угрозы международным высокотехнологическим коммуникациям и объектам инфраструктуры научно-технического прогресса, за урон и причинение ущерба которых мы не в состоянии заплатить. Конечно, они могут и сразу сбить этот «Хиран» ракетой из космоса без проводов с отключением наших систем наблюдения в целях экономии времени. Но я думаю, что у них нет никакого резона спешить, имея полный пакет полномочий. Ну а потом, американцы заберут Ахикиро Танака к себе в NCBI (Национальный Центр Биотехнологической Информации) штата Мэриленд и будут развивать эту программу дальше под своим полным контролем. Мы, конечно же, тоже получим свой результат, но упустим существенную выгоду от дальнейшей реализации этого продукта на рынке. Выражаясь проще, мы потеряем престиж на мировой арене и колоссальные прибыли государства.

– А как к этой позиции Архипа отнеслись наверху? – спро-

сил Миядзаки, – ему ведь наверняка уже высказали из Москвы, да и с нами он обошёлся грубо.

– Это уже не важно сейчас. Пойми, Каташи, он тебе ответит, что никого не заставлял использовать засекреченную исследовательскую разработку в своей программе, и рисковать из-за неё своими интересами не обязан. К тому же, ты должен понимать, что это оружие коснётся и тебя, то есть нас. Свои разработки нам уже использовать не позволят, а американцы, в конечном счёте, всё равно придумают другие методы давления. Поэтому у нас есть только один вариант выйти из этой ситуации с поднятым лицом, и ты знаешь, о чём я. Твоя задача на сегодня досконально точно и подробно довести суть нашего плана до всех пилотов, так, чтобы ни у кого не возникало даже малейших вопросов. Обсудить все мельчайшие детали. Завтра с утра всё снова повторить. Рано не вставайте, получше выспитесь, следовать до места нахождения цели в этот раз не далеко. Мы с Кохэгу будем всё время на связи, если что-то вдруг возникнет, к примеру, ты обнаружишь ошибку в наших с тобой расчётах, – сразу же свяжись с нами, и мы всё обсудим вместе. Желаю тебе удачи, мой друг. А теперь иди, нам с Кохэгу надо ещё кое о чём потолковать.

Миядзаки встал и вышел из офиса. Он возвращался, отягощённый мыслями об очень серьёзной ответственности, вперемешку с неприятными попытками тонких всплесков адреналина от риска провалить завтрашний план по захвату

Рэя. Но всё же он был достаточно жесток и дерзок по отношению к любым, даже самым тяжёлым проблемам и не только сохранял стойкость и спокойствие, но сразу же психологически переключал себя в режим чёткого, лёгкого и свободного решения всех, даже самых трудных, задач. Он с лёгкостью вступал в решительный бой, благодаря освоению древнейшей идеологии школы самураев, которую также назывался «Путь воина». За это он и пользовался очень серьёзным уважением среди старших руководителей и высоких начальников.

Время шло к ужину, поэтому Миядзаки решил навестить остальных пилотов, чтобы заранее сообщить им о важности предстоящего совещания и попросить набраться побольше терпения перед сном, так как разговор предстоит долгий, а после еды обычно очень хочется спать, тем более вечером. К его счастью и удивлению практически все из команды также отдыхали после гонки в своих номерах, как и он, поэтому возможные проблемы из-за переутомления во время обсуждения завтрашней операции отпали сами собой.

– Возьмите с собой по пути стакан кофе в автомате на всякий случай, – говорил он каждому, заглядывая в их номера, – сегодня мне от вас нужна максимальная внимательность.

В семь часов команда собралась наверху в том же наблюдательном зале, что и раньше.

– Что случилось такого важного? – начал Джонс, когда остальные рассаживались по своим местам.

– У нас осталась одна попытка, – ответил Миядзаки.

– Как это, в чём дело? – удивилась Кэтрин.

– Ситуация изменилась. Наверху решили, что это очень опасно и дали нам последнюю попытку для того, чтобы поймать Рэя.

– Но ведь иначе его убьют, не так ли? – заволновалась Фрэн.

– Я не знаю, – сухо ответил Миядзаки, – сейчас главное усвоить новую тактику, остальное не важно. Поэтому больше не задавайте мне этих вопросов, давайте вместе сосредоточимся и изучим весь ход завтрашних действий, кто, где и чем будет заниматься?

– Хорошо, хорошо! – ответил Джонс, – мы все готовы, давайте немедленно приступим.

В течение двух часов Миядзаки с командой пилотов тщательно изучали и обсуждали всё то, что было сформулировано и озвучено ранее в офисе Тахакаси. План был достаточно простой, особенно для большинства пилотов, которые входили в группу ожидания, так как практически всё время в течение второй половины операции им необходимо было просто стоять на месте. Поэтому Миядзаки обращал особое внимание на тонкости расстановки сновигаторов и схемы упорядоченного движения при возможном маневрировании группы ожидания в случае изменения точки выхода цели из области гор для повышения мобильности и оперативности выполнения этих совместных действий. Также они с Джонсом

коснулись подробного рассмотрения вариантов ухода цели в горы и методов преграждения пути её следования в этом случае. Миядзаки представил Джонсу развёрнутую карту ландшафтов в той зоне, которую ему придётся контролировать, а также они определили точное место и время захода в области гор для выдержки правильного угла подхода к основной загоняющей позиции с учётом расстояния до неё. В конце Миядзаки ещё раз попросил всех задуматься на счёт возможных вопросов по сути обсуждаемых действий и, поблагодарив за внимание, отпустил группу.

Утром следующего дня, около десяти часов народ начал потихоньку собираться и отправляться на завтрак, после которого все также проследовали на очередное заключительное для этой миссии совещание.

– Давайте повторим ещё раз, – начал Миядзаки, – ваша группа «А», в количестве пяти человек под командованием Фрэй, выдвигается к северной стороне верхней части гор Гамбурдцева и выставляет заслон полукругом.

– Скажите, – внезапно спросил Вэндэр, – а если Рэй сумеет разогнаться до, скажем, ста пятидесяти или ста восьмидесяти узлов?

– Каким образом он, по-вашему, может это сделать? – переспросил Миядзаки.

– Ну, например, если он найдёт более длинный коридор для выхода из зоны гор, то, используя форсаж вполне может успеть разогнаться до таких скоростей.

– Да нет там таких длинных прямых выходов! Я вам ещё раз повторяю, верхняя область хребта очень плотная и извилистая, спутниковая навигация не настолько точная и быстрая, а ультразвуковой сонар, как вы знаете, в области гор абсолютно бесполезен. Я не видел ещё ни одного пилота, который мог бы мгновенно реагировать в «слепых» поворотах на скорости больше ста узлов, ведь вы знаете, что они часто заканчиваются тупиками. По мне так пусть он даже и разгонится до такой скорости и врежется в восходящий между склонами сугроб. Учитывая математическую вероятность такого события в этой области, у него есть все шансы закончить именно этим.

– Ладно, извините, – сказал Вэндэр.

– Ничего – ничего, всё правильно! – ответил Миядзаки, – мне нужно, чтобы вы ждали его в абсолютной уверенности в своих действиях, без каких-либо назойливых посторонних сомнений и мыслей. Это только мешает вашему боевому духу.

Миядзаки продолжал, а пилоты внимательно слушали его, периодически дополняя информативность общего содержания подробностями в вопросительной форме. Когда он закончил свой диалог, на часах уже было половина двенадцатого.

– Что ж, – сказал он в конце, – пора грузиться и выходить, внизу всё готово.

Команда двинулась к лифту на выход, настроение у всех

было бодрое и не обременённое тяжестью существующих проблем, в тоже время все были достаточно серьёзны и сдержанны. Двигаясь по коридору от лифта к выходу на стартовый полигон, они встретили Тэкэхиро Тахакаси с его первым советником Кохэгу Такаги и начальником станции Минако Накамура. Тут же, при Тахакаси присутствовала и его личный переводчик Мэй Аоки. Они пожелали пилотам доброго дня и большой удачи в походе. При всех негативных факторах, которые угрожали общему положению дел японской стороны, Тахакаси на удивление был невозмутим и бодр, как будто ничего и не происходило.

Пилоты занимали свои места в кабинах, не спеша, поднимаясь по трапу, поудобней рассаживаясь в кресле пилота и подключая коммутационный шлейф своих лётных комбинезонов к бортовой системе сновигатора. Пилоты уже начали активировать закрывание верхних крышек кабин, когда внезапно запустились силовые установки первого сновигатора, потом второго, третьего, пока всю область стартового полигона не заполнила волна шума и свиста от работы ионных двигателей.

– Диспетчер, что с погодой? – коротко спросил Джонс.

– Погодные в норме на весь день, – быстро прозвучал в рации монотонный шипящий голос диспетчера.

– Фрэя, Кэтрин, вы слышите меня? Отзовитесь! – продолжил Джонс.

– Слышу хорошо!

– Всё в порядке.

Послышались по очереди голоса.

– Остальные! – вопросительно строго сказал Джонс.

Остальные пилоты также откликнулись в эфир друг за другом, включая Миядзаки.

– Сегодня что, «девушки вперёд» – саркастическим тоном спросил Хэлбокс.

– Хэл, потом будешь умничать, ладно! – серьёзно ответил Джонс, – ну что, начинаем выдвигаться? Давайте, с Богом!

И Джонс плавно перевёл вперёд левый рычаг тяги. Машина покорно двинулась с места, набирая скорость и повышая частоту свиста двигателей.

За ним сразу же вышел Миядзаки. Остальные тоже стартовали с небольшим интервалом друг от друга, выстраиваясь попарно с боковой дистанцией около ста метров. Две группы разошлись по направлениям: одна, состоящая всего из двух человек Джонса и Миядзаки взяла курс на юго-восток, вторая просто спускалась к верхней области горных хребтов Гамбурдцева от станции в восточном направлении без отклонения к полюсам. Машины шли, не торопясь, удерживая режим в сто – сто двадцать узлов. На совещании было принято решение не перегружать себя быстрыми реакциями в начале операции, чтобы сохранить все силы для внимательности до заключительного момента захвата цели, а также полностью исключить риск случайных непредвиденных поломок или аварий в пути. Время следования до заданных координат.

нат захода в зону гор группы «Б» и базирования группы «А» на выходе из гор к Земле Макробрерто составляло около полутора часов.

В эфире было тихо, так как отвлекаться лишними разговорами тоже было не рекомендовано для того, чтобы сохранять концентрированность на текущей ситуации и случайно не упустить из памяти всех тактических подробностей операции. Вэндэр и Хэлбокс даже отказались от своего обычного музыкального сопровождения в пути в пользу всех мер внимательности и предосторожности. В этот раз обстановка ещё больше напоминала траурное молчаливое и угрюмое следование по пустыне группы ковбоев, верхом на лошадях на охоту в засаде за беглым дерзким негодяем.

Наконец, эту долгую тишину в кабинах пилотов начали поочерёдно нарушать сообщения штурманботов о приближении к области гор. В эфире слышались голоса пилотов группы «А». Под командованием Фрэй они выстраивались в соответствии с намеченным планом возможной передислокации по определённом периметру вдоль горного хребта. В свою очередь группа «Б» стала заходить на свою исходную позицию вытесняющей атаки на цель, при этом Джонс прошёл дальше Каташи Миядзаки по протяжённости хребта на целых двадцать миль, чтобы иметь возможность правильно выбрать и хорошо взять угол бокового штурмующего сближения с основным сектором погони. Все спокойно стояли в ожидании, пока, наконец, не послышался голос Джон-

са в эфире:

– Исходную занял, – коротко прозвучало сообщение.

Прошла некоторая пауза.

– Начинай, – послышалась команда Миядзаки.

Джонс начал входить в зону гор, осторожно проходя ступени между коридорами, чтобы привыкнуть к особенностям местного ландшафта. Повороты были частыми с достаточно занесенными снегом промежутками между холмами. К тому же из-за многочисленных хаотично расположенных возвышенностей солнце постоянно меняло общую освещённость пространства вокруг. При солнцезащитном режиме шлема в тени близкорасположенных возвышенностей холмов было слишком темно, а без него свет просто ослеплял глаза. Таким образом, было тяжело сосредоточиться на дальности обзора, что сказывалось и на выборе скоростного режима и на утомляемости глазных мышц и нервов.

– Да, здесь действительно не разгонишься, – сказал Джонс.

– Я же говорил, – ответил Миядзаки, – это место мы с Кеном Хаттори называем «бамбуковой рощей». Здесь абсолютно невозможно быстро и свободно пилотировать машину. А глаза от солнца устают также быстро, как руки, когда пробираешься сквозь частые стволы бамбука.

– Интересно, – ответил Джонс, а у вас есть ещё какие-нибудь названия местностей?

– Конечно, – ответил Миядзаки, – например, в Земле Ко-

ролевы Мод есть дистанция, которую мы называем просто «лестница», потому что на всём её протяжении подряд находится больше десятка сдвигов пластов. Она протягивается от высоких над уровнем моря точек расположения станции «Купол Фудзи» по убыванию вниз и по ней очень весело спускаться на скорости, постоянно подпрыгивая, как на трамплине. В целом в районе наших тренировочных заездов таких мест много и мы быстро ориентируемся между собой по придуманным названиям, чтобы не объясняться долго и не возиться с координатами.

– Фрэя, вы слышали? – спросил Джонс.

– Да, это интересно! – ответила она.

– Почему у нас до сих пор такого нет? – поинтересовался Джонс.

– Не знаю – не знаю, надо будет подумать, – весело сказала Фрэя и рассмеялась.

– Не отвлекайтесь, я начинаю движение! – вмешался Миядзаки, – до цели три мили, захожу в область гор.

– Я понял, – коротко отозвался Джонс.

Через некоторое время снова послышался голос Миядзаки:

– Цель тронулась, курс ожидаемый, скорость шестьдесят узлов, начинаю преследование.

В эфир дважды щёлкнули рацией в качестве подтверждения.

– Что у нас с синхронизацией по расстоянию? – спросил

Джонс, после некоторой паузы.

Миядзаки включил режим СДИ на мониторе штурман-локации.

– Не знаю, прибавь-ка скорости. Я тоже попытаюсь чуть-чуть его нагнать, – ответил Миядзаки.

Джонс вёл свой «Fast Vector», стараясь максимально выдерживать угол к постоянно меняющейся точке удаления цели по курсу следования до выхода из зоны гор, чтобы не допустить пустого окна, в которое можно было бы повернуть и уйти от погони в глубь горного хребта.

– Как ты думаешь, – спросил он Миядзаки, – он догадывается о том, что его поджидают на той стороне?

– И да и нет, – уклончиво ответил Миядзаки, – но навряд ли он сейчас думает о том, чтобы увести гонку в горы. Ему эта область также не нравится, как и нам.

– Что у тебя с расстоянием до выхода? – продолжил Джонс.

– Прошли уже десять, осталось тридцать, скорость семьдесят пять, – ответил Миядзаки.

Прошло ещё десять минут.

– Приближаюсь к основной области, – предупредил Джонс.

– Рано – рано! – возразил Миядзаки, – не входи в область видимости, он и так не плохо идёт, погуляй ещё рядом.

– Хорошо, я понял, – коротко ответил Джонс.

– Смотри, как он хорошо идёт, – изумился Миядзаки, –

скорость вообще не набирает, какой молодец. Это ему не равнина, сразу присмирел.

Так они вели его вдвоём, пока до выхода не осталось три мили.

– Всем внимание! Всем приготовиться! – громко скомандовал Миядзаки, – Джонс, давай вперёд и поджигай его сбoku! Постарайся занять лидирующую позицию перед выходом, не позволяй ему на выходе уйти в твою сторону!

– Хорошо я понял! – ответил Джонс.

Ситуация накалялась.

– Фрэя, что у нас с выходом? – продолжил Миядзаки.

– Мы все готовы! Двигатели запущены! Я внимательно наблюдаю за отклонением, – ответила она.

– Скорость прежняя, ты посмотри-ка – даже не пытается ничего сделать, – сказал Миядзаки оценивающе, – он реально думает, что там никого нет. Походу можно вызывать службу эвакуации.

Расстояние уменьшалось критически.

– Осталось полторы мили, активируйте излучатели! – скомандовал Миядзаки.

И тут же через три секунды.

– Фрэя, он вас обнаружил! Увеличивает скорость, уходит влево, – смещайтесь!

– Поняла, – ответила она, – всем принять влево на полмили! Держать дистанции!

Сновигаторы двинулись полукругом от края хребта выше

в западную сторону. Рэй, почувствовав, что это засада, начал дёргаться и ускоряться, но быстро идти в левую сторону было невозможно, к тому же с задней стороны уже начинал стеснять Джонс, удачно подойдя к области выхода из гор и нагнав цель с включённым излучателем. «Хиран» Рэя принял попытку резко выйти из области гор быстрым скачком на форсаже с резким поворотом вправо, но ту его абсолютно со всех сторон на расстоянии всего пяти сот метров ожидали пять сновигаторов с активным подавляющим излучением. Он вышел из гор на триста метров, доведя расстояние до критического воздействия излучений на свой организм, и на этом месте от резкого дискомфорта рванул штурвал влево, что и послужило роковой ошибкой. Обратного пути уже не было – из гор на него с двух сторон сразу вышли сновигаторы Джонса и Миядзаки также с активными излучателями, и он попал в ловушку. Он сделал ещё один уход вправо, потом опять влево, но не мог добиться ощущения свободной от излучения области в пространстве. Скорость совсем упала, и он встал на месте.

– Теперь медленно сходимся к нему! – быстро скомандовал Миядзаки, – только медленно и осторожно.

– Да всё, он попался, что тут говорить, – произнёс Джонс. Пилоты медленно окружили его, взяв в плотное кольцо, диаметром всего пятьдесят метров.

– Уфф! – произнёс Хэлбокс, – наконец-то.

– Ура! – сказала Фрэй, – мы победили и с Рэем теперь

будет всё порядке!

– Ну, это если будет, – поправил Миядзаки, – я же предупредал, что может всякое произойти.

– Так, я что-то не понял! – громко произнёс Аксель, риторически вопрошая, – мы что, миссию выполнили?

– Так точно, поздравляю всех! – ответил Джонс.

– База, отзовитесь! – громко произнёс Миядзаки, – цель нейтрализована, без повреждений, срочно необходима эвакуация.

– Вас понял! – слышался монотонный глухой ответ, – эвакуация в пути.

– А сколько ждать? – спросил Джонс.

– Сорок минут, – ответил тот же голос.

– Слушай, ну нормально, – сказал Вэндэр, – может выйти – посмотреть, как он там?

– Да сиди ты на месте уже, – недовольно, но в тоже время, шутя, ответила Кэтрин, – слава Богу, что поймали. Давай без лишних инициатив, а то мало ли ещё что случится. Потом скажут, из-за того, что ты посмотрел, разработки-то экспериментальные.

– Да ладно вам, что вы! – возразил Аксель, – вон он, вижу я его чуть-чуть, башку вниз опустил и сидит.

– Башку и я вижу, – ответил Вэндэр, мне поближе хочется взглянуть.

– Ой, а мне тоже хочется посмотреть, какой он там, – внезапно сказала Фрэн с детским интересом, – мне даже башки

не видно.

– Ну, будут перегружать – посмотришь, – сказал Хэлбокс.

– А он спит, да? – спросила Фрэя.

– Да, он в полной отключке, – ответил Миядзаки.

– А посмотреть нельзя? – спросила она.

– Да не знаю, вообще не желательно наверно, – ответил Миядзаки, – то есть вот именно этого вопроса мы как раз и не касались с нашим управлением, поэтому не лучше надо.

– Ну ладно, жаль, конечно, – раздосадовано ответила Фрэя.

– Не расстраивайся. Приезжайте лучше потом, – и посмотрите и пообщаетесь, он довольно общительный, кстати.

Так они просидели, пока с японской станции не прибыл огромный двухвинтовой вертолёт экстренной службы эвакуации. Вместе со спасателями и техниками основной группы на борту также были Кохэгу Такаги и учёный Ахикиро Танака, который постоянно суетливо и взволнованно следил за действиями службы.

Поверх чёрных костюмов на них были ярко-красные куртки типа «Аляска» с пышным серым мехом по краю капюшона и чёрной эмблемой-логотипом станции «Купол Фудзи» на спине в виде сочетания сложного японского иероглифа с инженерно-технологической тематикой, заключённого в треугольную форму.

Прибывшие на место специалисты путём недолгих манипуляций быстро подняли крышку кабины сновигатора

«HIRAN», собрали два раскладных трапа, осторожно извлекли тело биомеханического андроида из

глубоких недр кабины пилота и переложили его в специальный прозрачный мешок-носилки, после чего все очень быстро исчезли внутри вертолётa, который также незамедлительно поднялся вверх и улетел, как только дверь салона захлопнулась за последним из них.

– Ну и что теперь будем делать? – спросила Фрэя.

– База, эвакуация прошла успешно! – начал доклад по радиации Миядзаки, – жду подтверждения и дальнейших указаний.

– Эвакуацию подтверждаю! – ответили ему через несколько секунд, – за сновигатором выслан буксировочный вездеход. Вы можете возвращаться на станцию.

– Всё, мы свободны, возвращаемся назад! – с облегчением произнёс Миядзаки.

– Даже как-то скучно сразу стало, – сказал Хэлбокс, – наступил выраженный психологический дефицит приключений.

– Это у тебя от лазания по горам, – ответил Аксель, запуская двигатели.

– Ладно, – скомандовал Джонс, – возвращаемся в свободном режиме!

Сновигаторы по очереди начали расползаться в разные стороны от совсем недавно чрезвычайно активного «Хирана», который остался здесь, посреди холодной суровой Ан-

тарктиды в полном одиночестве, как поверженный в схватке с рыцарями античный дракон.

Путь до станции был недолгим и по обыкновению довольно нескучным для Хэлбокса и Вэндэра, а также остальных членов команды, которые периодически переговаривались между собой в эфире на тему последних впечатлений и ощущений от рискованных действий при поимке беглеца. К тому же, свободно двигаясь в отличных путевых и погодных условиях с хорошим скоростным режимом, все члены группы находились в остром предвкушении поздравлений с удачно выполненной миссией, а также тёплого душа, вкусного обильного ужина с употреблением саке и торжественными тостами в комфортной обстановке японского классического дизайна, но теперь уже в абсолютно расслабленной от каких-либо забот и обязательств победоносной форме.

Спустя сорок минут команда уже заходила на стартовый полигон «Купол Фудзи». В холле их ждала целая делегация, включающая многочисленных представителей, как персонала самой станции, так и других служб, базирующихся здесь.

– Позвольте мне сейчас от лица всей Японии, – без помощи переводчика торжественно начал Тахакаси, выйдя на несколько шагов вперёд из общей массы собравшихся, – поздравить вас с победой и удачным завершением этой сложной миссии, а также поблагодарить за неимоверную помощь в сохранении статуса нашего уровня безопасности проведения научно-экспериментальных опытов в сфере новейших

технологических разработок будущего. И в знак нашей признательности на память об этой миссии мы хотим преподнести вашей команде этот скромный сувенир. С этими словами он протянул Джонсу позолоченную медаль в виде того самого логотипа станции «Купол Фудзи», который они уже видели на корпоративных куртках Такаги и Танака во время эвакуации Рэя. Медаль была точно такой же треугольной формы размером с ладонь. Её отдельные элементы были выполнены с применением лазерной насечки и гравировки различного рода тончайшими микротекстурами в стиле японской каллиграфии. Сама медаль была уложена в специальный футляр, обшитый изнутри пурпурным бархатом, а снаружи выполненный из натурального красного лакированного дерева. Края футляра были сглажены и закруглены, задняя часть имела плавную округлую форму, в отличие от обычных ровных плоскостей. К футляру прилагалась специальная монолитная подставка такого же исполнения, позволяющая держать всю композицию под углом в сорок пять градусов к горизонтальной плоскости поверхности.

Собравшиеся дружно зааплодировали. Все были счастливы, радостно улыбались, подходили к нашим пилотам и по очереди жали им руки с поздравлениями. Вечером того же дня был устроен торжественный ужин. Отбытие команды на станцию «Восток» было запланировано на следующий день. Это был по истине счастливый и удачный конец в данной миссии, но ещё не все приключения для наших героев в бли-

жайшее время.

ГЛАВА XVI. УТРО СЛЕДУЮЩЕГО ДНЯ.

Фрэя проснулась в объятиях Джонса, с явными последствиями вчерашнего торжества. Она аккуратно выбралась из постели и добралась в полумраке до холодильной секции для напитков, откуда быстро извлекла маленькую бутылку с живительной минералкой и с наслаждением выпила половину. Из другого края комнаты слышалось протяжное страдальчески утомлённое «И мне-е-е!». Она взяла с собой ещё одну бутылочку и вернулась обратно в постель.

– Я думала ты спишь, – сказала она Джонсу.

Джонс присосался к бутылке, пока полностью не осушил её до характерного звука мнущегося пластика.

– Я сразу проснулся, когда ты вылезла из кровати, и тоже захотел пить, – ответил он сонным голосом и продолжил спать, перевернувшись на живот и уткнувшись лицом в подушку.

– Ну ладно, – ответила Фрэя и тоже залегла, натянув по выше одеяло.

В половине двенадцатого в дверь комнаты постучали.

– Кто там? – громким голосом спросил Джонс.

Дверь приоткрылась и из-за неё слышался голос Каташи Миядзаки:

– Джонс, тебя вызывают из управления программы, ка-

кая-то подполковник Сударева. Я сказал, что ты перезвонишь через пол часа, собирайся.

– Сейчас буду! – резко ответил Джонс и быстро поднялся с кровати.

Он начал в спешке собираться, умываться и приводить себя в порядок, как будто его вызывают на живой разговор, а не на линию удалённой связи. Осушив ещё одну бутылку минеральной воды и, причесавшись, он быстро поцеловал в щёку, ещё спящую Фрэю, и вышел за дверь своей комнаты.

Пройдя по коридору до лифта, он спустился на второй этаж, где располагался центр управления спутниковой связи и сел перед монитором в кресло, где обычно проходили короткие видеозвонки на рабочие каждодневные темы без официальных формальностей. Джонс подождал несколько минут, после чего их соединили.

– Приветствую вас капитан Джонс! – начала своё обращение подполковник Сударева в как всегда подтянутой строгой и очень серьёзной форме, – поздравляю вас с ещё одной успешно выполненной миссией. В штабе высшего управления программы вами остались очень довольны.

– Спасибо, подполковник! – бодро ответил Джонс.

– Теперь перейдём к сути моего обращения к вам, – продолжила она, – сегодня после обеда вы должны будете отбыть обратно на станцию «Восток», однако в связи с вновь возникшими изменениями в программе модернизации технологического сопровождения программы «Полярной нави-

гации» вам и вашей группе приказано прибыть на станцию «Амундсен-Скотт», где вы пробудете ещё какое-то время, пока не закончатся все испытательные тренировки с применением концепции нового вида оружия для сновигаторов, которое будет использоваться в дальнейших проводимых состязаниях. Вам всё понятно?

– Так точно, подполковник! – ответил Джонс.

– Отлично, капитан! – ответила Сударева, – тогда мы в штабе будем ждать от вас и вашей группы ещё одних хороших новостей. Да, и вы можете предать своим друзьям, что перевод денежных вознаграждений за выполненную миссию уже подготовлен и ждёт отправки через несколько часов. Он всех вас порадует, обещаю. Если у вас нет вопросов, тогда всего доброго, капитан.

– Вопросов нет! До свидания, подполковник! – сказал Джонс, после чего их разъединили.

Джонс вернулся в свою комнату в несколько противоречивых чувствах. С одной стороны он был доволен тем, что получил признание высокопоставленного начальства и имел хорошие новости для своих подчинённых относительно финансовой части завершённой миссии. С другой стороны его несколько напрягал фактор неизвестности на следующем этапе, так как он был плотно связан с очень негативными воспоминаниями о провокационном поведении американского пилота в конце первой миссии, и тут на него опять нахлынули мысли о том неприятном разговоре с

Фрэй во время их отпуска в Крыму у Акселя с Кэтрин. Он сел на кровать и задумался.

Фрэя проснулась, обняла его сзади руками, заведя их с боков, и положила ладони на грудь, а голову на плечи.

– Я что-то пропустила? – спросила она нежным сонным голосом, не открывая глаз.

От её волос донёлся приятный запах бальзама-ополаскивателя. Джонс сразу немного подразмяк и расслабился.

– Я разговаривал с Сударевой, – ответил он, – есть хорошая новость и не очень.

– Почему «не очень»? – спросила Фрэя всё тем же вялым сонным голосом, но уже с явной заинтересованностью.

– Мы не едем домой, – ответил Джонс.

Тут Фрэя несколько напряглась и сразу проснулась, открыв глаза с явным неожиданным удивлением.

– Как?!

– Всю группу откомандировали на «Амундсен-Скотт» испытывать новое американское оружие для сновигаторов, – ответил он.

– Чего – чего? – с пренебрежительностью переспросила Фрэя, – какое ещё оружие? Это тебе Сударева сказала?

– Ну да, я же говорю, что с Сударевой общался. Новое экспериментальное оружие для использования в гонках на соревнованиях. Не слышала ни разу что ли?

– Да нет, – уже расстроено ответила Фрэя, – первый раз от тебя сейчас слышу.

– Не, мне так уже говорил об этом вскользь один мой знакомый с «Востока», – «Мичман», знаешь такого?

– Это начальник у технической группы? Глеб, по-моему, его зовут, да? – спросила Фрэн.

– Точно он – он, стармех смены, – подтвердил Джонс.

– Ага, ну и что он сказал? – продолжила Фрэн.

– Да просто сказал, что вводится новый концепт, дополнительная опция в некотором роде для повышения интереса соревнований.

– Так мы что, убивать друг друга будем теперь, я не пойму?

– Да нет, там какая-то щадящая система подавления движения, но больше он ничего не знает. Точнее ему вроде некогда было прочесть или что-то там ещё, уже не помню, но это всё, что он мне сказал.

– Так ладно, а мы тут причём?

– Нас направляют в качестве испытателей видимо. Подробности не афишировали.

– А что ты не спросил-то?

– Слушай, ну не наезжай – давай! Какая разница, – приказ всё равно придётся выполнять. Да и глупо спрашивать было, не в той интонации разговор происходил, что Судареву не знаешь что ли? Я тебе могу сейчас прямо сказать, что она бы мне ответила: «Узнаете на месте!», – устроит тебя такой ответ?

– Ну ладно, допустим, а какая хорошая новость?

– Бабла, сказали, отваяют через несколько часов с горсточкой.

– Да ты что? Серьёзно?! Это интересно! Вот это мне уже нравится! Ребятам говорил?

– Да нет! Какое там? Только вот сейчас вернулся из центра связи.

– Ну ладно тогда, иди – буди остальных. Будем готовиться к маршруту до «Амундсена», – посмотрим, что там за оружие американцы сделали.

– О'кей! – ответил Джонс и пошёл поднимать на обед остальных пилотов.

ГЛАВА XVII. ПУТЬ ДО «АМУНДСЕН-СКОТТ».

– Интересно у нашего руководства планы меняются, – начал Хэлбокс жаловаться уже в пути.

– Молчи лучше и следи за дорогой, – ответила ему Кэтрин.

– Это всё равно случилось бы, поверь, – добавила Фрэй, – рано или поздно. И проблемы, в конце концов, были бы нашими, поэтому руководство здесь ни причём.

– Они могли бы предупредить нас заранее, – продолжал ворчать Хэлбокс, – я уже расслабился и психологически приготовился к продолжению отпуска.

– Послушай! – вмешался Джонс, – не всё ли равно уже? К чему эти негодования, когда ты на пол пути к новому зада-

нию? К тому же разговор, насколько я понял, шёл о нескольких днях, максимум неделю. Лучше расслабься и подумай о своих деньгах на счету, это гораздо приятнее и полезней для психики, раз она так тебя беспокоит.

– Слушайте, а как вам эта история с Рэем? – вмешался вдруг Вэндэр.

– Ты о чём вообще? – спросила Фрэй.

– О том, что мы даже посмотреть на него не смогли толком.

– Послушай, когда ты собрался там него смотреть? – опять начал Джонс, – тем более, толком, если он всё время находился в не кондиции, да и вообще, – он же мог быть опасен в нестабильном состоянии.

– Выглядит так, как будто ты прикрываешь японцев, – сказал Аксель.

– С чего вдруг? – сурово переспросил Джонс.

– Нет, я просто сказал, что это выглядит так со стороны, вот и всё, – ответил Аксель, – ты вовсе не обязан разъяснять эту ситуацию.

– Я понимаю тебя, Аксель, – ответил Джонс, – но по твоей логике Вэндэр тоже не обязан задавать глупые вопросы, которые ведут нас к какой-то вымышленной посторонней смуте.

– А что я тут такого глупого спросил? – обиделся Вэндэр.

– Тебе же объяснил Миядзаки, что этого андроида будут тискать ещё неизвестно сколько времени, а нам новую зада-

чу нарезали буквально на следующий день, – начал раздражительно объяснять Джонс.

– Ну, могли бы, например, провести нас к себе в лабораторию, где он у них там лежит на специальном столе с множеством трубок и тому подобное, как в фантастических фильмах, может видел? Мы же всё-таки его спасли для них, – продолжил Вэндэр с некоторым таким жалостливым и беспочвенным фантазированием, как ребёнок.

– Слушай, Вэн, ты что совсем дурак? – с категоричным усталым расстройством спросил Джонс, – какие ещё трубки, какая лаборатория? С чего ты взял, что они за то, что ты участвовал в миссии, будут таскать тебя по своим засекреченным научно-исследовательским объектам? Где ты видел такое вообще? Тоже в фильмах? Миядзаки предложил всем познакомиться позже по достаточно весомым причинам, тем более он же сказал, что не факт, что ещё можно будет этого Рэя восстановить. Вам за работу заплатили? Вы работу выполнили? – Всё, чего тут дальше какие-то детские обиды свои выдумывать? И вообще, ты не забывай, кстати, что мы все подписали соответствующие бумаги о неразглашении, а то ты там ещё начнёшь рассказывать соседским детям страшные истории про искусственного дядю, который с ума сошёл. Чего доброго тебя и самого отправят потом на разговор к доктору соответствующей квалификации.

В эфире раздался многочисленный смех, причём смеялись все и даже Вэндэр. До конца дистанции оставалось око-

ло двух часов пути, погода начала портиться, и пилоты прибавили скорости, чтобы не застрять в снежной буре.

– Давайте-ка поднажмём! – скомандовал Джонс.

Сновигаторы начали подходить к своему скоростному максимуму в двести узлов. Ощущалось волновое сопротивление ветра.

– Ветер начал усиливаться! – закричал в эфир Хэлбокс, – фронтально – боковое сопротивление очень высокое, мы не успеем!

Вокруг начало понемногу темнеть, солнце затягивало мглой, похожей на снежный туман.

– Диспетчер, что с погодой по курсу?! – крикнул в рацию Джонс.

– Вы задеваете край бури, которая движется в северо-западном направлении, навстречу вам, поторопитесь! – прозвучал ответ.

Ветер явно усиливался и не давал развивать полную скорость, сбивая всю группу с вектора направления. Солнце совсем заволокло, автоматика включила фары сновигаторов на максимум. Тёмное серое пространство впереди начало разрезать множественными длинными качающимися вверх-вниз лучами. Атмосферное давление начало скакать.

– Давление нестабильное! – слышался громкий голос Хэлбокса, – надо уходить отсюда, Джонс!

– Идём тем же курсом, не сворачивая! – приказал Джонс.

– Кто вообще придумал идти навстречу буре? – возмути-

лась Кэтрин.

– Её не было с утра! – ответил Джонс.

– Не рассказывай мне ерунды! – продолжила Кэтрин, – синоптики прогнозируют такие погодные катаклизмы за достаточно большое время с хорошей точностью!

– Без паники! Это не большая буря! Мы в центре Антарктиды, здесь такие явления возникают довольно часто! – ответил Джонс.

– Я скорость теряю! Не видно ни хрена впереди! – с досадой произнёс Аксель.

– Форсируй движки на сколько сможешь! Главное не теряй направление! – ответил Джонс.

Скорость снизилась до пятидесяти узлов. Сновигаторы буквально пахали встречный плотный шквал ветра со снегом.

– Перерасход электропотребления! Мы так долго не выдержим! – снова начал Хэлбокс, – Джонс, почему мы просто не можем уйти в сторону?!

– Посмотри на ультразвуковой сонар! Ты видишь, где я нахожусь по отношению к тебе? И я нет! Мы идём в слепую только по спутниковой навигации! Мой луч бьёт вперёд на пятьдесят метров видимости, по бокам я ничего не вижу! Если мы начнём маневрировать вшестером в такой мути, да ещё с резкими боковыми порывами ветра, то у нас сильно возрастёт вероятность боковых столкновений, поэтому держим прежний курс и идём вперёд! Всё, без разговоров! – от-

ветил Джонс.

Скорость продолжала медленно падать, а видимость снижаться. Создавалось очень сильное ощущение колоссальной угрозы, и нервы Джонса начали понемногу сдавать. Чувство страха постепенно овладевало им, так как таких ситуаций в их общей практике ещё не происходило. Ему было очень тяжело спрогнозировать все возможные фатальные исходы с параллельным удерживанием машины в такой снежной вакханалии. В любой момент двигатели сновигаторов могли заглохнуть, а это значило бы, что пилоты могут застрять здесь надолго, и потом будет необходимо срочно искать их и вызывать спасательную группу, так как в такой массе снега машины полностью бы занесло, а пурга в здешних местах могла не прекращаться несколько дней.

Лобовое стекло стало слишком сильно заносить из-за низкой скорости, подогрев и обдув стекла не справлялись с плотным встречным потоком снега.

– Я ничего не вижу! – пожаловалась Фрэй.

– Я тоже! – сказал Вэндэр.

– И я, – отозвалась Кэтрин.

– Просто придерживайтесь курса по приборам! – ответил Джонс, – скорость не высокая, поэтому фронтальное столкновение исключено. А при приближении к другому сновигатору сзади, вас в любом случае обдует струя рабочей массы из двигателей, и вы сразу сможете сориентироваться.

– Главное, чтобы те, кто идут впереди не заглохли! – ска-

зал Хэлбокс, – в противном случае они станут хорошей причиной для столкновения.

– Так вы сообщайте сразу обо всём друг другу, и проблема исчезнет сама собой! – ответил Джонс.

– Да я вас умоляю, у нас боковые дистанции больше полу мили были, – вмешался Аксель, – как мы могли так быстро сблизиться?

– Тут всё возможно! – ответил Вэндэр.

– Диспетчер! Мы прошли сорок миль, каков радиус границы бури? – спросил Джонс.

– Сто двадцать миль, – послышался ответ диспетчера, – ваши расчёты будут зависеть от координат эпицентра, вам не поможет этот радиус.

– Хорошо, вы можете сказать, на каком расстоянии по курсу мы находимся до выхода за границы бури? – настойчиво продолжил Джонс.

– Вам осталось двадцать миль, если направление ветра не изменится.

– Понял вас! Вы слышали? – обратился Джонс к остальным, – продолжаем движение вперёд любой ценой!

– Легко сказать, – ответил Аксель, – у меня тяга тридцать процентов от нормы, тащусь как черепаха.

– Ага, – передразнил его Хэлбокс, – Тортилла! – мы здесь все тащимся, как черепахи, так что ты не один такой.

– Я так вообще уже движения не чувствую никакого, – сказала Фрэн, – как будто на месте стою, сидя в залепленной

снегом кабине и слушая холостой свист работы движков.

– Такая же история, – отозвалась Кэтрин.

Через десять минут снова заговорил Аксель.

– Я весь форсаж истратил, дожигаю последние литры. Если идти без него, то двигатель точно встанет. Я практически ползу, скорость тридцать узлов.

– Будь, что будет, Аксель, – ответил Джонс, – если не выберешься, отправим за тобой эвакуацию.

– Ладно, – сказал Аксель, смирившись с поражением в этой схватке со снежной стихией.

Ещё через несколько минут «Spector» Акселя встал на месте и заглох.

– Плохие новости, – вновь послышался его голос, – «меня больше нет».

– Так ладно, – ответил Джонс, – диспетчер, у нас ситуация «один – два» в двенадцатом квадрате, нужна эвакуация и спасатели!

– Принято! – послышался ответ диспетчера, – ждите окончания бури.

– Что значит «ждите»?! – возразил Джонс, – у меня там человек.

– Я понимаю, – продолжил диспетчер, – но мы тоже людей посылаем. Погода не лётная, угрозы жизни нет. Поедет гусеничный вездеход с прицепом. Они быстро не ездят. Пока он дойдёт до места, буря как раз кончится. Зачем же зазря переживать и беспокоиться?

– А если она не кончится? – настойчиво продолжил Джонс.

– А если не кончится – будут спасать в бурю, – ответил диспетчер, – подойдут как можно ближе, вытянут трос, по нему заберут вашего пилота и отчалият.

– А сновигатор?

– Ну, кто будет в такую бурю вытаскивать двухтонную машину, занесённую снегом? Потом заберём, куда она денется.

– Ладно, хорошо! Скажите, а маяк ему выкидывать?

– Ну, если маяка не жалко, тогда пусть выкидывает. Но лучше подождать, пока подойдёт спасательная группа. Если вдруг у них возникнут проблемы с местонахождением его сновигатора, то тогда он и выкинет свой маяк.

– Так его может занести полностью, крышка не пробьёт слой снега при взрыве патрона.

– Значит будут искать металлоискателями. Не беспокойтесь, на этот счёт давным-давно всё предусмотрено. Максимум – это то, что он сильно опоздает за вами. Батарей ему на двое суток должно хватить, поэтому пусть сидит – греется пока. Всё, конец связи!

– Аксель, ты всё слышал, – сказал Джонс, – помощь в пути, не скучай, приятель!

– Хорошо-хорошо! Я понял, – ответил он.

Группа продолжала прорываться вперёд сквозь бурю. Не смотря на то, что внутри кабины пилотам делать особо ничего не приходилось, все были на пределе своих сил и нервов.

– Джонс, здесь что-то не так! – воскликнула Кэтрин.

– Послушай те, заткнитесь уже и продолжайте движение! – грозно приказал Джонс, – что вы раскудахтались?! В эфир сообщать только о конкретной ситуации, все свои домыслы и жалобы оставьте до станции! Помощь в пути, даже если мы все здесь встанем, нам всё равно помогут. Всё!

Эфир замолк, все продолжали двигаться в тишине, пока, наконец, снежная мгла впереди не начала светлеть. Интенсивность ветра спала, давление нормализовалось. Лобовые стёкла продуло специальными соплами высокого давления, располагающимися снизу, и уже метров через пятьсот стало ясно видно волнисто-голубую гладь снежной равнины.

– Наконец-то, – произнёс Хэлбокс, – ты как там Джонс, всё в порядке? Не переживай, за то, что сорвался, мне было абсолютно всё равно.

И Хэлбокс засмеялся в своей привычной манере. Джонс ничего не ответил, реплику продолжила Кэтрин.

– Аксель, ты там как?

– Всё в порядке, любимая, не волнуйся. Сажу с ногами на основном пульте, читаю справочник по полярной навигации, – ответил он, – вы, я так понимаю, выбрались уже?

– Да, Солнце ещё существует, – ответил Вэндэр.

– Диспетчер, какое направление и скорость смещения бури? – спросил Джонс.

– В текущих параметрах она полностью покинет область, в которой остался ваш пилот примерно через шесть часов

не раньше, но направление постоянно меняется, – ответил диспетчер.

– Продолжаем движение по заданному маршруту, – командовал Джонс.

До «Амундсен-Скотт» оставалось чуть больше двухсот миль. Команда легко и быстро следовала на высокой скорости по абсолютно безветренным и прекрасным снежным просторам, освещённым ярким солнцем, что добавляло расстройства и досады за Аксея, который не дотянул вместе с ними до всей этой красоты и необычайного после бури спокойствия, а остался там один в глубине занесённой снегом кабины.

Джонс испытывал некоторое чувство вины за своего товарища и подчинённого, которому он не смог помочь в сложившейся ситуации. Его переполняли смешанные мысли о том, насколько трудно ему было перевести подозрения и агрессию пилотов команды с синоптиков и диспетчерской службы станции в экстремальный момент гонки, и правильно ли он это сделал, чтобы не допустить ненужного дополнительного скандала с персоналом американской стороны. К нему опять подступили те самые мысли о разговоре с Фрэй в Крыму, о том, что нужно быть максимально осторожным, поэтому он и поступил так, чтобы снизить риск возникновения скандала, на который их могли спровоцировать специально. Но вот чего он точно не знал, так это правды, насколько в действительности эта буря была случайно возникшей или же это всё

было спланировано скрытыми недоброжелателями. Но всё же, несмотря ни на что, он осознавал, что благодаря своей настойчивости в принятии решений и отдаче приказов группа в своём большинстве прошла через тяжёлое испытание самым коротким прямым путём, не пострадав и не повредив дорогостоящие машины, всего с одной потерей.

Через полтора часа сновигаторы начали подходить к тренировочным полигонам станции «Амундсен-Скотт». На часах было начало девятого. Таким образом, расстояние в семьсот восемьдесят миль они прошли за шесть часов, потеряв один час внутри снежной бури.

ГЛАВА XVIII. В ПОИСКАХ ЛЖИ.

(все реплики в данной главе происходят на английском языке)

На полигоне рядом со станцией были припаркованы в ряд пять американских сновигаторов двух типов различной расцветки, из которых явно выделялись две броские модели «Antarctic Fantom» с характерным преобладанием никелированного блеска большей части поверхности фюзеляжа. Спереди по бокам они были укомплектованы орудиями внушительного вида с тянущимися от задних оснований стволов толстыми гофрированными трубками, уходящими внутрь корпуса. Орудия были трёх видов: с двумя одиночными длинными стволами по бокам корпуса; с двумя двойны-

ми вертикальными спаренными стволами меньшей длины, также расположенными по бокам и одиночное пятиствольное радиально-осевое орудие, которое крепилось на специальной дуговой балке, расположенной над задней частью фюзеляжа между крышкой кабины и задним антикрылом. Таким образом, оно имело две основные боевые позиции над кабиной, перемещаясь с одной стороны на другую с помощью привода и получая свободную зону обстрела с каждой из сторон сновигатора.

На станции их встретил контролёр пребывания или, как они назывались у американцев, «хостес менеджер» (hostess) по имени Дэймон Холл и директор программы модернизации сновигаторов под незаурядным названием «Snow Battle» Эштон Сандерс.

– Приветствую вас на нашей станции! – восторженно встретил гостей Холл, – мы очень рады видеть вас и хотим поскорее представить вам наш общий новый проект «Snow Battle»! Это Эштон Сандерс, директор этой программы! – и Холл указал на стоящего рядом высокого человека в джинсах рубашке и больших жёлтых ботинках для туризма, который широко улыбался привычной американской улыбкой.

Все пилоты по очереди сделали рукопожатие, сначала с Холлом, а потом с Сандерсом.

– О том, как добрались, – продолжил Холл, – не спрашиваю – наслышан, примите мои искренние сопереживания по поводу вашего друга. Не волнуйтесь, его доставят сюда как

можно быстрее, у нас очень профессиональная команда спасателей! И он обязательно сможет присоединиться к вам в программе испытаний, а пока пройдёте – я вам покажу ваши комнаты.

– Скажите, – спросил Джонс по пути, – а я могу поговорить с диспетчером?

– Конечно! – в том же настроении воскликнул Холл, – вы прямо сейчас хотите это сделать или лучше дождёмся утра? Смена меняется через двадцать минут, я не уверен, что это будет удобно для вас обоих.

– А завтра с утра заступает та же смена, что и сегодня? – переспросил Джонс.

– Да, – улыбаясь, ответил Холл, – смены меняются ровно в девять и заступают на двенадцать часов, практически, как и везде.

– Хорошо, – сказал Джонс, – я обязательно напомним вам с утра об этом.

– Нет проблем! – коротко ответил Холл, – вот здесь по коридору располагаются ваши комнаты, вы можете занимать их в любом порядке, на этот раз протоколы программы не регламентируют, кто и где будет располагаться, кроме комнаты капитана. Через пол часа я жду всех вас в начале коридора, мы пройдём столовую на ужин, если кто-то не хочет есть на ночь – присутствие не обязательно. В любом случае, в столовой круглосуточно работает холодильник, где есть сэндвичи, хотдоги и пицца, а также кофе машина. В каждой комнате

есть микроволновка и холодильный шкаф с прохладительными напитками, но это стандарт – вы знаете.

– Похоже, от голода мы здесь точно не погрём, – шутливо сказала Фрэй Джонсу, обняв его руку и прислонившись к плечу щекой.

– О'кей! А теперь вы все свободны, у вас сорок минут на то, чтобы принять душ и переодеться.

Пилоты со своими вещевыми рюкзаками начали расходиться по комнатам. А Джонс нашёл дверь с никелированной табличкой, на которой гордо красовалась надпись «Captain», и скрылся за ней.

После ужина в начале одиннадцатого Джонс лежал на кровати у себя в комнате и пытался выстроить приблизительную структуру завтрашнего разговора с диспетчером. Он попрощался с Фрэй ещё в столовой, объяснив это очень сильной усталостью после тяжёлого маршрута, и теперь собирал мысли в кучу и концентрировал их на основной сути, упорно борясь со сном. В армии его учили не упускать из вида подозрительные неясности в происходящем и не откладывать их выяснение на потом, а сразу же по возможности делать все шаги к выявлению всех причин и факторов их возникновения. Это необходимо было делать для того, чтобы в последствии исключить ещё более серьёзные и фатальные ошибки, которые могли обладать структурой «снежного кома», постепенно накапливая мелочи и накатывая их друг на друга. Поэтому в принятии решения поговорить с диспетчером

и службой синоптиков он абсолютно не колебался, а ставил для себя эту задачу, как автоматическую по уставу. Сейчас его больше волновал способ, при котором необходимо было учесть в первую очередь уход от возможного провокационного скандала с персоналом, а во вторую – точное определение причин и выяснение правды. В следующем случае ухода от прямого ответа, необходимо было установить приблизительные мотивы, по которым это происшествие могло быть совершено намеренно. К дополнению всех этих его раздумий, в башку навязчиво и невыносимо лезли ассоциации всего происходящего с фрагментами из фильма «Семнадцать мгновений весны» про Штирлица, который также сложно планировал предстоящий диалог на допросе, сидя в пыточных подвалах «СС» у Мюллера. Больше всего Джона напрягало то, что все эти мысли, как и тактика его психологического поведения в последнее время начались после разговора с Фрэй, отдалённо напоминающего шизофренические и паранойяльные подозрения утомлённого к ночи головного мозга и сознания. Но, опять же из своего армейского опыта, он хорошо знал, что в таких случаях лучше сделать лишнее, а потом извиниться, чем не сделать и потом серьёзно пожалеть. К тому же из курса по психологии в высшем лётном училище он помнил одно высказывание, гласящее о том, что хороший руководитель должен быть немного параноиком и находиться в постоянном подозрении к каждому своему подчинённому и окружающей ситуации в целом. С

этими мыслями Джонс не заметил, как заснул.

Проснувшись утром в восемь часов, Джонс, как обычно умылся, почистил зубы, сделал пятьдесят отжиманий от пола, пятьдесят качков прессом живота, пятьдесят приседаний, принял освежающий душ и, выпив маленькую бутылку апельсинового фрэша, нажал на кнопку вызова хостес менеджера на информационной сенсорной панели интеллектуального компьютера, который был встроен в стену перед выходом из комнаты в коридор. В ответ на экране появился видеосигнал с камеры.

– Вы уже проснулись, капитан Джонс? Доброе утро! – поприветствовал его Холл с монитора всё с той же неизменной воодушевлённой улыбкой на лице, – я помню наш уговор, ждите меня в начале коридора, я сейчас к вам подойду!

Монитор тот час же погас, вернувшись в стандартный интерфейс. Джонс вышел из своей комнаты и направился вдоль по коридору, рассматривая исключительно оригинальную отделку стен, на которую, видимо, он не обратил вчера своё внимание по причине чрезвычайной усталости. На стенах были объёмные голографические фотографии с видами американского мегаполиса с высоты птичьего полёта.

Холл подошёл к назначенному месту примерно минут через пять.

– Пойдёмте, – легко пригласил он.

– Скажите, Холл, – спросил Джонс по пути их следования до административного модуля, – у меня такое чувство, что

с голографией на стенах коридора, где расположены наши комнаты, что-то не так.

– Что именно вам не понравилось, капитан Джонс? – спокойно переспросил его Холл.

– Мне кажется, что вчера их не было? – ответил он.

– Кого их? – переспросил Холл ещё раз с улыбкой.

– Этих небоскрёбов, – ответил тот.

– Скажу вам больше, – продолжал Холл, – когда вы вернётесь, их тоже не будет. Голограмма меняется каждые пол часа, а на ночь полностью выключается в целях экономии ресурса оптических нано частиц на микроэлектронной матрице, из которых она выполнена. Вы были на станции «Мусон» в первой своей миссии, наверняка вы обратили внимание на 3D-проекции, из которых были выполнены стены.

– Да, я хорошо их помню, – утвердительно ответил Джонс.

– Именно! Мы пошли чуть дальше и сделали проекции управляемыми, – продолжал объяснять Холл без доли эмоций в голосе, – там есть очень красивые виды Гранд Каньона в пустыне Колорадо штата Аризона, они мне нравятся больше всего.

Холл довёл его до рубки диспетчера в центре спутникового мониторинга и радиосвязи административного модуля станции.

– Знакомьтесь, это наш диспетчер Итан Ричардсон! – сказал Холл Джонсу, указывая на человека, сидящего в большом глубоком кожаном чёрном кресле перед множеством

мониторов и таких же больших и чёрных наушниках с микрофоном, – именно он вчера вёл вас по маршруту со станции «Купол Фудзи».

Человек развернулся в кресле на сто восемьдесят градусов, лицом к вошедшим и приспустил один наушник.

– Я слушаю вас, – произнёс он со спокойной заинтересованностью.

– Это Джонс, капитан команды российских пилотов, – представил его Ричардсону Холл, – у него есть к тебе какие-то вопросы. Я оставлю вас наедине, думаю, вы разберётесь здесь без моего участия.

С этими словами Холл вышел за прозрачную дверь диспетчерской рубки.

– Я внимательно слушаю вас, капитан Джонс? – обратился к нему Ричардсон.

– Как капитану команды, мне необходимо уточнить ситуацию с одним из моих пилотов, который вчера не смог выйти из бури. На каком этапе находится спасательная операция и как его самочувствие в данный момент? – начал издалека Джонс, чтобы отвести внимание.

– Что ж, прекрасно, – ответил ему Ричардсон, – ваш пилот сейчас находится там же, проверка связи была произведена при передаче смены пятнадцать минут назад. Его состояние в норме, всю ночь он спал. Буря на данный момент ушла дальше на северо-запад. Спасательная группа ещё не достигла координат его местонахождения и предположительно это

произойдёт сегодня к полудню. Тогда будут известны подробности. По описаниям сновигатор вашего пилота полностью занесён снегом. Мы попросили его не предпринимать никаких действий, в том числе не пытаться открыть кабину во избежание ухудшения ситуации и возникновении дополнительных проблем. Что-нибудь ещё, капитан?

Джонс сделал паузу, задумавшись на секунду, а затем снова спросил.

– Скажите, а каков был прогноз синоптиков в данной области на вчерашний рейс?

– Вы задаёте странные вопросы, капитан, – с явным подозрением и недовольством начал Ричардсон, – вы получили от меня этот прогноз вчера перед выходом на маршрут, и уверяю вас, со вчерашнего дня по сегодняшний момент он не изменился и не мог измениться. Мы все, также как и вы несём здесь персональную и очень высокую ответственность за свои действия. У вас возникают какие-то сомнения?

– Нет-нет, что вы? – галантно и очень осторожно начал ретироваться от явных намёков в диалоге Джонс, – вы должны понять меня. Я капитан, и несу ответственность не только за подкомандных мне людей, но и перед вышестоящими начальниками, при этом я действую в соответствии с протоколами, которые требуют от меня всех необходимых подробностей в моих отчётах.

– Я читал ваш протокол, капитан, и хорошо знаю всё его содержание, – отвечал ему Ричардсон, – однако не припом-

ню конкретных статей или пунктов, где бы точно упоминалось о такого рода подробностях в отчётах при выяснении обстоятельств происшествий. Однако если вы так просите и абсолютно в этом уверены, то я готов по возможности ответить вам на все интересующие вас вопросы. Что конкретно вы ещё хотите знать?

– Я хотел бы взглянуть на вчерашний прогноз погоды ваших синоптиков, – уверенно продолжил Джонс, – мне необходимо убедиться во всём самому, чтобы на будущее знать ситуацию, при которой возможны такие внезапные климатические катаклизмы в центре Антарктиды.

– Что ж, я готов вам предоставить любые отчёты в письменном и графическом виде, только уже в соответствии с моими протоколами мне будет необходимо для этого устное разрешение начальника станции, который в свою очередь потребует от вас подтверждение ваших требований от представителей вашего руководства. Если, хочу здесь всё-таки подчеркнуть, вас действительно интересует данная информация, то, для того чтобы обойтись без лишних процессуальных проволочек и сократить время, вам лучше всего обратиться за подтверждением к Архипу Великому, непосредственно в приёмную «Big Father House». Лучше всего это сделать после обеда, записавшись заранее. Архип не любит ранних посетителей.

Джонс немного оторопел, но не смутился и также корректно завершил дискуссию.

– Хорошо, я понял вас, Ричардсон. Именно так я и поступлю. Спасибо за предоставленную информацию.

– Всего доброго, капитан Джонс, – равнодушно ответил он, и, поправив снятый наушник, плавно и спокойно развернулся вместе с креслом в обратную сторону.

Джонс возвращался обратно с ещё более спорными мыслями в голове. С одной стороны всё происходило вроде бы, как и должно было происходить. С другой – присутствовала явная недораскрытость фактов, которые уводили всё его расследование в какую-то непонятную сторону. Естественно он однозначно решил пойти в приёмную «Big Father House», чтобы записаться на приём, но для начала ему нужно было выяснить общее расписание новой программы испытаний, поэтому он вернулся в свою комнату, чтобы вновь пообщаться с Дэймоном Холлом по видеосвязи.

ГЛАВА XIX. РАЗГОВОР С АРХИПОМ ВЕЛИКИМ.

(все диалоги в данной главе происходят на английском языке)

Возвращаясь по коридору в номер, Джонс обратил внимание на великолепные пляжи Майями, очередь которых, по-видимому, теперь наступила красоваться на стене. Повторив ту же самую процедуру, что и сорока минутами ранее, он опять связался с Холлом, который явно был чем-то занят, но с той воодушевлённой непосредственностью ответил ему.

– Я слушаю вас, капитан Джонс.

– Подскажите, Холл, где я могу ознакомиться с графиком проведения программы испытаний?

– Сегодня для вашей команды разгрузочный день. Руководство предписало всем отдохнуть и хорошо выспаться после тяжёлого маршрута, чтобы не перегружать свой организм, поэтому до обеда все абсолютно свободны. Обед ровно в час как обычно. До этого времени вы можете лишь проследить, чтобы ваши пилоты вовремя проснулись и проследовали в столовую, хотя в принципе это моя задача, и я однозначно прослежу за этим. После обеда я соберу вас в аудитории, и мы вместе обсудим все дальнейшие действия по программе, включая расписание, а пока вы можете быть свободны. У вас есть ещё ко мне какие-то вопросы?

– Нет, спасибо, – ответил Джонс.

– Всего доброго, капитан.

Джонс посмотрел на время, на его массивных часах марки «Полёт» с хронографом было ровно десять. Ранее он был уже в офисе «Big Father House», когда получал повышение до капитана группы от Архипа Великого, поэтому как пройти туда из жилого корпуса, он знал. Выбрав опцию «расписание» на сенсорной панели, он без труда нашёл искомый объект в общем списке. Приёмная открывалась в десять часов в будние дни. Джонс опять взглянул на свои часы, внизу на общем циферблате маленькими буквами многосложный автономный механизм информировал обозревателя о том, что

сегодня был четверг. Джонс посмотрел на себя в зеркало, после чего вышел и направился по множественным переходам в приёмную. Никого из своих пилотов за это время он пока ещё не встретил. Все спали, как и предполагалось местной администрацией.

В приёмной за стойкой рецепшн сидел молодой человек, референт в навороченном комбинезоне высшего управления корпорации без знаков отличия, но с маленьким круглым золотым значком офиса управления на воротнике в виде оригинального символа корпорации «Polar Navigation». Своим поведением он напоминал таможенника на пропускном терминале, который постоянно куда-то прямо смотрел, как бы не обращая внимание на происходящее вокруг. При этом создавалось такое ощущение, что он начинает пристально вглядываться в вошедшего в приёмную человека именно в тот момент, когда тот отводит от него свой взгляд, и вновь быстро возвращается в прежнюю равнодушную позицию, как только на него обратно переводят внимание.

Джонс подошёл ближе и обратился к нему.

– Здравствуйте, я капитан российской группы пилотов, Евгений Громов, позывной «Джонс». Мне необходимо встретиться с Архипом Великим по поводу подтверждения моего запроса в диспетчерскую службу станции, связанного со вчерашним происшествием во время маршрута.

Ответа не последовало. Джонс сделал паузу, и начал уже было переспрашивать, успев сказать только слово «прости-

те», но референт резко перебил его:

– Пождите!

Джонс простоял ещё около минуты, после чего референт продолжил:

– Вас ожидают, пройдите.

Джонс был крайне удивлён происходящему. Единственное, что до него дошло в момент, пока он заходил в дверь, так это то, что информация о том, кто он и зачем пришёл, была каким-то образом оперативно передана в офис, а оттуда на неё в свою очередь последовало разрешение.

Зайдя внутрь, Джонс моментально погрузился в резко напавшую на него своей низкочастотной глубиной атмосферу полумрака, кожаных стен и кресел, лакированного дуба и блеска нержавеющей стали.

Архип Великий стоял на верхнем ярусе перед ступеньками, лицом к Джонсу. На нём были серые костюмные брюки, серые лёгкие туфли – макасины из тонкой кожи, хорошая дорогая рубашка в широкую атласную вертикальную полосу, сверху была одета лёгкая кофта на пуговицах из серой шерсти с длинным вырезом, руки он держал в карманах брюк. Выражение лица было очень непонятным, скорее недопонимающее весёлым, чем недовольно вопрошающим. Прошла некоторая пауза, пока Джонс осознал, что просто молча стоит, хотя первая реплика по логике вещей ожидалась как раз от него. Архип, поражая своим ведением ситуации, весело усмехнулся и начал разговор первым, поставив Джонса в ещё

более неловкое положение:

– Я с утра обычно никому не предлагаю, но может, вы будете? Есть хороший американский коньяк, не отказывайтесь.

– Спасибо, – сказал Джонс, – не дополнив свою фразу смыслом, так как сам в этот момент не смог быстро определиться, отказаться ему или нет.

Архип быстро спустился лёгкой походкой вниз, подошёл к бару и ловко плеснул янтарную жидкость из хрустального круглого графина в два коньячных бокала, наполнив их чуть меньше половины. После этого он взял бокалы в разные руки, подошёл к Джонсу и протянул ему один с левой руки.

– Ваше здоровье, капитан!

Затем он пригубил свой бокал, отошёл к изголовью стола и сел в своё кресло.

– Садитесь, Джонс.

Джонс сел в одно из кресел, находящихся рядом, и тоже сделал маленький глоток. Коньяк, конечно же, оказался превосходным, в чём было бессмысленно здесь сомневаться.

– За вашу, успешную победу в последней миссии, Джонс! – произнёс ещё один тост Архип, подняв свой бокал вверх, и снова сделал глоток.

– За победу! – поддержал тост Джонс и тоже выпил.

– Как там ваш подопечный пилот, Аксель? – продолжил Архип как бы невзначай.

– С ним всё в порядке. Я собственно по этому поводу и пришёл. Мне нужно ваше подтверждение запроса для дис-

петчера станции по вчерашней погоде.

– Хорошо, – ответил Архип, – а что там такое с погодой?

На этом месте Джонс понял, что его очень ловко поймали со всех сторон, так как существовало всего два варианта событий: или он просто не прав в своих подозрениях и погода являлась обычной случайностью или ему сейчас придётся выкладывать все свои карты на стол перед основным игроком по версии Фрэй. Мысль пронеслась довольно быстро, но вот как правильно ответить в данной ситуации Джонс понять не мог, и в этот момент начала возникать та неловкая пауза, которая обычно рушит всю внешнюю гармонию прикрывающую внутреннее состояние.

– Дело в том, – продолжил Джонс, – что в рамках произошедшего события я считаю необходимым для себя ознакомиться со всеми подробностями, которые его сопровождали, в том числе картой погоды и прогнозом синоптиков на вчерашний день.

– Зачем? – коротко спросил Архип.

– В целях повышения опыта ведения прогнозов на предстоящие рейсы в будущем.

– Вы сами решили этим заняться или вам кто-то посоветовал? – спросил Архип.

Тут Джонс ещё больше впал в панику, но вида конечно не показал.

– Я подумал, что это является естественной процедурой для капитана команды в данной ситуации.

– А как капитан команды, вы чем регламентируете эти действия? – спокойно продолжил Архип.

Джонс понял, что конкретно ответить ему нечем, мямлить было ещё хуже, поэтому он решил выйти из этого тупика проще:

– Я просто посчитал это нужным для себя, вот и всё.

– Хорошо, – с лёгкостью ответил Архип, – тогда вернёмся назад. Вы сказали, что вам нужно подтверждение. Кто сказал вам, что оно нужно?

– Диспетчер Итан Ричардсон.

– Вы разговаривали с Ричардсоном?

– Да, я зашёл к нему в начале смены выяснить, как проходит спасательная операция.

– А до этого он вам не сообщал о погоде на текущий маршрут?

– В том-то и дело, что в прогнозе какие-либо предупреждения о буре отсутствовали.

– И это вызвало у вас подозрение?

Здесь Джонс понял, что его заводят в ловушку, и решил соврать:

– Нет, я же говорил уже, я просто хотел взглянуть на карту погоды, чтобы ознакомиться с подробностями.

– Скажите, Джонс, вы, являясь лётчиком морской авиации, знакомы с таким субполярным явлением, как «внезапный метеорологический сдвиг высокой шквальности»?

Здесь Джонс напрягся не на шутку. Он совершенно не

ожидал от Архипа Великого таких глубоких познаний в метеорологии.

– Собственно я понимаю, о чём идёт речь, – ответил он задумчиво.

– Тогда вы должны понимать природу возникновения таких бурь в полярных округах, близких к полюсу.

– Да я знаком с теорией возникновения спонтанных метеокатаклизмов.

– Тогда каким образом вы собираетесь структурировать опытную статистику такого явления, да ещё и на основе одной погодной карты?

Тут Джонс понял, что вести дальнейший разговор бесполезно, так как его просто «взяли за шиворот» и он решил ретироваться по-хорошему.

– Наверное, вы правы, господин президент, я действительно переусердствовал в своих намерениях, поэтому оставим эту тему. Возможно, это произошло от остаточного напряжения после тяжёлого рейса.

Архип ещё раз весело усмехнулся и, допив свой бокал, поставил его на стол. Джонс сделал тоже самое и с невозмутимым спокойствием закончил беседу:

– Знаете, я очень доволен, что зашёл к вам и ситуация разрешилась сама собой. Спасибо вам большое, за то что приняли меня и за коньяк конечно, он действительно очень хорош!

– Заходите ещё Джонс! Общение – это неизменный путь

к успеху.

– До свидания, господин президент!

– Всего доброго, Джонс!

И Джонс с явным чувством внутреннего идиотизма удалился за дверь.

Возвращаясь к себе в комнату, чтобы уйти от депрессивного стресса после разговора в офисе «Big Father House», Джонс составлял стандартную схему плюсов и минусов для каждого из подавляющих его состояние психологических факторов. Он однозначно проиграл эту дуэль, но зато не подал виду и не был полностью раскрыт в своих действительных подозрениях и недоверии к управлению. Он не получил никаких подтверждений своих подозрений, но зато, благодаря разговору с Архипом у него появился прекрасный вариант считать все эти мысли надуманными, а ситуацию просто случайным стечением обстоятельств без какого-либо заговора или тайных деяний за его спиной. Оставалось только одно – это то, что, в конце концов, карту погоды он так и не получил, а противопоставить ей тосты за рюмкой коньяка с Архипом Великим было бы всё-таки глуповато. Поэтому Джонс решил на этом месте просто расслабиться и забыть про данную ситуацию. Он даже не подозревал, что в скором времени он будет очень сильно поражён тому, как сейчас ошибался в абсолютно всех своих доводах.

ГЛАВА XX. НОВОЕ ОРУЖИЕ.

После обеда вся команда во главе с Дэймоном Холлом направились в аудиторию, где их уже ждали двое: один уже знакомый им директор программы испытаний Эштон Сандерс и специалист по новому оружию, инженер Харпер Беннетт, который был незамедлительно представлен окружающим, как только пилоты расселись по местам.

– Что ж, начнём, пожалуй, нашу вводную ознакомительную часть, – начал Сандерс, – на сегодняшний день предполагается проведение соревнований по гонкам на сновигаторах в трёх основных видах состязаний: спринт – дистанция, гонка с препятствиями и так называемый «Snow Battle». В первых двух сновигаторы комплектуются стандартно, а вот в третьем на внешнем корпусе монтируется оружие, спроектированное на сегодняшний день в трёх модификациях, которые вы наверняка уже видели на наших сновигаторах. О них вам более подробно позже расскажет мой коллега Харпер Беннетт, а пока остановимся на структуре проведения вашего обучения и испытаний.

На этом месте Сандерс привстал с края стола, на котором сидел, упёршись вытянутыми руками в столешницу, и, сделав глоток воды из маленькой пластиковой бутылки, которая стояла рядом, продолжил:

– Ваша программа будет состоять из теоретической части, которую будет вести Беннетт, и практической, в которой на последних этапах вместе с вами также бу-

дут принимать участие три наших пилота: Стив Эдисон позывной «Snowman» («Снеговик»), Брайн Хейс позывной «Baby Hugh» («Малыш Хью») и Джеймс Дженкинс позывной «Joker» («Джокер»). Практическая часть в свою очередь состоит из стрельбы по целям в неподвижном положении, то есть когда вы ведёте стрельбу из своего сновигатора, который стоит на месте. Далее задача усложняется, вы вдвоём с напарником преследуете друг друга по очереди, обстреливая с разных ракурсов и позиций. При этом в тренировку также входит выполнение и отработка уходов от обстрела. И в заключении вам предстоит пройти реальное состязание с нашими пилотами, где вы уже будете соревноваться по-настоящему со всей серьёзностью и азартом. При этом все упражнения будут выполняться на наших машинах, так как ваши, извините, пока ещё не оборудованы, с этим не всё так просто. В связи с чем вам придётся ко всему прочему освоить ещё и новое управление нашей американской моделью сновигатора «Антарктический фантом».

– Скажите, а что за вторая модель сновигатора стоит у вас на полигоне? – спросил Вэндэр.

– Она у нас, к сожалению, экспериментальная, доступ к ней строго ограничен, и названия пока ещё не имеет. Наши люди понемногу обкатывают её сейчас, но этапы ещё слишком ранние, чтобы о чём-то говорить.

Сандерс сделал небольшую паузу, чтобы дать время для новых вопросов, а затем продолжил:

– Для проведения данной программы комиссией не было установлено чётких временных регламентов, но были сформулированы критерии, которых мы с вами должны придерживаться. Так, например, мы не преследуем цели добиться от вас за время практических тренировок какого-то определённого уровня профессионализма, поэтому не обязательно тратить на это много времени. Для нас достаточно, чтобы вы просто могли выполнять те или иные действия. Однако нам необходимо, чтобы вы достигли понимания сути происходящего, то есть, как бы прочувствовали ситуацию и выработали соответствующие эмоции. Этого будет достаточно, профессионализм вы наработаете позже спустя время. Также для нас будет очень важно ваше мнение о том, как вы сами воспринимаете происходящее: что вам нравится, а что нет? Может быть, вы захотите что-нибудь изменить или дополнить, так как из таких мелочей и состоит вся картина в целом, которую мы потом будем предлагать потребителю в виде зрелища или попросту шоу. Я закончил свою часть. Теперь моё место займёт Харпер Беннетт, который предложит вам небольшой теоретический курс, касаемо оружия, о котором мы говорили. Беннетт, прошу тебя...

И Сандерс отошёл в сторону, после чего прошёл между рядами и сел в конце аудитории позади всех. Его место незамедлительно занял Харпер Беннетт, человек среднего роста, аккуратного сложения, одетый в спокойной офисной манере и в очках.

— Здравствуйте, — начал он, — я являюсь одним из научных руководителей, курировавших проектирование того самого оружия, о котором идёт речь. Это оружие представляет собой довольно сложные по конструкции энерго- импульсные бластеры, смодулированные в пушки различного типа, в зависимости от скорости генерации заряда, от дальности его распространения и соответственно мощности, то есть силы удара. Я не буду вдаваться в сложную физическую природу принципа их работы, а просто разъясню формулу отличия их видов друг от друга. Две одиночные пушки являются самыми дальнобойными, но обладают низкой скорострельностью, стволы стреляют поочерёдно. Две двойные пушки с вертикально-спаренными стволами имеют среднюю скорострельность, среднюю дальность и меньшую ударную силу каждого ствола, чем у предыдущей модели. И, наконец, любимый всеми «Пулемёт Гатлинга», — шестиствольное радиально-осевое орудие, обладает высокой скорострельностью, небольшой дальностью стрельбы и малой ударно-боевой способностью каждого ствола в отдельности. Я специально вынес за общие рамки показателей кучность стрельбы, так как в нашем случае здесь имеет место суммарная мощь, то есть на один выстрел одиночной дальнобойной пушки по мощности приходится десять выстрелов из пулемёта. Это важно понимать, так как если цель находится вдалеке, и в неё прошло попадание одиночного заряда, то на близком расстоянии это будет эквивалентно десяти выстрелам из пулемёта. Техниче-

ски при поражении цели эти заряды тоже отличаются. Если в первом случае происходит мгновенный атмосферный разрыв в области цели, то во втором он имеет нарастающий характер и достигает своего максимума в самом конце, поэтому стрелять нужно длинными очередями. Отсюда возникают плюсы и минусы в технике стрельбы. При стрельбе очередями очень удобно вести преследующий огонь на небольших расстояниях, так как цель не может резко оторваться от вас, уйдя в сторону из-за того, что вы всё время тянете за ней «хвост» из многочисленных зарядов. А в первом случае вам необходимо будет только хорошо прицелиться издали, и цель получит достаточный поражающий удар для потери своей курсовой стабильности. «Двойка», так мы между собой называем пушку с двумя вертикально спаренными стволами, по всем вышеописанным факторам стрельбы имеет усреднённое значение между одиночной пушкой и пулемётом. Теперь коснёмся критериев выбора.

Беннетт заложил руки за спину, повернулся в сторону, и, опустив голову вниз, глядя в пол, начал немного прохаживаться туда сюда:

– На данный момент комитет установил свободный выбор оружия, исходя из личностных тактических предпочтений. Причём оружие можно менять каждый заезд. Питание у всех трёх пушек одинаковое – это дополнительные аккумуляторные батареи высокой ёмкости, которые будут располагаться в ваших такелажных отсеках. Единственным отли-

чем является пулемёт, так как крепится на принципиально другой механической системе, но и она достаточно оперативно монтируется при соответствующей качественно выбранной подгонке под геометрию корпуса сновигатора. Что касается прицеливания, то оно аналогично системам военных истребителей. 3D-проекция прицела будет выведена на защитный экран ваших гермошлемов, наведение осуществляется поворотом головы с соответствующими ограничениями угла ведения стрельбы, у пулемёта он самый большой. В целом, при выборе для себя очередного типа оружия на каждый из следующих заездов, вы должны руководствоваться тем, с какого расстояния будет обстреливаться цель. Результатами попадания импульсных зарядов в область цели в первом случае является волновой удар по всей площади корпуса сновигатора, а во втором – быстро нарастающая разрежённость или, если точнее сказать, нестабильная плотность атмосферы вокруг него. Из-за таких объёмных скачков массы воздушной материи резко пропадает устойчивая инерционная связь с рабочим телом турбо-инертного потока двигателей и аэродинамическое взаимодействие боковых крыльев и общей обтекаемости фюзеляжа. Сновигатор как бы попадает в воздушный карман, резко теряя динамику общих физических связей, что приводит к потере скорости, управления, стабилизации устойчивости на трассе, в общем, всех курсовых показателей. В случае же волнового удара в корпус сновигатор просто выбивается с трассы с переворотом на

бок в большинстве случаев. При таком падении, как показала практика, пилоты внутри кабины никаких травм не получают, так как средние скорости в таких состязаниях достаточно низкие, пилоты находятся в пристёгнутом состоянии, и даже в случае последующего фронтально-лобового столкновения машины с препятствием внутренних подушек достаточно для того, чтобы пилот не пострадал. Машины, конечно, получают повреждения и зачастую значительные, но, как определила комиссия, они абсолютно не принципиальны на фоне общей показательности происходящего и все потери в конечном итоге компенсируются потребителем, то есть зрителями и болельщиками.

Беннетт остановился, повернулся лицом к слушателям, поправил очки пальцем к переносице и продолжил:

– Ну и в заключение об общей сути состязания. Заезды будут проводиться, как попарно, так и группами. Основная задача как всегда придти первым к финишу. Обстрел соперника в данном случае необходим для совершения обгона, чтобы не затягивать саму гонку. Таким образом, отстающий имеет возможность обойти или снять с дистанции лидирующего, а тот в свою очередь не должен расслабляться на своей позиции, уклоняясь от обстрела различными способами. Данный вид состязания будет происходить на трассах с препятствиями для сдерживания скоростного режима в определённых интервалах и повышения интенсивности действий и манёвров.

У меня к вам по теории всё. Как видите, достаточно простое содержание темы и ничего сверхсложного в ней нет. Сейчас мы с вами пройдем на первый тренировочный участок на полигоне, и я вам быстро продемонстрирую, как выглядит стрельба на элементарном примере, а завтра вы уже сами на том же месте будете по очереди тренироваться в своём первом курсе практических занятий. А пока сходите к себе и переоденьтесь в лётные комбинезоны, естественно не забудьте свои гермошлемы и держите рации в активном режиме, сегодня за бортом минус тридцать пять градусов. Встречаемся у выхода со станции.

С этими словами Беннетт направился в конец аудитории к Сандерсу, а пилоты во главе с Джонсом удалились в жилой модуль.

После того, как все переоделись и собрались внизу, Сандерс и Беннетт повели всю группу на площадку с другой стороны станции, где располагался тренировочный периметр, специально оборудованный по принципу охотничьего тира, на котором в одиночестве стоял сновигатор модели «Antarctic Fantom» с одиночными орудиями. Примерно в ста метрах от него вертикально стоял помятый контейнер из профлиста, по объёму совпадающий с габаритами сновигатора и отблёскивающий на солнце стальной поверхностью. Группа подошла ближе, Беннетт дистанционно открыл кабину и залез по трапу внутрь:

– Ну что вы готовы? – спросил он по рации, повернув го-

лову в сторону наблюдавших.

Через мгновение произошёл быстро нарастающий электронный писк, один из стволов дёрнулся назад как при отдаче и прозвучал довольно внушительный низкочастотный хлопок. Было видно, что что-то прозрачное, но всё-таки преломляющее свет, имеющее нечёткие границы очертания, с невероятной скоростью вылетело из дула ствола в направлении цели. Мгновенно перед фронтальной плоскостью контейнера произошёл резкий взрыв с распространением некоторой сферической туманности около двух метров в диаметре, как если бы мешок с мукой взорвали изнутри. При этом был слышен характерный звук ударной волны по всей фронтальной плоскости контейнера, а сам контейнер отскочил на пол метра, пошатнулся и упал назад. Следующий выстрел прошёл из ствола с другой стороны. Он был в точности таким же и подвинул лежащий на боку контейнер ещё дальше, развернув его одной стороной. В целом зрелище было очень необычное и потрясающее. Всем сразу же захотелось попробовать.

– Скажите, а можно попробовать? – спросил Хэлбокс.

– Завтра, – с явной весёлой ноткой в голосе ответил Беннетт, – надо придерживаться расписания. Завтра с утра здесь будет стоять три сновигатора. До обеда тренируется первая группа, после обеда – вторая. А на сегодня эта машина занята. У нас каждый день проходят тренировки пилотов, график очень плотный.

С этими словами Харпер Беннетт спустился по трапу вниз и, поравнявшись с группой, сказал:

– На сегодня мы закончили, все свободны, руководство настойчиво требовало от нас, чтобы вы сегодня не перетружались.

– Не забудьте, ужин в шесть часов, – добавил Сандерс, направляясь к станции.

Собравшиеся начали медленно расходиться.

ГЛАВА XX. ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ.

После ужина Джонс направился в диспетчерскую рубку для того, чтобы узнать новости о спасательной операции. Итан Ричардсон вёл с кем-то переговоры в эфире и встретил его, повернувшись в пол оборота своего кресла. Он сразу же развернулся обратно и, не снимая наушников, протянул назад через правое плечо несколько распечатанных листов отчётной статистики, где было указано, что сегодня в пятнадцать часов двадцать восемь минут сновигатор российской команды был обнаружен спасательной группой в соответствующем квадрате Полярного Плато. Пилот был успешно эвакуирован, состояние его здоровья не вызывает опасений и в настоящее время он направляется с группой эвакуации обратно на станцию «Амундсен-Скотт». Предположительное время прибытия – утро следующего дня. Его сновигатор был извлечён из снежного заноса и транспортируется

на буксире. Ниже стояла подпись диспетчера Ричардсона и было указано время передачи сообщения в радио эфир: семнадцать тридцать семь.

Джонс забрал отчёты с собой и удалился. Его негативные настроения теперь были полностью исчерпаны. Он спешил вернуться в жилой сектор, чтобы рассказать об этом друзьям, особенно Кэтрин, которая очень переживала в последнее время, хотя и старалась не подавать виду. Кэтрин очень обрадовалась такой новости и сразу же преобразилась лицом, в ней начала чувствоваться та же настойчивая уверенность, что и раньше. В последующем развитии вечера ничего особого не происходило, вся команда постепенно улеглась спать.

В половине пятого утра Джонса разбудил звонок видео вызова. Он кое как вылез из объятий спящей Фрэй и добравшись в полумраке до входной двери, ответил на него, нажав в дежурном интерфейсе окно приёма вызова. На экране появился Сандерс:

– Капитан, вы должны немедленно собраться и проследовать со мной до центрального входа. Прибыла спасательная группа. Мне необходимо, чтобы вы освидетельствовали факт доставки на станцию вашего пилота в целости и сохранности и поставили соответствующую подпись в акте прибытия.

– Хорошо, я сейчас спущусь! – ответил он.

Джонс и Аксель встретились внизу и обнялись, в этот мо-

мент как раз подошёл и Эштон Сандерс.

— Что ж, — сказал он, протянув документ на канцелярском планшете, — я очень рад, что вы оба довольны, будьте добры...

С этими словами Сандерс протянул второй рукой Джонсу свой обычный стальной автоматический «Parker».

— Практически, как на почте, — пошутил он, — всё я больше не задерживаю вас, тоже хочу спать, всего доброго.

И, развернувшись, быстро удалился.

Джонс проводил Акселя в жилой корпус, где показал ему комнату Кэтрин, а сам ушёл досыпать до подъёма.

В девять — тридцать утра все проследовали на завтрак, во время которого в столовую заглянул Сандерс и предупредил Джонса, чтобы после завтрака команда построилась у выхода для проведения короткого инструктажа. На повестке дня было быстро сформулировано и выделено четыре основных положения: команда должна оперативно разделиться на две группы; первой группе пилотов необходимо быстро переодеться и проследовать на тренировочный периметр, где, меняясь по очереди, они должны до обеда отработать прицельную стрельбу из трёх видов орудий на сновигаторах; вторая группа в это время вместе с Харпером Беннеттом будет проходить теоретический курс по манёврам уклонения от обстрела во время гонки; после обеда группы меняются местами.

В десять — двадцать команда разошлась на выполнение

поставленных задач. Джонс, воспользовавшись приоритетом командира, из особого любопытства вынес решение отправиться на тренировки по стрельбе первым со своей группой «А», в которую на этот раз вошли Кэтрин и Вэндэр. Фрэя, на сей раз, временно возглавила вторую группу «Б» из остальных членов команды.

Измученный нетерпимым ожиданием, Джонс, наконец, залез в кабину одного из американских сновигаторов на тренировочном периметре с двойными вертикально спаренными пушками и с трепетным воодушевлённым интересом поудобней разместился в новом и непривычном для него салоне «Antarctic Fantom». Он поворотом головы навёл на цель светящуюся зелёным цветом на защитном экране гермошлема крестовину прицела в квадратных скобках, похожих на те, которыми обозначают модуль в математике, и, мягко сложив пальцы на правом джойсте штурвала, плавно выжал указательным пальцем курок. Прошёл быстрый каскад электронного писка с четырьмя характерными щелчками, напоминающими по звуку постукивание дизельного двигателя автомобиля при работе, и, не успев осознать ситуацию до конца, Джонс почувствовал два резких динамичных выстрела с каждой из сторон, которые в свою очередь состояли из двух ещё более коротких. Цель в виде контейнера отлетела на несколько метров дальше, получив четыре средних по мощности удара с разорвавшимися в воздухе в разные стороны белыми сферическими следами разрывов, структурно

напоминающими салют. Джонс сразу ощутил, что по силе выстрела четыре пушки сопоставимы с двумя одиночными, но общие ощущения при выстреле были другими. Сначала он замер от всплеска позитивных эмоций, так как ощущения были непередаваемыми. Затем его глаза загорелись азартным блеском, и он осознал весь драйв происходящего. Он повторил залп ещё раз и ещё, пока контейнер не улетел в зону недостижимости удара, то есть заряд долетал, но удар был слишком мал по своей мощности. Тогда Джонс запустил машину и осторожно приблизился, чтобы повторить обстрел.

– Ну и как вам это?! – с весёлой заинтересованностью спросил он у Кэтрин и Вэндера спустя десять минут.

– Я в шоке! – ответил Вэндэр, который в это время обстреливал свой контейнер очередями из пулемёта, но на более близком расстоянии.

– А мне через каждые два залпа долго переезжать приходится, – пожаловалась Кэтрин, оперируя одиночными пушками, – а стрелять прикольно, давайте меняться с кем-нибудь?

– Отставить меняться! – шутливо скомандовал Джонс, – время потеряем при постоянной смене машин, поэтому давайте на время по часу!

– О'кей, – отозвался Вэндэр, – чур, я следующий на «двойке».

Особого внимания, конечно, заслуживала стрельба из пулемёта. Белые мутные разрывы в воздухе начинались по оче-

реди на некотором расстоянии до цели и постепенно продвигались к ней, в дополнение, вздымая сполохи снега, что добавляло особой эстетики боя. Таких сильных ударов по корпусу контейнера, как у одиночных пушек, они не вызывали, но было видно, что достаточное вытеснение они всё же производят, особенно при близком расстоянии. Также от них было на порядок больше снега вокруг, что должно было значительно снижать видимость у противника при его обстреле. Сам процесс обстрела цели однозначно провоцировал у пилотов большой интерес и влечение. Джонс обратил внимание на то, что перемещение между позициями до следующего выстрела вызывает некоторое раздражение, и вся основная заинтересованность в процессе испытаний приходится именно на стрельбу. Все были в достаточной степени увлечены, периодически переползая с места на место по периметру, и совсем не заметили, как прошло время.

– Пора меняться, Джонс, – воскликнула Кэтрин.

– Хорошо, давайте, – ответил он.

Сновигаторы сблизились и они поменялись местами. Теперь на «двойке» сидел Вэндэр, Кэтрин захватила пулемёт, а Джонсу достались одиночные пушки, и шоу продолжилось. Так они простреляли до обеда, поменявшись местами ещё один раз, пока в рации не послышался голос Сандерса:

– Внимание, группе на тренировочном периметре покинуть машины и пройти на станцию!

Джонс, Кэтрин и Вэндэр прекратили стрельбу, вылезли из

сновигаторов, закрыли кабины и с явным внутренним удовлетворением, как у ребёнка после детских аттракционов, направились к главному входу станции.

– Ну как пострелялось? – спросил Холбокс у Джонса с остальными членами группы «А», вошедших в столовую.

– Это стоит того! – утвердительно заявил Джонс.

– Отлично, я так и знал, – сказал Хэлбокс, – не терпится поскорее попробовать!

– А у вас что было? – спросила Кэтрин обращаясь непосредственно к Фрэе.

– Немного нудная лекция под запись на двадцать страниц со схемами о тактике выполнения резких торможений и боковых уходов в свободных зонах и вблизи препятствий.

– А что там препятствия ещё будут какие-то? – переспросил Вэндэр.

– Да, – отвечала Фрэя, – «Snow Battle» будет проводиться на смешанной дистанции с искусственными трамплинами и различными препятствиями из легких материалов, поэтому техника прохождения будет достаточно сложна многообразна.

В столовую зашёл Харпер Беннетт:

– Капитан, Джонс, я буду ждать вашу группу в аудитории.

– Хорошо, – ответил тот.

После обеда группы разошлись по своим местам в продолжение проведения программы испытаний. Вечером того же дня Эштон Сандерс попросил Джонса вывести команду на

построение в коридоре жилого корпуса и раздал всем анкетные листы, с подробным опросом о своих впечатлениях, замечаниях и пожеланиях, касаемо сегодняшних тренировочных испытаний.

– Анкеты должны быть готовы к завтрашнему утру, – сказал он серьёзным тоном, – я заберу их у вас в столовой перед завтраком. На завтра планируется общая практическая часть, поэтому после завтрака все должны пройти к себе в комнаты, быстро переодеться в лётные комбинезоны и собраться внизу у главного входа к половине одиннадцатого! Приятного вечера!

С этими словами он удалился.

ГЛАВА XXI. ПОДВИЖНАЯ ЦЕЛЬ.

На следующий день уже на построении внизу у главного выхода Эштон Сандерс вместе с присутствующим с ним Харпером Беннеттом по очереди объясняли пилотам суть и подробности последующих испытаний.

– Вы должны разделиться на пары, – говорил Сандерс, – после этого каждая пара займёт по два сновигатора, один из которых в каждой паре будет боевой, а второй – специальный тренировочный с усиленным корпусом и дополнительными системами безопасности, такими как усложнённая

электро-пневматическая подвеска кресла пилота. Эта мера специально разработана нами для того, чтобы при многочисленных сильных ударах, толчках или переворотах пилот испытывал как можно меньше поражающих или травмирующих воздействий, так как акселерометры системы подушек безопасности в этом случае настроены на очень критический режим использования. Машины тренировочные, поэтому лишены половины навигационного и другого вспомогательного оборудования, что существенно снизило их вес. Поэтому учтите эти изменения при выполнении обычных манёвров, вы можете просто перевернуться, не рассчитав инерцию при боковом уходе от обстрела. Фактически это даже не сновигатор, а специальный тренировочный муляж для выполнения роли «жертвы», но не волнуйтесь, после каждого заезда вы будете меняться местами с напарником, и подвергаться обстрелам в следующем заезде будете уже вы. Теперь я передаю слово моему коллеге Беннетту, и Сандерс отошёл в сторону.

– Итак, продолжим, – начал Беннетт, – в каждой сформированной паре у нас по два заезда, после чего вы меняетесь сновигаторами и снова делаете по два заезда, меняясь местами уже внутри пары. Вы все пойдёте одновременно друг с другом по трём разным коротким тренировочным дистанциям, благо на нашем полигоне их много. Мы будем внимательно следить за вами по видео камерам, расположенным на сновигаторах и с дежурных квадрокоптеров. Основное вни-

мание вы должны обращать на скорость, она не должна превышать пятидесяти узлов, так как это тренировка! Затем – на постоянный обстрел преследуемого, нам необходима полная картина с максимальным боевым режимом, а не перегонки. И последнее, если вам сказали, что тренировочный сновигатор – муляж, это вовсе не значит, что он ни что не способен, все его функции управления, включая прямолинейную дифференциацию корпуса задним антикрылом, сохранены и превосходно работают, поэтому вы не должны просто так вести машину в ожидании атаки. На всём протяжении гонки вам необходимо максимально уклоняться и уходить от обстрела, о чём мы с вами говорили вчера на лекции, рассматривая общую теорию тактического поведения под обстрелом на скорости. Направление маршрута будет отображаться стрелочкой на ваших цифровых мониторах курсовой ориентации. А теперь прошу всех пройти на полигон и занять свои места в машинах. Старт по команде с обратным отсчётом. Желаю успешного выполнения!

Пилоты вышли на стартовый полигон и направились к сновигаторам. В первом заезде группы распределились следующим образом: Джонс преследовал Хэлбокса, Кэтрин преследовала Вэндэра, а Аксель преследовал Фрэю. Учебным сновигаторам оказалась довольно помятая изменённая версия модели «Antarctic Phantom», на той же базовой платформе. Прошла команда на старт, пилоты начали движение. – Не забывайте про ограничения скорости! – слышался

в рации голос Харпера Беннетта.

Джонс, который на этот раз занял сновигатор с одиночными орудиями, начал обстрел Хэлбокса. Первые заряды прошли мимо, оставшись позади преследуемого сновигатора. Затем Джонс приноровился, поняв, что прицел нужно брать чуть раньше, чтобы заряды приходились на центральную часть корпуса, и довольно удачно провел серию из двух выстрелов прямо по центру сновигатора Хэлбокса. Тот в свою очередь сильно накренился от удара, привстал на одну лыжу и начал уходить в лёгкий занос, но справился с управлением и выровнял машину. В эфире ясно слышался эмоциональный всплеск Хэлбокса:

– Ух ты! Ничего себе!

– Ты в порядке, Хэл?! – забеспокоился Джонс.

– Поменяемся местами, вот тогда узнаешь, – с шутливым злорадством произнёс Хэлбокс.

Следующий залп у Джонса не получился, так как Хэлбокс оказался не простым парнем, а сразу подхватил методы, описаны на теоретическом курсе у Беннетта. Он начал оперировать периодическими уходами в разные стороны в иррациональном сбивчивом темпе, так, что невозможно было просчитать нужный момент для выстрела, то есть попросту говоря прицелиться. Однако спустя пять минут таких манёвров Джонсу всё-таки удалось случайно попасть такой же парой зарядов сначала по носовой части сновигатора, от чего машину резко развернуло на десять градусов, подставив под

следующий заряд сопла ионных двигателей, куда и пришёлся второй заряд достаточной силы. В следующий момент произошёл энергетический хлопок, который поднял за сновигатором Хэлбокса огромный столб снежной массы, и двигатели заглохли. Сновигатор, как подбитый истребитель ушёл по инерции в сторону и остановился.

– Блестяще!!! – закричал в эфир Сандерс, – это просто восхитительно, я вас поздравляю! Такого у нас ещё ни разу не происходило, капитан Джонс, вы первые, кто добился такого потрясающего результата!

– Джонс, возвращайтесь на базу! – скомандовал Беннетт, – Хэлбокс, вы слышите меня?

– Да я слышу вас хорошо!

– У вас всё в порядке? – продолжал Беннетт.

– Не совсем, двигатели повторно не запускаются, в момент хлопка что то критически треснуло, ударило или разорвалось внутри корпуса сновигатора в задней части.

– Скорее всего, это трубки высоко давления, ничего страшного, не беспокойтесь, дождитесь эвакуатора, это около сорока минут или можете дойти пешком до станции, если вам будет угодно, по этому маршруту никто больше не движется.

– Я дождусь эвакуатора, а что мы в нашей паре больше не будем сегодня соревноваться из-за этой поломки? – переспросил Хэлбокс расстроенным голосом.

– Ни в коем случае! – отозвался Беннетт, – мы сейчас же

выделим вам ещё одну машину. У нас таких тренировочных сновигаторов десятков в ангаре стоит, предусмотрено всё.

Кэтрин оперировала пулемётом, практически без остановки, заставляя Вэндэра убегать от белого снежного шквала, как от собственного хвоста, попадая в который его сновигатор сразу терял скорость и управление, застревая на месте, а затем при естественном обгоне преследующим сновигатором Кэтрин, получал остаточные «обидные» удары по корпусу, пока угол атаки пулемёта не превышал критический и обстрел становился не возможным. После этого Кэтрин останавливалась и Вэндэр снова продолжал движение, уходя вперёд для принудительного выполнения роли жертвы, как послушный мальчик у своей Госпожи.

Аксель же планомерно оттачивал серии атак, для чего «двойка» подходила как нельзя лучше на средних дистанциях интервалов между сновигаторами. Фрэя то и дело получала хорошие удары по корпусу, от чего её сталкивало в стороны с основной дистанции, и приходилось прибегать к обманным манёврам различного рода, чтобы избежать повторения подобных неприятных ситуаций. Например, постоянно отслеживать в мониторы заднего вида работу стволов, которые совершали характерные движения перед выстрелами и в этот момент практически одновременно с выходом заряда резко уходить в сторону. Получалось не всегда успешно, однако практически всегда вторая пара зарядов проходила мимо корпуса, а силы первой пары было недостаточ-

но для того, чтобы нанести значительные помехи для дальнейшего движения по курсу следования. На одном из виражей Фрэй ушла на трамплин. Машину хорошенько подкину вверх. Аксель сделал тоже самое и в момент прыжка совершил несколько серий парных выстрелов. В сновигатор Фрэй он не попал, но получилось очень красиво и эффектно.

– Вот! Вот, что нам нужно больше всего! – прозвучала восторженная реплика Сандерса, – именно за такие трюки люди готовы будут платить, а также это привлечёт ещё больше зрителей и повысит рейтинги. Это очень – очень важно для развития и продвижения программы состязаний! Побольше трамплинов! Побольше стрельбы! Побольше грандиозных манёвров! Это нужно оттачивать! Этим нужно заниматься! Мы введём систему баллов, – за каждый хороший прыжок или экстремальный вираж будут начисляться дополнительные баллы! Это было великолепно! Поздравляю вас!

Пилоты ещё некоторое время тренировались между собой, после чего было принято решение сделать перерыв до обеда и после обеда продолжить при другом распределении позиций внутри пар.

Вечером после ужина Сандерс опять раздал анкеты с теми же указаниями, что и в предыдущий раз. Теперь у пилотов появилась новая тема для продолжительных разговоров и обсуждений между собой. Они постоянно рассказывали друг другу о подробностях и ощущениях во время своих заездов, перечисляли плюсы и минусы стрельбы из раз-

ных типов оружия и управления сновигаторами, а также делились советами и опытом в тонкостях проведения манёвров и виражей.

Однозначным выводом можно было сделать то, что с появлением программы «Snow Battle» у пилотов повысился интерес к происходящему, добавилось азарта и эмоциональных переживаний, что и требовалось получить в качестве необходимого результата американским специалистам для обоснования своих вложений с целью последующего получения прибыли от использования новых разработок.

ГЛАВА XXII. ПЕРВЫЙ СПАРРИНГ.

– Сегодня наш последний день программы испытаний, – говорил Эштон Сандерс на построении после завтрака, – и мы предлагаем вам выбрать несколько лучших пилотов из вашей команды, чтобы сразиться сегодня в настоящих состязаниях с нашими пилотами. Я бы с радостью предложил вам участие всех членов вашей группы, но, к сожалению, уверен, что после нескольких заездов оборудованные оружием машины, скорее всего, выйдут из строя, а у нас их всего три, как вы знаете. Из чего несложно понять, что если в первом заезде выйдет один повреждённый сновигатор, то останется ещё два для совершения второго заезда. С нашей стороны мы тоже поменяем пилота после первого заезда, не зависимо от результата, для поднятия интереса и общей информатив-

ности, касаемо их профессионального уровня. Итак, два на два, очередь за вами – выбирайте! Всех остальных я приглашаю в аудиторию, куда будет транслироваться весь процесс первого международного спарринга в формате «Snow Battle» программы «Polar Navigation».

– Ну что? – начал Джонс, – предлагаю себя и Кэтрин, если нет особо страждущих.

– Я вообще-то хотел, Джонс! – отозвался Хэлбокс.

– Ну, хорошо, Кэтрин, ты как сама готова постоять за честь нашей команды? – спросил Джонс.

– Да, конечно, почему нет? – отозвалась она.

– Ну ладно, – сказал Джонс, – в таком случае, если больше нет мнений, тогда пойдут Хэлбокс и Кэтрин.

Пилоты убедительно качали головой и изображали мимикой полное согласие с ситуацией.

– Всё тогда, – произнёс Джонс, – желаю вам успехов, не расстраивайтесь, если начнёте сразу проигрывать, главное это осторожность!

Остальные из группы тоже начали желать им удачи и подбадривать перед первым выступлением, после чего разошлись в разных направлениях: Кэтрин и Хэлбокс пошли к себе в комнаты переодеваться, а пилоты – занимать места поудобней в аудитории, где проходили теоретические занятия с Харпером Беннетом.

Когда Хэлбокс и Кэтрин спустились вниз, в холле у главного выхода их ждали четверо человек. Двое были уже хоро-

шо знакомые Сандерс и Беннетт, а двое других, по-видимому, были теми самыми пилотами, так как стояли переодетыми в лётные комбинезоны американской стороны.

– Знакомьтесь, – произнёс Сандерс, обращаясь к подошедшим Хэлбоксу и Кэтрин, – это два наших пилота Брайн Хейс по кличке «Малыш Хью» («Baby Hugh») и Джеймс Дженкинс по кличке «Джокер» («Joker»). Мы намеренно отстранили третьего нашего пилота Стива Эдисона по кличке «Снеговик» («Snowman») от возможности участия в этом спарринге, так как по заключению наших экспертов на сегодняшний день он является самым результативным и профессиональным из пилотов, и данное состязание просто может быть превращено в скучное зрелище с заранее известным концом, а мы хотим посмотреть на реальное борьбу и сопротивление.

Хэлбокса и Кэтрин немного задели эти слова, но они оба не подали виду, да и особо возражать не было никакого смысла, так как и дураку было понятно, что американцы уже достаточно натренировались в гонках с оружием, а наши пилоты только начинали его использовать.

– Что ж, приступим, – сказал Беннетт, – кто из вас пойдёт первым?

– Я пойду! – с уверенностью ответила Кэтрин.

– Хорошо! – сказал Беннетт, – какой тип оружия вы выбираете?

– «Двойку», если можно, – ответила она.

– Ну что ж, тогда прошу вас пройти и занять свои места в сновигаторах на полигоне. Против вас выйдет «Малыш Хью», с одиночными орудиями.

Пилоты удалились.

– А вас я попрошу пройти вон туда, – и Беннетт указал на небольшой конференц-зал в дальней стороне холла, – там тоже настроен видео обзор, и вы сможете с комфортом наблюдать за происходящим.

Когда пилоты заняли свои места в сновигаторах, в радиии послышался голос Сандерса:

– Ну что, если вы готовы, я начинаю обратный отсчёт. Дополнительный указаний не будет, машины можете не жалеть. Побеждает тот, кто приходит первый к финишу. Самое главное собственная безопасность, так что без фанатизма по отношению к себе. Итак, приготовились! Пять... четыре... три... два... один! Поехали!

Два сновигатора уже с разогретыми двигателями рванули с места довольно аккуратно и не спеша. Они начали набирать скорость параллельно друг другу, следуя по курсовому указателю. Через несколько минут на трассе начали появляться трамплины и небольшие препятствия в виде огромных целлофановых кубов, набитых лёгкими поролоновыми мячами. Пилоты аккуратно обходили их, не утруждая себя дополнительной нагрузкой при заезде на искусственные трамплины. Трасса была достаточно протяжённой, на мониторе курсовой ориентации присутствовал обратный отсчёт расстояния до

финиша, который давал ясно понять, что до конца осталось девяносто три мили. Скорость машин с учётом препятствий составляла семьдесят узлов и колебалась в интервале плюс – минус пять узлов. Кэтрин, решила не идти на уловки явным отставанием от соперника в надежде провести после этого удачную атаку по его сновигатору, а просто ускорила форсажем, для совершения значительного обгона по маршруту. Через несколько минут она очень пожалела об этом, – буквально в одном метре от лобового стекла внезапно и неожиданно с сильным ударом разорвало заряд. Кэтрин не на шутку испугалась и по реакции дёрнула штурвал в сторону. Её сновигатор чуть не потерял управление. Она посмотрела на спидометр, скорость упала до шестидесяти узлов. Кэтрин начала осознавать, что очень неудачно превратилась в лёгкую хорошую мишень, и надо было срочно что-то предпринимать. Для начала она всё-таки опять увеличила скорость в надежде оторваться, но уже через мгновение ситуация повторилась и в корпус опять прилетел хороший заряд, довольно интенсивно оттолкнув её к краю трассы. Тогда Кэтрин начала маневрировать влево – вправо, чтобы сбить наводку противника. Было очень трудно контролировать сразу два направления обзора даже на такой не большой скорости: спереди вновь возникали препятствия и трамплины, а сзади маячил «Малыш Хью», который оказался довольно-таки вредным пакостником. Потихоньку прибавляя форсаж и продолжая боковые манёвры Кэтрин всё-таки начала набирать ско-

рость, но выше восьмидесяти узлов она не могла правильно контролировать управление машиной, так как совершенно не знала трассу, а препятствия на скорости возникали чаще и быстрее. Здесь она осознала, что в этом и заключается главное её несчастье, так как уйти вперёд не получается из-за незнания трассы, а соответственно набрать скорость, чтобы оторваться она не может и становится хорошей мишенью для обстрела. Теперь надо было думать, как поступить далее, потому что на скорости в семьдесят узлов постоянно маневрировать под обстрелом сзади в течение полутора часов ей представлялось не очень удачной перспективой. Необходимо было понять, как грамотно выполнить отставание от соперника, чтобы изменить своё положение в гонке и вести обстрел уже по нему. Кэтрин начала перебирать в голове варианты и уже дошла до способа, который по её мнению позволил бы выполнить такой манёвр более грамотно и внезапно, уйдя на трамплин и резко затормозив после него, а точнее ещё в воздухе при прыжке, но в этот момент она получила однозначную и категоричную связку из четырёх ударов от выстрелов в момент, когда она ослабила постоянные боковые манёвры по сторонам, видимо, из-за того, что отвлекла внимание другими мыслями в голове. Разрывы зарядов проследовали один за другим достаточно поражающе. Кэтрин даже вскрикнула от неприятного оглушающего шквала ударов в корпус машины и поняла, что в этот момент просто перевернулась. Впереди в лобовом стекле сразу появилась кар-

тина встречного быстрого плотного снега. Она почувствовала явное быстрое замедление машины со снижением свиста и гула ионных силовых установок. Послышался шуршащий звук трения поверхности сновигатора о твёрдый снег. Наконец, машина упёрлась и зарылась в сугробе. Это был конец.

– Кэтрин, у вас всё в порядке? – прозвучал в эфире вопрос Сандерса.

– Я в порядке, можно меня отсюда вытащить побыстрее, я вниз головой вишу, – отозвалась она.

– Придётся подождать минут тридцать, спасательная команда уже выехала, – сказал Сандерс.

Через тридцать минут Кэтрин услышала шум подъехавшего вездехода и голоса спасателей. Затем слышались многочисленные стуки, скрежеты и прочие механические шумы, пока, наконец, сновигатор Кэтрин внезапно и резко не вырвался из снежного плена под напряжённый рёв двигателя вездехода, перевернувшись обратно. Снег моментально осыпался с кабины и она увидела ребят из спасательной службы в оранжевых комбинезонах, один из которых, улыбаясь, весело помахал её рукой. Она посмотрела в сторону и увидела широкие матерчатые стропы, которые были зафиксированы на краях полозьев её сновигатора, а с другой стороны зацеплены за буксировочный гак вездехода.

– Попробуйте запустить двигатели, – сказал в рацию один из техников – спасателей, который стоял напротив.

Кэтрин запустила силовые установки, слышался нараст-

тающий свист.

– Хорошо, – снова продолжил он, отойдя в сторону, – а теперь поработайте штурвалом влево – вправо и вперёд – назад.

Кэтрин потянула рукоять штурвала в левую сторону, куда пришлись последние удары, послышался неприятный звук сопротивления гидравлики, мониторы и кнопки резко замигали, сработала звуковая сигнализация и на основном дисплее высветилась и замигала большая красная надпись «Внимание! Критическая ошибка системы бокового руления!».

– Всё понятно, отбой! Глушите установки! – громко произнёс тот же человек, – Будете сидеть внутри или поедите с нами? Мы возьмём сновигатор на буксир.

– Я посижу здесь, – ответила Кэтрин, – спасибо.

– О'кей! – сказал техник, и команда начала операционные действия по подготовке к взятию сновигатора на буксир.

Вернувшись обратно, Кэтрин встретила у главного входа Сандерса, рядом с ним стоял Хэлбокс наготове к следующему заезду.

– Ничего страшного, – начал успокаивать Сандерс, – для первого раза вы были просто великолепны!

– Спасибо, – ответила Кэтрин, хотя конечно было немного досадно и обидно так быстро проиграть.

– Я отомщу за тебя! – с саркастичной чрезмерной самоуверенностью сказал Хэлбокс.

– Ой, да ладно тут рыцаря передо мной строить, – ответила она ему, – смотри там сам раньше времени не облажайся.

Сандерс незаметно для всех улыбнулся несколько загадочной улыбкой, поворачивая голову прямо, с таким видом типа «давай – давай, конечно же...» Малыш Хью к тому времени уже вернулся и, заходя на станцию, ловко и быстро хлопнул Сандерса своей ладонью по его ладони в качестве чёткого классического приветствия победителя, выполнившего свою задачу.

– Какое вы оружие выбираете, Хэлбокс? – спросил Сандерс.

– Конечно же, пулемёт! – с убеждённой уверенностью ответил Хэлбокс.

Хэлбокс внимательно наблюдал за заездом Кэтрин и Малыша Хью и сделал некоторые выводы. Просчитывая тактику предстоящего поединка, он безусловно решил для себя с самого начала гонки занять позицию преследующего. На самом деле его амбиции были настолько высоки, что он чуть ли не однозначно собрался победить соперника без всяких компромиссов. Он думал, что у него всё просчитано: он выберет предложенный на выбор пулемёт для ближнего плавного ведения обстрела, а противнику оставит одиночные дальнобойные орудия и не даст ими воспользоваться, захватив задний фланг в паре. И вот они вместе с Джокером уже заняли свои места в кабинах сновигаторов, и на разогреваемых двигателях ждали обратного отсчёта. Машины стар-

товали. Джокер не стал упрямо выжидать каких-либо соотношений позиций соперников по отношению друг к другу и просто ушёл на скорости вперёд. Оторопевший Хэлбокс начал спешно его догонять, бездумно набирая скорость, и вот уже планируемый им методичный обстрел с заднего фланга превратился в обычную погоню, в которой он явно отставал по той же причине незнания трассы с многочисленными трамплинами и препятствиями. Через пятнадцать минут Хэлбокс понял, что реально теряет позицию, в которой можно было бы ещё как-то нагнать соперника, а значит, он просто проигрывает эту гонку, как отстающий по времени или финиширующий последним. Всё его внимание теперь было приковано к быстрому реагированию на вновь возникающие на пути препятствия, которые необходимо было грамотно и резко обходить или проходить, как некоторые из трамплинов, которые он мог ещё брать на такой скорости. Скорость в свою очередь достигла уже совсем не приемлемой для этого уровня трассы девяноста узлов и Хэлбокс еле справлялся с управлением, уже не обращая внимание на приборы и информирующие мониторы. Внезапно в корпус сноувигатора сзади ударила целая кавалькада выстрелов. Хэлбокс не успев ничего понять, вздрогнул от резких громких ударов и массивной инерции, которая просто подкинула его сноувигатор, и, перевернув набок, выкинула с трассы в сторону. Дальнейшее было похоже на то же, что произошло и с Кэтрин: сноувигатор протащило по снегу вперёд ещё метров пятьдесят, по-

сле чего он остановился, зарывшись в снег боковой аэродинамикой с одной стороны. Через буквально несколько минут сзади медленно подъехал сновигатор Джокера, как грозный танк, одержавший очередную высокопрофессиональную победу. Хэлбоксу было видно, как Джокер внутри кабины спокойно повернул голову в его сторону, посмотреть на состояние противника, после чего, убедившись, что цель жива и чувствует себя нормально, без единого слова в эфире, вальяжно развернул свой сновигатор и уехал в обратном направлении.

Хэлбокс лежал в кресле пилота молча на боку, обескураженный этим довольно дерзким поступком Джокера, и потихоньку соображал, как это могло получиться. Джокер оказался гораздо коварнее, чем можно было себе представить. Он просчитал Хэлбокса изначально, когда тот выбрал пулемёты после поражения Кэтрин. Он сразу превратил поединок в гонку на высокой скорости, при которой просто невозможно следить за мониторами, включая спутниковую штурман-локацию и ультразвуковой локатор, с помощью которых можно отслеживать движение и местонахождение соперника. Но даже при этом на такой скорости не всегда возможно сразу чётко понять, что впереди идущий объект остановился, что собственно и сделал Джокер после очередного объёмного препятствия, просто спрятавшись за ним и дождавшись, пока цель выйдет на открытый удобный участок для беспрепятственного обстрела. Затем Джокер просто уничто-

жил лёгкую ничего не подозревающую добычу.

– Хэлбокс, с вами всё в порядке? – прозвучал голос Сандерса в эфире.

– Да, – устало выдавил Хэлбокс.

– Не расстраивайтесь там сильно, – успокаивал Сандерс, – спасательная группа уже вышла за вами.

Хэлбокс отключил защитный экран гермошлема и с грустным задумчивым лицом продолжал беспомощно лежать на боку, ожидая спасательного отряда и думая о том, что так и не смог сделать хотя бы одного выстрела по цели, о чём так мечтал в самом начале заезда.

Спустя какое-то время подъехал вездеход спасателей, и они своими отлаженными действиями вытащили его и поставили в естественную рабочую позицию. После чего, аналогично предыдущему случаю, было произведено тестирование систем, в результате которого обнаружилось повреждение системы бокового руления, только с другой стороны. Сновигатор уже привычно взяли на буксир и доставили вместе с Хэлбоксом до станции. На этом были закончены все мероприятия, запланированные программой испытания нового оружия.

ГЛАВА XXIII. ИСХОД.

Не смотря на общий восторженный ажиотаж среди всех участников проекта по поводу удачного окончания прове-

дённных испытаний, российская команда покидала «Амундсен-Скотт» в довольно подавленном настроении. Джонса опять переполняли спорные чувства: с одной стороны он явно уступил ущербное место проигравшего Хэлбоксу и снял с себя дополнительные негативные напряжения, с другой – он жалел, что упустил вероятную возможность самостоятельно постоять за честь команды. В любом случае поражение было настолько фатальным и необратимым, что создавалось ощущение какой-то адской издёвки с американской стороны, пахивающее злой клоунадой. Ведь команда шла на новое задание, как на серию тренировочных испытаний, то есть явно с научной и познавательной целью, а в итоге незаметно для всех в конце всё вдруг превратилось в тотальный разгром самомнения и чувств собственного достоинства. При этом никакой явно выраженной агрессии и злорадства со стороны американцев не происходило, напротив они вели себя, как ни в чём не бывало, улыбаясь, радуясь и ни капли не превосвышали своё положение над чьим-либо другим.

Фрэя конечно же заметила смуту в глубине сознания Джонса и поспешила

поскорее её как-нибудь нейтрализовать, чтобы не вывести внутреннее настроение из общего равновесия.

– Успокойся, Джонс, – спокойно и нежно сказала она, посмотрев ему в глаза и взяв за руки, – ты – лидер команды, должен быть выше этого. От твоего внутреннего настроения зависит общее настроение и психологический тонус всех

остальных.

– Да я особо и не переживаю, – ответил он ей, – просто как-то странно получилось, что ехали за одним, а уехали с другим.

– Тебе должно быть всё равно, – продолжала она, – ты должен сосредоточиться только на мысли об очередной успешно выполненной миссии и всё.

– Да всё в порядке. Я просто переживаю ещё за ребят.

– Ребята равняются на тебя, не забывай об этом. Это сила устава и протокола подчинения. Подумай лучше о нашем хорошо профинансированном продолжении отпуска буквально через несколько дней.

– Я так и сделаю! – ответил он утвердительно.

Вечером тоже дня состоялся небольшой банкет в честь окончания программы испытаний, на котором присутствовал буквально весь без исключения персонал станции, кроме трёх человек: дежурного диспетчера станции, Архипа Великого и его референта. Никто не знал, почему он не захотел присутствовать на этом торжестве. Возможно, у него просто не было настроения или же по каким-то своим принципам он считал для себя это неприемлемым в данном формате, а может быть просто был занят чем-либо более важным в данный момент, но в этот вечер его никто не видел среди собравшихся.

Команда отправлялась в свою конечную завершающую точку прибытия, на станцию «Восток» на следующий день

через Восточную Равнину. Поздно вечером, когда пилоты уже сдали свои отчёты по выполненной работе в течение миссии, подписав соответствующие документы в штабе командования на станции «Восток» к Джонсу подошла встревоженная Фрэн и сказала ему:

– Давай отойдём – мне нужно срочно тебе кое-что сказать!

Они уединились в одной из бытовых комнат, и Фрэн взволнованным голосом сказала:

– Одна моя старая хорошая знакомая по институту работает здесь синоптиком в отделе метеорологии. Я абсолютно случайно встретила её в коридоре по пути сюда. Мы зацепились фразами, о том, как дела и она в разговоре невзначай спросила про ту бурю, в которую мы попали по пути на «Амундсен-Скотт». Так вот, она сказала, что буря на самом деле была спрогнозирована за восемь часов до возникновения и синоптики на «Амундсен-Скотт» не могли об этом не знать.

Продолжение следует.